

Вестник Героев

№ 35
10
2012

СОВЕТСКОГО СОЮЗА, РОССИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Русский рывок в Арктику

«100-летие русских арктических экспедиций»

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Полярный
Исследователь

**ГЕОРГИЙ
СЕДОВ**

стр. 3

Пойти. Найти!
И... пропасть...

В. РУСАНОВ

стр. 5

Дрейф
«Святой Анны»

Г.А. БРУСИЛОВ

стр. 7

О.Ю. ШМИДТ

Герой XX века!

стр. 12

Дважды Герой
Советского Союза

Г.П. КРАВЧЕНКО

стр. 20

Георгий Седов со спутниками перед последним походом

ГЛАВНАЯ ТЕМА

«...Северный океан есть пространное поле, где усугубиться может Российская слава, соединенная с беспримерной пользой...»

Это высказывание принадлежит гениальному русскому ученому М.В. Ломоносову. Сегодня справедливость этих слов становится очевидной.

Крайний Север и Арктика приобретают все большее значение как для развития экономики России, так и обеспечения ее безопасности. В известном смысле именно Крайний Север и позволял держаться на плаву российской экономике, подстраховывая ее в периоды спадов и кризисных явлений за счет огромных доходов от экспорта сырьевых ресурсов, цены на которые в последние годы, несмотря на конъюнктурные колебания, держались на довольно устойчивом уровне. По некоторым оценкам в недрах арктической зоны России добываются 100% российских алмазов, 98% платиноидов, 90% никеля и кобальта, 60% меди. И очень важно, что в арктических районах, на арктическом

континентальном шельфе находятся богатейшие запасы углеводородов. Так, на Ямале уже сегодня добывается 85% российского газа и 14% нефти и газоконденсата.

Ключевое значение для освоения природных богатств российского Крайнего Севера и Арктики приобретает Северный морской путь – кратчайший морской путь, связывающий западные районы русского Приполярья с нашим Дальним Востоком, Европу с Японией и Китаем. Следует учитывать также, что арктический континентальный шельф России оказался исключительно богат гигантскими месторождениями нефти и газа, так что возрастающий интерес россиян к Арктике вполне объясним. Мне как президенту Ассоциации полярников, руководителю и организатору многих арктических экспедиций особенно близки пророческие слова великого Михайлы Васильевича Ломоносова: «Колумбы Русские, презрев угрюмый рок, меж льдами новый путь отворят на восток».

Позиции России в арктических районах восточного полушария существенно поколебались в конце XX в. в связи с распадом СССР и изменением политического и экономического состояния нашего общества.

Сегодня ситуация меняется, и государство, наконец, начинает поворачиваться лицом к проблемам Крайнего Севера и Арктики. И эта тенденция вполне закономерна.

Хочется верить, что позиции России в Арктике в первые десятилетия XXI в. вновь укрепятся, что интерес российского общества и российских властей к положению в Арктике возрастет.

А. Н. Чилингаров

*Президент Ассоциации полярников России,
Первый вице-президент Русского Географического общества,
Герой Советского Союза,
Герой Российской Федерации*

ЦЕНА РУССКОГО ПОЛЯРНОГО УСПЕХА

Владислав Сергеевич Корякин
Писатель, историк
арктических экспедиций.
Почетный полярник,
Доктор географических наук,
Участник многих полярных экспедиций,
семь раз посетивший Новую Землю,
одиннадцать - Шпицберген.

Истоки событий, о которых будет рассказано ниже, к началу XX столетия, имели почти четырехвековую давность. Не позднее 1525 г. московский посол при папском дворе в Риме Дмитрий Герасимов сформулировал идею Северного морского пути следующим образом: «*Двина, увлекая бесчисленные реки, несет в стремительном течении к северу, и море там имеет такое огромное протяжение, что по весьма вероятному предположению... держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая*».

Воспользовавшись этой идеей, на протяжении последующих столетий западноевропейские моряки лишь побывали не далее Югорского полуострова, у современной Амдермы, в то время как наши поморы Федот Алексеев сын Попов по кличке Холмогорец и Семейка Дежнев прошли в 1648 г. современным Беринговым проливом. Великая Северная экспедиция, практически положившая на карту все арктическое побережье Сибири, доказала что Северный морской путь для парусников не имеет практического значения,

и ситуация изменилась лишь с появлением парусно-паровых судов.

Сибирские золотопромышленники Сидоров и Сибиряков выступили с идеей мореплавания из европейских портов к устьям Оби и Енисея, не встретив, однако, поддержки в официальных кругах. По мнению Ф.П. Литке, в то время реального руководителя Географического общества и Академии наук, «*у нас, русских... еще нет такого моряка, который решился плыть морем в устье Енисея*».

Еще решительнее высказался царедворец генерал Зиновьев, воспитатель будущего императора Александра III:

«*Такие идеи могут производить только помешанные*».

На практике эти люди отражали точку зрения помещиков из европейской России, не желавших конкуренции сибирского хлеба со своим собственным на европейские рынках. Сибиряки были вынуждены обращаться к иностранным морякам и ученым, нанимая их для плаваний в наших арктических водах.

Наиболее известным из них стал

швед А.Э. Норденшельд, впервые совершивший плавание по Северному морскому пути на парусно-паровом барке «Вега» с машиной всего 60 л.с., с одной зимовкой. Начало было положено, и к рубежу XIX и XX столетий плаванья на Обь и Енисей стали обычным делом.

Сейчас мало кто помнит, что рельсы для Транссиба в 1893 г. доставлялись морем и далее по Енисею до Красноярска.

Все чаще вставал вопрос о специальном гидрографическом оборудовании Севморпути. Появление ледокола сделало эту проблему еще более актуальной.

Однако на общем фоне усилий многих полярных исследователей и экспедиций стал обозначаться некий предел, отмеченный прежде всего техническими возможностями и знаниями о природе Арктики, переход за который оказался чрезвычайно опасным, как это будет показано на примере целого ряда экспедиций, печальный столетний юбилей которых приходится на 1912–1913 гг. Речь о них пойдет ниже.

Отчет экспедиций Клуба «Живая Природа» 2010–2012 годов на Землю Франца-Иосифа «По следам двух капитанов» при поддержке Пограничной службы и Авиации ФСБ России

В период летних полевых работ в июле – августе 2010–2012 гг. на Земле Франца-Иосифа Клуб «Живая природа» при поддержке Пограничной службы и Авиации ФСБ России провел три комплексные экспедиции «По следам двух капитанов».

Основной задачей многолетней программы было обнаружение следов пребывания и вероятного места гибели пропавшей группы экспедиции Брусилова 1912–1914 гг., которая покинула шхуну «Святая Анна» в апреле 1914 г. и выдвинулась в сторону архипелага Земля Франца-Иосифа (ЗФИ).

По историческим данным было установлено, что группа из четырех человек (матрос Владимир Губанов, рулевой Петр Максимов, матрос Павел Смирников, стюард Ян Регальд) пропала без вести на острове Земля Георга. Поиск велся на территории общей протяженностью береговой линии более 50 км.

В результате работы были обнаружены останки одного из участников команды В. Альбанова, его личные вещи, снаряжение и фрагменты дневников. Ценность находки в том, что обнаруженные останки и вещи являются сегодня единственными подлинными свидетельствами экспедиции Г. Брусилова на «Святой Анне».

Предыстория нашей экспедиции начиналась с романа Вениамина Каверина «Два капитана». Вряд ли найдется хоть один человек, который в юности его не читал. По этой книге было снято два фильма и на ней выросло не одно поколение россиян.

Каждый из членов команды экспедиции «По следам двух капитанов» мечтал, также как и Санька Григорьев, найти следы пропавшей экспедиции. В юности появилась мечта, которая выросла в большое увлечение Арктикой. В процессе изучения истории северных исследований пришло понимание, что роман Каверина основан на реальных событиях. Две полярные экспедиции 1912 г. стали прообразами романа: экспедиция Георгия Седова на судне «Святой Великомученик Фока», ушедшая на покорение Северного Полюса, и экспедиция Георгия Брусилова на шхуне «Святая Анна», направляющаяся Север-

ным морским путем в Охотское море.

Экспедиция «По следам двух капитанов» отправилась на поиски пропавших на архипелаге Земля Франца-Иосифа участников экспедиции Г. Брусилова. Основой для поисков послужили изданные дневники Альбанова и Конрада, в которых документально изложены трагическая судьба полярной экспедиции лейтенанта Г.А. Брусилова на шхуне «Святая Анна» и многодневный переход штурмана В.И. Альбанова и его спутников по дрейфующим льдам на юг к Земле Франца-Иосифа. Из 24 участников экспедиции выжили лишь двое – штурман Валерий Альбанов и матрос Александр Конрад. Два человека умерли от болезней, остальные 20 – пропали без вести.

24 июля 2010 г. при поддержке вертолета авиации ФСБ был обследован мыс Мэри Хармсорт (о. Земля Александры) куда группа, возглавляемая штурманом

Альбановым, вышла после двухмесячного перехода от «Святой Анны» по дрейфующим льдам Ледовитого океана.

На юго-восточной оконечности мыса Ниль обнаружены (с использованием металлодетекторов) две винтовочные гильзы калибра 6,7 мм, датированные 1910 г., что указывает на вероятное направление движения пропавшей группы.

25 июля 2010 г. при неблагоприятных погодных условиях (низкая облачность, туман) одна из поисковых

групп выдвигается пешком на ледник по предполагаемому маршруту движения пропавшей группы. Оставшаяся команда продолжает детальное обследование юго-восточной оконечности мыса Ниль.

За ледником, в 5 км южнее мыса Ниль, у безымянного скального массива были обнаружены останки человека (80-15-282 СШ, 046-54-068 ВД).

С 26 по 31 июля 2010 г. все силы экспедиции были направлены на тщательное и детальное обследование места находки. В связи с тем, что человеческие останки были обнаружены в каменной осыпи, их извлечение было крайне затруднено и связано с высокой степенью риска. В процессе работ извлечены останки предположительно одного человека, личные вещи и снаряжение, упомянутые в дневнике Альбанова.

Кроме фрагментов скелета, одежды, личных вещей и снаряжения, обнаружены фрагменты тетради с сохранившимися записями, которые подтверждают, что эти находки принадлежали членам команды экспедиции Брусилова.

4 августа 2010 г. силами участников экспедиции в базовом лагере изготовлен памятный крест для установки на месте обнаружения останков одного из участников экспедиции Брусилова.

Успех нашей многолетней комплексной экспедиции стал возможным благодаря всесторонней тщательной подготовке, подбору высокопрофессиональных спе-

циалистов, пятилетнему кропотливому изучению исторических документов и материалов, а также профессиональной поддержке Пограничной службы и Авиации ФСБ России.

Итогом многолетней работы Клуба «Живая Природа» совместно с Пограничной службой, Авиацией ФСБ России, специалистов Института криминалистики Центра спецтехники ФСБ России, специалистов ФГУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» в экспедиции «По следам двух капитанов» является уникальная коллекция артефактов и расшифрованных дневников участников экспедиции Г. Брусилова на «Святой Анне». Работа над идентификацией останков продолжается.

12 сентября 2012 г. в рамках научной конференции с международным участием «История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему», проходившей в г. Архангельске, более 90 находок были торжественно переданы руководителем экспедиции О.А. Проданом в экспозицию Архангельского краеведческого музея. Теперь стало возможным не только ознакомиться с находками, но и продолжить научное изучение найденных документов.

В связи с территориальной принадлежностью ЗФИ Архангельской области необходимо поднять вопрос в областном собрании депутатов о наименовании безымянных скал на о. Земля Георга Земли Франца-Иосифа, где были обнаружены останки участника экспедиции Г. Брусилова, в «Скалы Упокоения».

Все работы по сбору исторических материалов проводились под научным руководством и при непосредственном участии сотрудника Института Археологии РАН, имеющего соответствующие разрешения на проведение данного вида работ.

В ходе экспедиции произведена подробная фото- и видеосъемка.

Руководитель экспедиции,
Почетный полярник,
Действительный член РГО
О.А. Продан

Саня Григорьев и капитан Татаринов
(роман В. Каверина «Два капитана») город Псков

ПОЛЯРНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГЕОРГИЙ СЕДОВ

Образ этого выдающегося полярного исследователя до настоящего времени вызывает споры даже среди специалистов-полярников, с одной стороны, а с другой, несомненно, остается с нами на борту кораблей и многих географических картах, чему способствуют также обстоятельства его биографии. В глазах многих его главная жизненная неудача – сорвавшаяся попытка достижения Северного полюса – перечеркивает все предшествующие достижения. Таким образом, уже отмеченные детали позволяют считать, что речь идет о противоречивой личности с непростой судьбой, чей жизненный опыт, тем не менее, сохраняет свое значение для потомков столетие спустя, но не только. Он оставил нечто для страны, которой честно служил, как это понимал сам. Ответ на многие возникающие вопросы дает биография полярного исследователя.

Не просто выходец из народа – из его низов, переселенцев на берега Азовского моря, где пришлый элемент не принимали обосновавшиеся на его берегах казаки, презиравшие пришлый элемент. В полном смысле родился в семье, которую вполне можно назвать – голь перекатная, девять детей, из которых Егорка оказался четвертым. Неудивительно, что до четырнадцати лет он оставался неграмотным, а потом что-то просыпается в непоседливом ищущем подростке, активно сопротивляющемся окружающей засасывающей окружающей среде – это качество останется с ним на всю жизнь. Добивается поступления в церковно-приходскую школу, где вскоре становится одним из первых. Уже на этом этапе жизненного пути стремление к первенству становится его второй натурой, проявляясь в большом и малом.

Постепенно помощник отца-рыбака превращается в пастуха у окрестных зажиточных крестьян, затем становится приказчиком в лавке. Неожиданно подросток в процессе становления в молодого человека, обнаруживает, что он «рубел и тупел душой и сердцем, а между тем мне хотелось развития, мне хотелось читать, вращаться среди умных и порядочных людей». Так он сам обозначил свои истоки – всё остальное уже следствия того юношеского выбора, подсказанного заезжим моряком.

Бегство из семьи, чтобы заработать необходимый морской стаж для поступления в мореходные классы, для которых надо было уметь читать и писать вместе с четырьмя правилами арифметики, освоенными в церковно-приходской школе. Заработок позволил восстановить отношения с семьей, которую он не собирался бросать.

Перечислим дальнейшие ступени жизненного пути наверх. Капитанский диплом оказался бесполезным при отсутствии вакансий. Пришлось посту-

Полярный исследователь
Георгий Седов

пать вольноопределяющимся на флот, где за два года Георгий Яковлевич заработал серебряные погоны флотского прапорщика – золотые носили выпускники Морского корпуса. С помощью заслуженных гидрографов Варнека и Дриженко получил «добро» на сдачу экзаменов за Морской корпус.

Служба в Гидрографическом управлении не считалась престижной среди господ офицеров Императорского флота ни по перспективам, ни по карьерным соображениям, тем более вдали от светских удовольствий столицы, зато давала опыт исследовательской деятельности. Седов получил его начиная с 1901 г. в работах на Новой Земле, Печерском море, на Каспии и в других столь же отдаленных морях и морских побережьях. С началом военных действий с

Японией направляется в Николаевск-на-Амуре, где командует миноноской. Одновременно он разрабатывает план атаки главной базы Японского флота, не осуществившегося в связи с окончанием военных действий. В 1909 г. получает задание на поиск фарватера в дельте р. Колымы, который используется и по настоящее время. На следующий год направляется на Новую Землю в связи с созданием постоянного поселения (становища) в Крестовой губе, где встречается с В.А. Русановым, проводившим свою первую самостоятельную (четвертую по счету) экспедицию на архипелаг. К этому времени Седов был опытным полевым исследователем, включая полярные районы. Интерес у Седова к достижению Северного полюса впервые возник, видимо, в 1903 г. во время

стоянки в Архангельске судна «Америки» экспедиции А. Фиала, отправлявшегося на Землю Франца-Иосифа, откуда он намеревался выйти к полюсу на собачьих упряжках. Несомненно, богатое снаряжение экспедиции произвело на Седова должное впечатление, даже если в ту пору он не задумывался о чем-либо подобном.

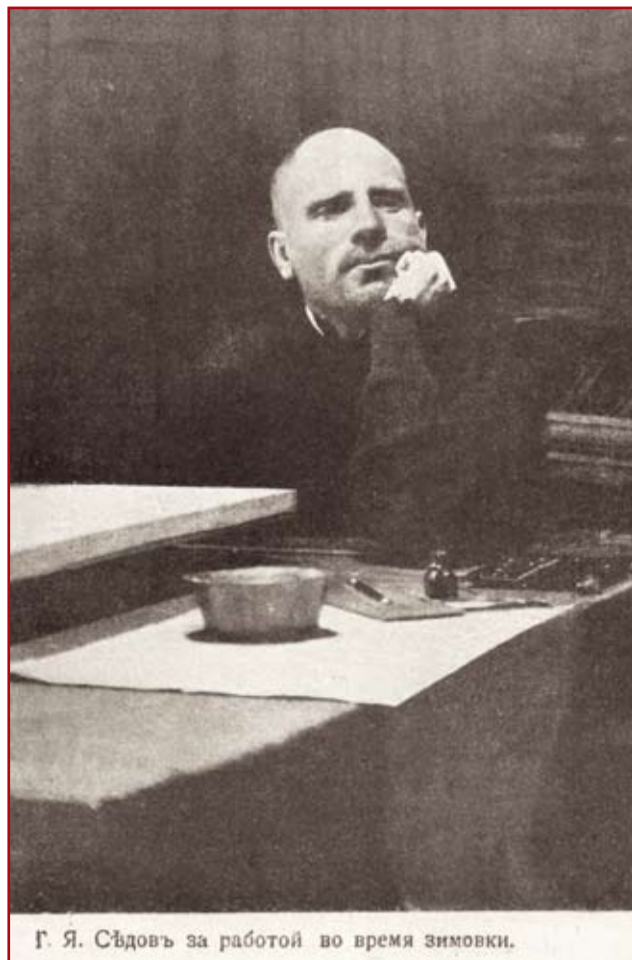
Главным событием, заставившим Седова обратиться к проблеме достижения Северного полюса стал известный скандал между американцами Куком и Пири в споре о первенстве, и вмешательство в него Амундсена, завершившегося, как известно плаванием в противоположном направлении к берегам Антарктиды, которого Седов, разумеется, не мог предполагать. Характерно, что за редким исключением ни один из серьезных полярников той поры не принял определенно заявки ни того, ни другого на покорение полюса по единственной причине – нужны были конкретные факты на основе конкретных результатов наблюдений в приполюсном районе, которые были получены спустя практически полвека. Собственно, замысел Седова в этом контексте следует расценивать по двум направлениям: 1) утверждение русского первенства, поскольку у американцев четких доказательств не было, и 2) получить или опровергнуть эти доказательства в результате посещения самого полюса, что требовало серьезных научных исследований.

Все последующие события достаточно исследованы историками науки, начиная с самих участников седовской экспедиции – прежде всего географа Владимира Юльевича Визе, ведущего полярного специалиста советской поры в области науки, и художника и кинооператора экспедиции Николая Васильевича Пинегина, обнаживших мотивировку последних решений Георгия Яковлевича, в значительной мере связанных с понятиями офицерской чести и долга, добившись которых дорогой ценой, он не мог поступиться.

Разумеется, на этом пути он не мог не допустить целого ряда реальных упущений, из которых одно потянуло за собой другое, что в конечном итоге привело к позднему выходу в море из Архангельска. Поздний выход привел к незапланированной зимовке на Новой Земле вместо Земли Франца-Иосифа. Это время не было напрасно потеряно для науки, но осуществление главной задачи было тем самым отодвинуто, по крайней мере, на год. А в течение этого года здоровье инициатора полюсной операции, увы, пришлось в такое состояние, которое было невозможно предвидеть заранее. Именно это и стало главной причиной неудачи, которую Седов не мог пережить. Однако обратимся к хронологии событий, заранее отказавшись от домыслов любителей сенса-

«Св. Фока»

Г. Я. Седов за работой во время зимовки.

ций, не имеющих ничего общего с реалиями Арктики и известной информацией о последнем маршруте полярного исследователя.

Выход в море из Архангельска состоялся только 14 августа 1912 г., тогда как начало зимовки на Новой Земле в бухте Фоки (полуостров Панкратьева) 20 сентября на фоне общей неблагоприятной ледовой обстановки, и закончилась только 25 августа, т.е. продолжалась 352 дня. Сам Седов считал научные достижения экспедиции поводом «радоваться предварительному успеху и полному благополучию экспедиции» на момент оставления Новой Земли, к чему были все основания. Действительно, был выполнен годичный цикл метеонаблюдений, без которых было бы невозможно оценить будущее потепление Арктики. Кроме того, в 700-километровом маршруте Седовым был положен на карту участок по-

бережья Новой Земли от полуострова Панкратьева до мыса Флисингенский, использованную при составлении Первой «Лоции Карского моря и Новой Земли», изданной в 1930 г. Кроме того, эта карта позволила оценить начало отступления ледников архипелага с начавшимся вскоре потеплением Арктики. Наконец, участник экспедиции Визе первым пересек ледниковый покров Новой Земли, установив его природные особенности, а также на основе своих наблюдений объяснил происхождение здешних свирепых ветров, известных с тех пор под названием новоземельской боры, по аналогии с новороссийской. Какой ценой дались Седову эти достижения, если учесть что в своем маршруте он похудел на 16 кг.

С этими достижениями экспедицию можно было считать вполне удавшейся и начать возвращение, хотя и без главного приза. Несколько десятков его предшественников на пути к Северному полюсу именно так и поступали, что не помешало им занять достойное место в истории познания Арктики. Но подобное было совершенно неприемлемо для Седова с его обостренными понятиями офицерской чести и достоинства, за которые он заплатил своей предшествующей жизнью и карьерой.

Эти особенности отчетливо прослеживаются в его характере еще до начала полярной экспедиции. Действительно, еще до ее начала чин «поручика по Адмиралтейству» он предпочел сменить на чин старшего лейтенанта Императорского флота, поменяв тем самым практически простонародные серебряные погоны на золотые, отличающие выпускника Морского корпуса из дворян. После Колымской экспедиции 1909 г. он удостоился личной аудиенции императора Николая II, который пожертвовал также 10 тыс. руб. на его экспедицию к полюсу. Наконец, его женитьба на Вере Май-Маевской, племяннице известного генерала и балерине императорского Мариинского театра также свидетельствовала о стремлении в высшее общество, также свидетельство его стремления занять достойное положение в обществе. Недаром среди названий, которые он присваивал вновь открытым природным объектам, наряду с деятелями науки присутствуют топонимы в честь наследника цесаревича Алексея, председателя государственной думы Шульгина, гофмейстера двора Балашова и т.д. Уже по этим признакам можно считать, что бесславное возвращение было для него неприемлемым прежде всего с моральной точки зрения.

Вот почему, вопреки обстоятельствам (накануне выхода в полярный маршрут у Седова наблюдались все характерные признаки цинги), он всё-таки решился на маршрут, из которого не вернулся, оставшись на страницах истории полярных исследований. Другое дело, что историки нередко подавали это решение по-своему, нередко руковод-

Члены экспедиции Седова.—Первый слева—Г. Я. Седов.

Участники экспедиции в кают-компани «Св. Фоки».

1. Г. Я. Седов.—2. Н. П. Захаров.—3. И. А. Зандер.—4. М. В. Павлов.—5. Н. М. Сахаров.—6. В. Ю. Визе.—7. П. Г. Кушаков.—8. Н. В. Пинигин.

ствуясь конъюнктурными соображениями советского времени. Так, в частности, произошло с выходом книги Нагорного «Седов» в серии «Жизнь замечательных людей», приуроченной к завершению легендарного дрейфа в январе 1940 г. Надо было подать образ предшественника, выходца из народа с классовых позиций, в которые он не укладывался.

Важнее, однако, то, что Седов сделал для России, позволив позднее своими исследованиями включить архипелаг Земли Франца-Иосифа в состав уже советского государства, в которое на семьдесят лет превратилась Россия. Роль Седова в истории изучения Российской Арктики настолько велика, что спекуляции вокруг обстоятельств его гибели продолжаются и по настоящее время, заставляя вспомнить слова классика:

*«Гиены и трусов, и храбрецов
Жуют без лишних затей.
Но они не пятнают имен мертвецов,
Это — дело людей».*
Р. Киплинг

В.С. Корякин

ПОЙТИ. ОТКРЫТЬ! И... ПРОПАСТЬ...

Эти слова величайшего английского поэта как нельзя лучше относятся к биографии крупнейшего русского полярного исследователя предреволюционной поры - **Владимира Александровича Русанова**.

Возрастание интереса России к своим полярным владениям в начале XX в. привело к организации нескольких экспедиций, среди которых экспедиция под начальством выпускника парижской Сорбонны – наиболее интересна по многим причинам. Во-первых, она единственная, во главе которой стоял ученый, геолог по специальности, успешно сочетавший теорию с практикой. Во-вторых, из всех известных полярников той поры Русанов обладал наибольшим полевым опытом, полученным в предшествующих пяти экспедициях. В-третьих, результаты его исследований давали самый высокий практический выход. В-четвертых, его деятельность максимально отвечала государственным интересам.

Чтобы оценить личность этого исследователя, необходимо остановиться на его предшествующей деятельности. Первая экспедиция состоялась на Новую Землю в 1907 г. и была, по сути, студенческой самодеятельностью. Вместе с биологом Молчановым, студентом Харьковского университета, он исследовал берега Маточкина Шара, наметив актуальную до настоящего времени проблему – отступление ледников на фоне происходящего глобального потепления. В двух последующих экспедициях на Новую Землю в 1908 и 1909 г. он создал геологическую концепцию Новой Земли как продолжения складчатой зоны Урала, которая в значительной мере остается основой геологических поисков как на самом архипелаге, так и в окружающих морях. В 1910 г. он приступил к первому конкретному решению проблемы Северного морского пути, для начала совершив обход Северного острова Новой Земли на парусно-моторном судне – впервые под русским флагом. Особый эффект этого достижения заключался на фоне неудачи своего предшественника – адмирала С.О. Макарова на ледоколе «Ермак», причина которой для современников осталась непонятной: новым техническим средством, определившим развитие Северного морского пути, на многие десятилетия вперед, не научились пользоваться. Хотя многие завистники

В.А. Русанов

считали достижение Русанова случайным, он повторил его в 1911 г., обогнув Южный остров Новой Земли на моторной лодке.

Результаты этих экспедиций заключались как в новых геологических сборах, так и в наблюдениях за развитием ледовой обстановки, связанной, по мнению Русанова, с проникновением теплых вод Гольфстрима в моря Северного Ледовитого океана. Все чаще исследователь задумывался об освоении Северного морского пути, для чего

предложил целый ряд мероприятий, начиная от создания флота специальных ледовых судов, и кончая постройкой специальных полярных станций для наблюдений за состоянием ледовой обстановки на будущей транспортной трассе, а также переходом к ледовому прогнозу в будущем. Тем самым были намечены все основные мероприятия, воплощенные в жизнь уже в советское время под руководством О.Ю. Шмидта.

Русанов своими экспедициями устранил опасность освоения Новой Земли норвежскими промысловиками, что в перспективе могло привести к потере этой российской территории, причем в высшей степени деликатно – без стрельбы и других ненужных эксцессов. Это оценили «наверху» – в 1912 г. ему было поручено возглавить экспедицию

на Шпицберген для закрепления исторических прав России на этом архипелаге, открытом многие века назад предприимчивыми поморами. Эта последняя экспедиция оказалась фатальной для нашего выдающегося полярного исследователя, поскольку на несколько десятилетий он вместе со своей экспедицией пропал без вести, вызвав среди полярников острую полемику о причинах такого развития событий, и в ходе которой выдвигались самые фантастические версии. Со столь оригинальной и заслуженной личностью просто не могло быть иначе, на чем ниже мы остановимся детальной, предварительно рассказав о предшествующих событиях. (подобное уже было)

На лето 1912 г. Русанов планировал продолжение работ на Новой Земле, но прежде, закончив написание отчета по экспедиции 1911 г. на Южном острове Новой Земли, решил отправиться на родину в Орел, где проживали его мать и сын, оставшийся после смерти жены в 1905 г. Была еще одна причина личного свойства – он собирался известить родных о предстоящем бракосочетании с новой избранницей, студенткой Сорбонны Жюльеттой Жан.

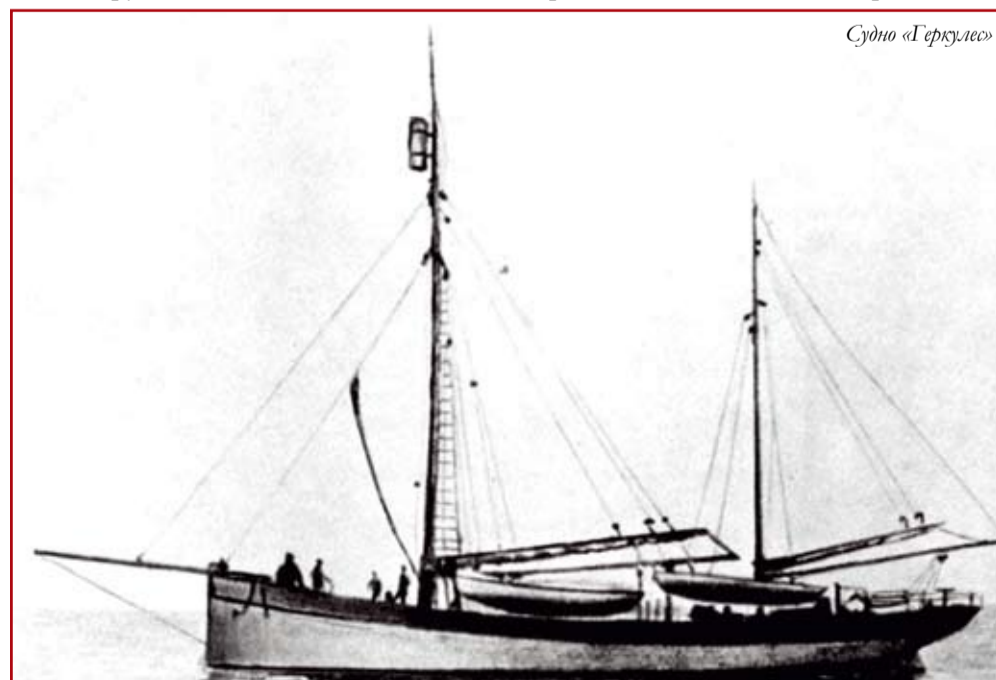
В Орел он успел, а в Париж, где его ждала суженая, явно не успевал: оставшееся время заняла подготовка к экспедиции на новый для него архипелаг. Судя по Проекту Шпицбергенской экспедиции, Русанов наметил следующие цели:

- 1) изучение природных богатств архипелага с закреплением наиболее перспективных участков за членами экспедиции;
- 2) ознакомление с деятельностью конкурентов (норвежцев, англичан и американцев), уже приступивших к эксплуатации природных богатств архипелага;
- 3) попутное проведение исследований в области географии, ботаники, метеорологии и гидрологии, поскольку эти направления обеспечивались соответствующим подбором участников экспедиции.

Особо он выделял участки, подлежащие изучению. «Нужно думать, – отмечал Русанов, – что большинство участков юго-западного побережья уже заняты иностранцами, поэтому следует обратить особое внимание на свободное и еще недостаточно обследованное восточное побережье Шпицбергена, на обширный залив Стур-фриорда с островами, лежащими от него к северо-востоку». Первоначально он мыслил приступить к работам «в поле» в середине мая, чтобы вернуться в середине октября, но, как известно, в Арктике в части работ на местности, по опыту бывалых полярников, «год на год не приходится».

Вещи, найденные на месте гибели русановцев

Судно «Геркулес»

Интересно, что в одном из документов появились такие строки, обратившие на себя пристальное внимание, когда экспедиция пропала без вести в белых просторах Арктики: «В заключение нахожу необходимым открыто заявить, что имея на руках ... судно, я бы смотрел на обследование Шпицбергена как на небольшую первую пробу. С таким судном можно будет широко осветить, быстро двинуть вперед вопрос о Великом Северном морском пути в Сибирь и пройти Сибирским морем из Атлантического в Тихий океан». Вот так – не более и не менее...

Действительно, в Норвегии Русанов купил небольшое промысловое судно под названием «Геркулес», всего в 63 регистровых тонны с мотором в 24 лошадиных силы, приспособленное для работы во льдах, а также закупил у различных норвежских фирм большую часть необходимого экспедиционного оборудования. Но, видимо, не всё, поскольку вернувшись в Россию, вдруг заявил о необходимости закупки недостающих научных приборов... во Франции. При выезде из Парижа, сообщив об успешной закупке необходимого научного оборудования, он одновременно официальным образом запросил и добился разрешения участвовать в экспедиции французской гражданке... той самой Жюльетте Жан.

В конце июня 1912 г. экспедиция на «Геркулесе» (капитан А.С. Кучин) из Александровска-на-Мурмане в Кольском заливе взяла курс на Шпицберген.

На Шпицбергене Русанов решил самую трудную задачу – он пересек главный остров архипелага, причем по ледникам в разгар таяния, выставив на восточном побережье несколько заявочных столбов на предполагае-

мых угольных месторождениях. В это время его помощник, горный инженер Рудольф Лазаревич Самойлович (будущий директор Всесоюзного Арктического института) вел самостоятельные работы, также обнаружив угольные месторождения в центральной части архипелага. Дальнейшее обследование угольных месторождений проводилось в основном на Земле Норденшельда (где были выставлены заявочные столбы в районе бухты Колбэй) и по западному побережью.

23 августа «Геркулес» подошел к норвежской радиостанции в заливе Грин-Харбор, откуда на Большую Землю ушла радиграмма: «Исследования на Шпицбергене закончены. Вся программа выполнена, поставлено 28 заявок. Собраны палеонтологическая, зоологическая и ботаническая коллекции. Обследована вся горная промышленность Шпицбергена. Много льдов. Иду на восток. Русанов». На родину были отправлены три человека, включая Самойловича – именно он на будущий год начал разработки русского угля на архипелаге, вблизи бухты Коалбэй, где в 1930-х гг. возник поселок шахтеров Грумант.

Следующее известие от Русанова пришло с Новой Земли в виде короткой записки, датированной последним днем августа 1912 г.: «Юг Шпицбергена, остров Надежды, окружены льдами. Штормом отнесены южнее Маточкина Шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов». И это все на последующие почти четверть века...

Только в 1934 г. на одном из островов вблизи побережья Таймыра гидрографы обнаружили несомненные признаки пребывания этого исследователя, явно в стороне от обозначенного им в последней записке маршрута. К этим находкам относились столб с датой «1913», несколько документов, включая визитную карточку одного из участников, остатки документа одного из матросов, брошенные нарты, неисправный фотоаппарат, дробовые патроны, сломанный горный компас и т.д. Именно документы утверждали, что всё найденное связано с экспедицией В.А. Русанова.

Оставалось понять, каким образом его экспедиция оказалась на Таймыре. Тщательно перечитайте работы Русанова – это указание на вероятный дрейф после гибели судна, а не цель последнего вояжа.

Тщательный анализ работ самого Русанова показал, что минимум случайного в этих находках. По край-

В. Русанов и Ж. Жан на борту «Геркулеса»

ней мере, три его работы посвящены морскому пути к устьям сибирских рек Обь и Енисей в обход Новой Земли с севера – это во-первых. Во-вторых, все его предшествующие экспедиции отличались своеобразным перевыполнением намеченных планов – также было и его последней экспедиции, о чем он предупредил заранее: «широко осветить, быстро двинуть вперед вопрос о Великом Северном морском пути в Сибирь». Поэтому его появление всего в 300 километрах восточнее устья Енисея неудивительно.

Наконец, о последней находке орловских поисковиков, почти четверть

века назад обнаруживших неизвестный скелет примерно в сотне километров от первых находок.

Методами судебной медицины было установлено, что это останки капитана «Геркулеса» Александра Степановича Кучина.

Итак, поиск по принципу «бороться и искать, найти и не сдаваться» продолжается.

В.С. Коржин

Дрейф «Святой АННЫ»

Георгий Львович Брусилов, капитан «Святой Анны», окончил Морской корпус в разгар русско-японской войны 1904–1905 гг. и получил назначение во Владивосток мичманом на крейсер «Богатырь», возможно, не без протекции отца, командира крейсера «Громобой». Позже молодой моряк служил на Балтике, осваивая в качестве штурмана особенности плавания в шхерах, где получил хорошую навигационную практику и очередной чин лейтенанта. Видимо, его привлекали не столь освоённые акватории, поскольку в 1910 г. он перевёлся в Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана, базировавшуюся на Владивосток, где проходил службу на ледокольном транспорте «Вайгач». По отзывам сослуживцев, «этот молодой флотский офицер был жизнерадостен, энергичен, предприимчив, хорошо знал морское дело» (Старокадомский, 1959. С. 42). Во время службы в Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1910–1911 гг. он поставил навигационный знак на мысе Дежнева, долгое время остававшийся на морских картах. Видимо, встреча с Арктикой и обретение первого полярного опыта вызвали у Георгия Львовича желание испытать себя в качестве самостоятельного полярного исследователя. Для этого он подал рапорт о предоставлении ему двухгодичного отпуска со службы, который был удовлетворен. Оставалось найти средства для покупки подходящего судна – выручили состоятельные родственники, одновременно связав предприимчивого моряка жесткими финансовыми обязательствами. Подходящее судно он нашел в Англии – это была паровая баркентина «Пандора» (на стапеле «Ньюпорт», позднее «Бланк-тра»), постройки 1867 г., специально для условий Арктики прошедшая испытание льдами Карского моря во время плаваний на Енисей в 1893 и 1896 гг. Судя по интервью старшоматра Андрея репортеру «Нового времени», опубликованному 18 июля 1912 г., при водоизмещении примерно в 1000 т грузоподъемность судна составляла 231 т. Мощность паровой машины достигала 400 индикаторных сил, что позволяло ей развивать ход по чистой воде до 7,5 узлов. Особо отметим толщину деревянных бортов – до 27 дюймов – почти 70 см, особенность судов ледового плавания того времени. Не случайно «Новое время» отмечало, что «корабль прекрасно приспособлен для сопротивления давлению льдов и в случае последней крайности может быть выброшен на поверхность льдов». Несмотря на парусное вооружение, типичное для баркентины, в историю Арктики это судно вошло как шхуна: Брусилов преднамеренно подчеркивал промысловое значение своего предприятия. С поднятием русского флага судно было переименовано в «Святую Анну» – в честь главного спонсора предприятия, жены дяди моряка – Анны Николаевны Брусиловой (урожденной баронессы Паризо де ля Валет, из потомков французских иммигрантов времен императрицы Екатерины), с которой сам Георгий Львович обязался рассчитаться будущей добычей за сумму почти 90 тыс. руб. по курсу того времени (вот уж воистину шкура неубитого медведя из русской поговорки!), сам претендуя по договору лишь на четвертую часть стоимости будущей добычи – не более! Что земная Анна, что небесная, как оказалось, не слишком благоволили к предприимчивому моряку.

Валериан Иванович Альбанов, в отличие от своего родовитого капитана, потомственного дворянина (отец которого умер на посту начальника Генерального Морского штаба, дядя – известный полководец Первой мировой, осуществивший знаменитый «Брусиловский прорыв» 1916 г. и т.д.) – уроженец сухопутной Уфы, был

Г.А. Брусилов

сыном ветеринарного врача в казачьем полку, и, таким образом, с самого рождения к морю (и тем более к морской службе) никакого отношения не имел. Тем не менее, вопреки родительской воле, в апреле 1900 г. он объявился в Петербурге, причем в самый раз, чтобы быть направленным на суда в качестве матроса-практиканта «за стол и робу» в надежде поступить осенью в мореходные классы, с 1902 г. переименованные в Училище дальнего плавания. В 1904 г. он закончил его с дипломом штурмана 2-го разряда. Две летних навигации он прослужил на Енисее, на изысканиях фарватера для судов, приходящих с Карского моря, детально ознакомившись с условиями плавания в Енисейском заливе. Затем Валериан Иванович переводится на Каспий, откуда возвращается в 1907 г. на Балтику, а еще спустя два года становится штурманом парохода «Кильдин», ходившем из Архангельска на порты Англии. Далее последовало назначение на новый пароход «Великая княгиня Ксения», обслуживавший в основном промысловые становища Мурмана. Таким образом, последние два года в жизни штурмана связаны с северными морями, отчего его появление в экипаже «Святой Анны», конечно, не было случайным.

В конце июля 1912 г. на «Святую Анну», стоявшей в Петербурге, была закончена погрузка всего необходимого. Только продовольствия из расчета на 30 человек было взято на полтора года – явно с учетом зимовки. Ассортимент не оставлял желать лучшего: по пяти сортов масла и мяса, по десяти – муки и круп, более двух тысяч банок стуженного молока, много консервированных овощей и фруктов, не считая клюквенного экстракта, свежих яиц, сладостей и тому подобного. Накануне выхода судна в море произошел при-

мечательный эпизод: главный спонсор полярного предприятия, Анна Николаевна Брусилова, настояла, чтобы другие мелкие пайщики (включая членов экипажа) вышли из дела, оставаясь на положении наемных служащих. Такое решение упрощало ее финансовые отношения с капитаном «Святой Анны», но озадачило его ближайших помощников – старшоматра Андрея, штурмана Баумана и некоторых других, которые предпочли остаться в Петербурге, обещая присоединиться к экспедиции в северных портах. Вместо них в плавание до северных русских портов отправились две юные особы, дальние родственницы Георгия Львовича, одной из которых предстояло сыграть в экспедиции немалую роль уже в ближайшем будущем, что подтверждает письмо Брусилова своей матери из Александровска-на-Мурмане от 27 августа (9 сентября): «Денги дядя (доверенное лицо своей супруги, на капиталы которой снаряжалась «Святая Анна». – В.К.) опять задержал, и я стою здесь третий день даром, когда время так дорого. Ужасно! И если бы не она (Ерминия Жданко. – В.К.), то я совершенно не представляю, что бы я делал здесь без копейки денег. Она получила 200 рублей и отдала их мне, чем я и смог продержаться, не оскандалив себя и всю экспедицию» (Алексеев, Новоклюнов. 2001. С. 202–203).

Кто же это таинственная «она», пришедшая на помощь (пусть самую скромную) в тяжелую минуту? Ерминия Александровна Жданко, родившаяся в 1891 г., из семьи военных – генеральская дочь. Встреча с Брусиловым произошла во время ее приезда в Петербург летом 1912 г., а объяснение ее дальнейшего участия в делах экспедиции мы найдем в двух письмах к родным. Первое отправлено из Петербурга в середине июля: «...Предложили мне одну экскурсию, которую мне ужас-

но хочется проделать. Дело вот в чем. Ксения старший брат купил пароход, шхуну, кажется. Он устраивает экспедицию в Архангельск и приглашает пассажиров (было даже объявление в газетах), т.к. там довольно уютно. Займет это недели 2–3, а от Архангельска я бы вернулась по железной дороге. Самая цель экспедиции, кажется, поохотится на моржей, медведей и пр., а затем они попробуют пройти во Владивосток, но это меня уже, конечно, не касается...» (Алексеев. 1985. С. 188–189).

Второе, из Александровска-на-Мурмане, отправлено родным 28 августа (10 сентября, поскольку в разных изданиях даты приводятся по разным календарным стилям, во избежание путаницы мы приводим обе), когда развитие событий приобрело весьма тревожный характер: «...Ради одной любви к приключениям я бы не решилась вас огорчить. Объяснить вам мне будет довольно трудно, нужно быть здесь, чтобы понять... Этот Андреев – друг детства всех Брусиловых, и никому не могло прийти в голову, что он так подло подведет. С Андреевым должны были приехать в Александровск ученые Севастьянов и доктор. С доктором говорились еще в Петербурге, но вдруг оказалось, что ему «мамочка не позволила», а попросту он струсил. Найти другого не было времени, затем в Трондхейме сбежал механик... Вы же можете себе представить, какое было тяжелое впечатление, когда мы вошли в гавань, и оказалось, что не только никто не ожидает нас, но даже известий никаких нет. Юрий Львович (в русском языке имена Юрий и Георгий равнозначны. – В.К.) такой хороший человек, но его подводят все самым бесовским образом, хотя со своей стороны он делает всё, что может. Самое наше опоздание произошло из-за того, что дядя, который дал деньги на экспедицию, несмотря на данное обещание, не мог их вовремя собрать, из-за этого одного чуть всё дело не погибло. Между тем, когда об экспедиции знают чуть ли не вся Россия, нельзя же допустить, чтобы ничего не вышло. Довольно уже того, что экспедиция Седова по всем вероятностям кончится печально. Вообще, когда мы пришли в Александровск, положение было достаточно печальное, а тут еще один из штурманов заболел... Доктор здешний говорит, что ему нельзя ехать. Трех матросов пришлось тоже отпустить... Всё это на меня произвело такое удручающее впечатление, что я решила сделать, что смогу, и вообще чувствовала, что если я тоже сбегу, как и все, то никогда этого себе не прощу. Юрий Львович сначала, конечно, и слышать не хотел... Наконец, согласился, чтобы я телеграфировала домой... Вот и вся история, и я лично чувствую, что поступила так, как должна была...» (Гам же. С. 190–191). Письмо в меру наивное, но мотивировка с позиций молодого максимализма, несомненно, достойна уважения. Видимо, сходные чувства испытал и отец-генерал, ответ которого гласил: «Путешествию во Владивосток не сочувствую. Решай сама...» (Алексеев, Новоклюнов. 2001). И она решила...

Последними видели «Святую Анну» моряки из экипажей судов, дожидавшихся улучшения ледовой обстановки у самой крошки льда в проливе Югорский Шар в середине сентября. Известный гидрограф Н.В. Морозов позднее вспоминал: «16 сентября я видел очень красивую баркентину, шедшую очень смело из Югорского Шара прямо во льды Карского моря; я догадался, что это «Анна» лейтенанта Брусилова» (Цит. по Визе. 1948. С. 151).

Прежде чем перейти к описанию дальнейших событий плавания «Святой Анны», отметим, что ледовая обстановка в тот год на западе Российской Арктики по всем известным источникам сложилась на редкость сложной, но не безнадежной. Северные ветры, нагнав льда на юг Карского моря и закупорив южные новоземельские проливы, вместе с тем оставили пространства чистой воды на севере Новой Земли, чем и воспользовался на крохотном «Геркулесе» (всего-то 60 т водоизмещения с мотором в 24 л.с.) Русанов, но двумя неделями раньше, чтобы успеть добраться до таймырского побережья. А затем ледовая

западня за ним захлопнулась, и экспедиция Седова уже в середине сентября была вынуждена зимовать почти на 76 градусе с.ш. у берегов Новой Земли у полуострова Панкратьева.

Сам дрейф «Святой Анны» оказался полностью неожиданным для командования судна, поскольку все известные ранее подобные случаи закачивались достаточно благополучно. Так, дрейфовавшие в 1882–1883 гг. на юге Карского моря суда «Димфна» и «Варна», снаряженные по программе 1-го Международного Полярного года, севернее 72 градуса с.ш. не поднимались. «Варна» при этом затонула в результате ледовых сжатий, но ее команда перебралась на «Димфну», которая в сентябре 1883 г. была вынесена на чистую воду через Карские Ворота. Дрейф льда в южном направлении, т.е. к Карским Воротам, позднее наблюдался, по крайней мере, дважды – в 1901 г. А.А. Борисовым на яхте «Мечта» и в 1907 г. – на знаменитой «Бельгике» (впервые в истории зимовавшей в Антарктике с экспедицией А. де Жерлана в 1897–1899 гг.). Разумеется, с учетом позднего времени «Святая Анна» не могла пройти далеко на восток, чтобы стать на зимовку в безопасном месте – низкие, плоские берега Ямала такого укрытия не давали, и не случайно уже вскоре судно оказалось во власти ветров и течений, определявших поведение льда, в первую очередь его дрейфа. Уже спустя месяц, когда судно оказалось на широте острова Белый, стало ясно, что повторения дрейфа «Димфны» и «Варны» с благополучным завершением в Карских Воротам ожидать не приходится.

Следующий важный этап дрейфа наступил на рубеже 1912–1913 гг., когда судно оказалось на широте мыса Желания у северных пределов Новой Земли, где события могли развернуться по варианту дрейфа судна австро-венгерской экспедиции «Гегеттоф» зимой 1872–1873 гг. с выносом льда к южной кромке архипелага Земли Франца-Иосифа, чего также не произошло. С потеплением Арктики в начале XX в. возрастала роль межширотного обмена тепла и льда, жертвой которого и оказалась «Святая Анна». Начавшееся потепление Арктики еще не отразилось на состоянии льда, зато направленность самого природного процесса буквально волокна беспомощное судно вглубь Центрального Арктического бассейна, чего не понимали самые проницательные из экипажа, включая Брусилова и Альбанова, не говоря о Ерминии Жданко, не обладавшей для этого необходимыми познаниями, и остальных моряков, оказавшихся в этих скованных льдом водах впервые. Всем вместе оставалось только ждать, чтобы в решительный момент попытаться переломить развитие событий в свою пользу, но подобное могло произойти только летом.

Главный вопрос, возникающий при чтении документов, доставленных на Большую Землю из белого пекла Арктики штурманом «Святой Анны» и его спутником: что именно заставило Брусилова броситься в неизвестность Карского моря накануне замерзания без ощутимых шансов на успех своего плавания в направлении Берингова пролива? Весьма прозаический ответ содержится в документах, обнаруженных Д.А. Алексеевым и опубликованных им в 1985 г. В первую очередь это относится к договору, суть которого для командира «Святой Анны» заключалась в пунктах: «...3) Я, Г. Брусилов, имею право просить (!!! – В.К.) А.Н. Брусилову о высылке мне необходимых сумм, но... ни в коем случае не могу кредитовать от ее имени и все расчеты производить наличными деньгами...; 5) За труды Г. Брусилова А.Н. Брусилова уплачивает ему из чистого остатка (прибыли в результате охоты. – В.К.) двадцать пять процентов, но лишь с той суммы, которая будет передана ей» после реализации результатов промысла! Указанные пункты уже сыграли свою роль во время захода «Святой Анны» в Александровск, но

спустя две недели они буквально загнали Г.Л. Брусилова в Карское море, ибо возвращение без добычи могло вызвать со стороны А.Н. Брусиловой такие финансовые претензии, к удовлетворению которых моряк не был готов ни финансово, ни морально. Алексеев абсолютно прав, утверждая, что у моряка «права и свобода действий по сравнению с ответственностью были сведены к минимуму» (1985. С. 184), что и стало отправным пунктом в трагедии экипажа «Святой Анны».

Тем не менее, в Югорском Шаре имели место два примечательных события, прошедших мимо внимания полярных историков:

1) 16 сентября «в 9 ч. 15 мин. пошла к строящейся радиотелеграфной станции... Тут делалась попытка взять с собой в экспедицию освобожденного на станции ввиду окончания работ студента медика, но это не удалось, потому что приходилось ожидать пароход «Иоанн Богослов», где этот студент мог сдать хозяйственную

казался лед, лавируя между которым старались пройти к Ямалу». 10 (23) сентября: «В 5 ч. утра задним ходом пробилась к свободной воде, развернулись и пошли широким каналом, подпернутым тонким слоем шуги». 16 (29) сентября: «В продолжении ночи полынья то открывалась, то закрывалась... В 10 ч. ночи полынья значительно расширилась». 8 октября: «К утру появился ряд полыней. Горизонт мглистый, и не видно, какая из полыней проходная... Идем переменными курсами, лавируя между льдами. В 11 ч. 35 мин. убрали паруса и пошли под парами». 30 сентября (13 октября): «Дрейфуем со льдом. Лед около судна начало разжимать. Кругом масса наторошенного льда... Из бочки в трубу или бинокль можно хорошо рассмотреть берег Ямала...» и т.д. и т.п.

Какие действия были предприняты экипажем в сложившейся ситуации на описанном этапе? В первый момент внимание моряков привлек именно пустынный берег Ямала почти на 72 градуса с.ш., т.е. в районе мыса Харасовой современных карт, где в наше время происходит зимняя

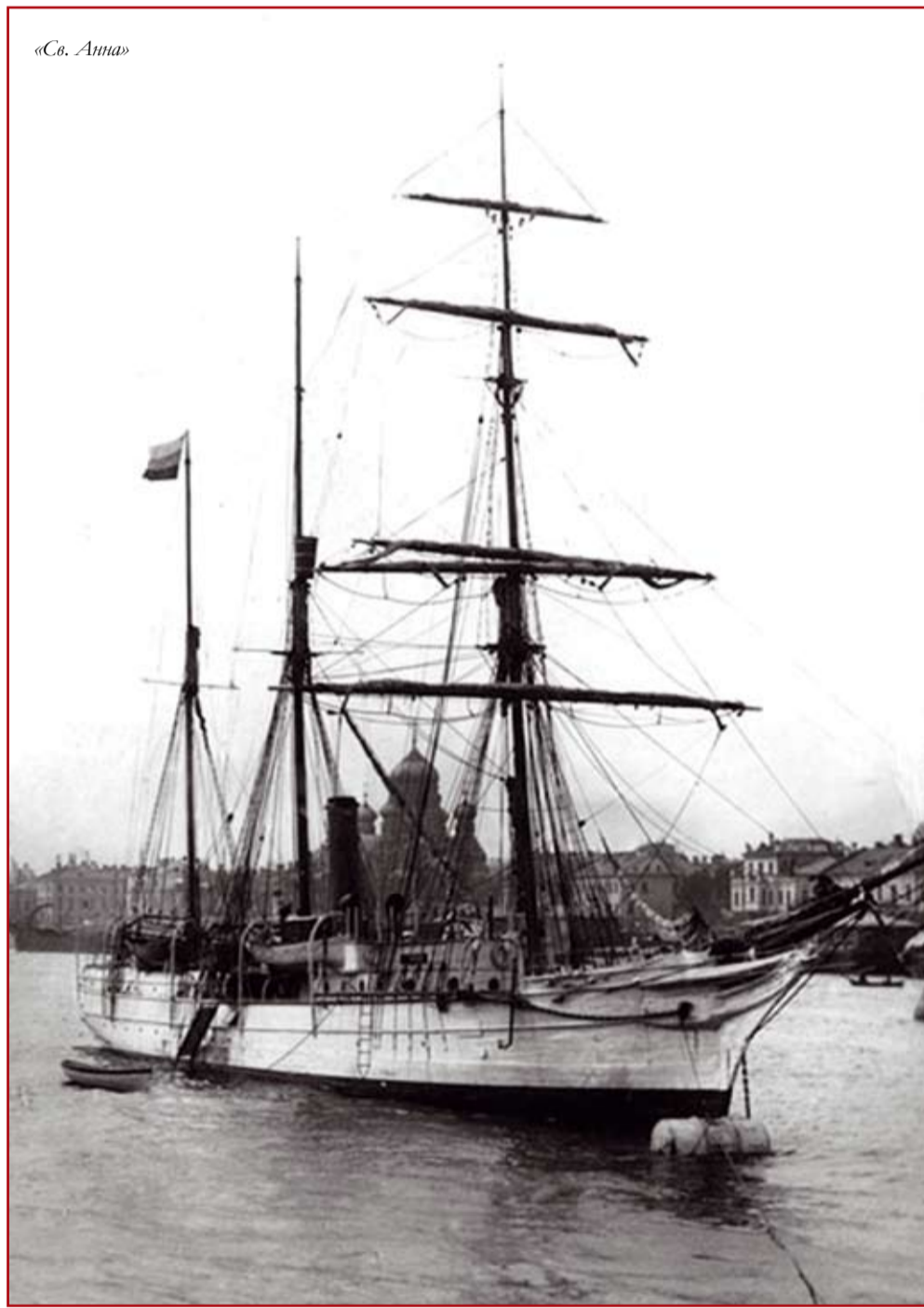
сы древесины на топливо – чуть больше 400 досок. Ввели норму на отопление – по две доски в сутки, небогато... Но это было только началом.

Новый 1913 г. принес заболевания, вероятно инфекционного характера, когда «зараза» существовала в скрытом виде с момента выхода из Александровска и проявилась позднее по мере ослабления организма и влияния внешних условий. Сам Брусилов отметил, что «я заболел, вероятно, простудившись» (С. 12), и, во-вторых, стремление избежать дальнейшей распространения инфекции, изолировав заболевших по каютам или в отдельном помещении (в бане). Видимо, последнее сыграло свою роль, поскольку в конце января болезнь отступила, чего не произошло бы при нормальном развитии трихинеллеза. Но это было только началом бедствий...

Естественно, в «Выписках» сам Брусилов не стал уделять много места своей болезни, но это сделал задним числом в своей книге Альбанов, что позволяет многое понять в развитии обстановки и отношениях в экипаже на борту «Святой Анны», тем более, что болезнь Брусилова затянулась: «три с половиной месяца лежал, как пласт, не имея силы даже повернуться с одного бока на другой» (С. 89 издания 1934 г.). Текст «Выписки» за февраль менее тревожен, очевидно, что болезнь, описанная выше, отступила. Зато у плотника Архиреева появились первые признаки цинги. Было убито четыре медведя, есть основания считать, что экипаж получал достаточно пищи, тем более, что начались работы, связанные с физическими нагрузками: вымораживание и ремонт рулевого устройства и кингстонов. При этом каких-либо признаков ослабления здоровья у работавших Брусилов не отмечает. 22 февраля (7 марта) наблюдались глубины в сто сажень – тем самым в своем дрейфе «Святая Анна» оказалась на кромке шельфа Карского моря, судя по современной морской карте. В тот же день на это обстоятельство обратил внимание и Г.Л. Брусилов, отметив с пересечением 77 параллели: «Мы вышли в Северный Ледовитый океан» (1916. С. 16). Из других событий марта: с возобновлением активности льда в шлюпках, поставленных на льду, созданы склады с двухмесячным запасом провiantа на случай несчастья с судном, а также началась охота на медведя: за март было застрелено шесть зверей. Пришлось задуматься о сохранении добытых запасов мяса на будущее: «Сделано большое количество колбас из медвежьего мяса. На льду устроена копильня, где коптят колбасы» (1916. С. 16). Столь же активно медвежья охота продолжалась и в апреле, когда проблема топлива обострилась настолько, что пришлось разобрать баню.

Судя по «Выписке» 19 апреля (2 мая), «из бочки видна масса полыней, причем все они сообщаются между собою». Одновременно Брусилов отметил: «Меня сегодня вынесли на стуле на лед, потом положили на носилки и обнесли вокруг судна и по палубе. Это в первый раз после 4 месяцев лежания в каюте», т.е. командир был болен, начиная с нового 1913 г., что совпадает с другой информацией («я заболел, вероятно, простудившись», с. 11). Весна принесла и другие надежды, поскольку в судовом журнале особо отмечено: «Здоровье командира с каждым днем становится всё лучше. Каждый день его выносят на кресле на воздух, после чего он подолгу сидит в салоне» (1916. С. 18). То же отметил и Альбанов: «В конце марта он стал очень медленно поправляться. Вместе с силами стала у него появляться раздражительность, и он стал капризничать... Пожалуй, болезнь отразилась и на памяти его, так как первое время он забывал, что говорил, и что делал» (1934. С. 91). Несомненно, в таком состоянии Брусилов осуществлять полноценное командование судном не мог и какое-то перераспределение командных обязанностей на «Святой Анне», очевидно, имело место, о чем оба, и Брусилов, и Альбанов, не оставили в своих материалах документального подтверждения.

В июне «Выписки» и судовый жур-

«Св. Анна»

часть, лежащую на его ответственности» (Брусилов. 1916. С. 2). Очевидно, была попытка заменить Ерминию Жданко, для которой это был последний шанс сделать свой выбор – она и сделала его еще раз...

2) Брусилов и его экипаж стали свидетелями важнейшего шага в освоении Северного Морского пути – строительства первых полярных станций по программе В.А. Русанова, тем более что Георгий Львович упоминает и о пароходе «Васиан» (капитан Бурков), направившемся к мысу Марс-Сале с грузами для строительства такой же станции. Если бы эта станция была построена годом раньше – скорее всего, трагедии «Святой Анны» не случилось бы.

Однако из области домыслов вернемся к ледовой обстановке в Карском море на исходе навигации в сентябре – октябре 1912 г. глазами участников событий. 4 (17) сентября: «По курсу проход чист ото льда, слева от курса густой лед, справа более редкий. Около 10 ч. вечера перед носом неожиданно по-

выгрузка с судов на зимний припай всего необходимого для добычи газа на Ямале. Характерно, что больше всего участников береговой рекогносцировки 3–4 (16–17) октября интересовало наличие плавника на берегу, поскольку запасов дерева на судне оказалось недостаточно. Одновременно наблюдалось присутствие оленей и признаки пребывания кочевников-ненцев, включая свежие следы нарта. Примечательно, что температура воздуха в эти дни упала всего только до -12–14 С (в судовом журнале температуры указаны по Реомюру) с последующим повышением: ситуация с погодой отнюдь не катастрофическая...

Правда, собранный плавник не удалось доставить на судно, поскольку с 15 (28) октября началась отчетливый дрейф на север – пришлось расстаться с мыслью о постройке дома на берегу, вблизи безопасной стоянки для судна. Запасы угля в середине декабря сократились до 5 т. Бросились считать запасы

нал зафиксировали активные, но бесполезные попытки освобождения судна взрывами черного пороха, по замечанию самого Бруслова, «только по настоянию окружающих, чтобы не приводить их в уныние. Теперь мы начали окалывать лед вокруг судна» (1916. С. 21). Поскольку околка льда из-за заполнения канав во льду водой продвигалась медленно, было решено пилить лед. Аврал со льдом продолжался вплоть до 5 (18) августа, когда «потеряли надежду на освобождение и начали готовиться ко второй зимовке. Вид и состояние окружающего льда убедили нас в этом» (1916. С. 25). В связи с этим пришлось принимать ряд других мер, направленных на выживание, включая чрезвычайные меры по экономии топлива («Плотник пилит остатки досок и обрезки бревен на дрова... Собирали щепки и обрезки дерева, разбросанные во дни богатства им» (1916. С. 23). Ближайшие перспективы зимовщиков с каждым месяцем выглядели всё мрачнее, не суля в обозримом будущем чего-либо обнадеживающего.

И как раз в это время между капитаном и его ближайшим помощником (несомненно, дельным и инициативным) происходит конфликт, о чем свидетельствуют строки «Выписки», где среди прочих событий суток 9 (22) сентября констатируется без какого-либо объяснения причин: «Польныи несколько ждало и на них начали появляться забереги. За день убито 5 тюленей и один медведь. Одна собака не вернулась. Отставлен от исполнения своих обязанностей штурман» (1916. С. 28).

Альбанов объясняет свою отставку тем, что «на судне сложился такой уклад судовой жизни и взаимных отношений всего состава экспедиции, который, по моему мнению, не мог быть ни на одном судне... Так как во взглядах на этот вопрос мы разошлись, то я и просил... освободить меня от обязанностей штурмана». Пока конфликт развивался, беспомощная «Святая Анна», увлекаемая беспощадным дрейфом всё далее и далее к северу в неизвестные акватории Центрального Арктического бассейна, оказалась наиболее близка к суше, как известной, так и неизвестной. 14 (27) августа судно находилось всего в 70 км западнее современного о. Визе, о существовании которого в то время было неизвестно. Из-за малых абсолютных высот рельефа острова и не лучших условий видимости с приближением осени эту сушу моряки видеть не могли. Еще одно приближение к суше произошло на рубеже сентября–октября (старого стиля) – на этот раз к восточной кромке архипелага Земли Франца-Иосифа, когда расстояние до восточных берегов острова Грэм-Бэлл сократилось до 60 км. Поскольку высоты этой суши превышают 500 м, в других условиях ее можно было бы увидеть, но на этот раз моряков больше беспокоил подвижки льда, да еще в условиях надвигавшейся метели. В октябре происходила весьма медленный (менее чем полградуса) дрейф в южном направлении с малой активностью самого льда. Зато в ноябре последовал стремительный бросок беспомощного судна на север. 4 (17) декабря «Святая Анна» оказалась за 82 параллелью в зоне больших глубин за пределами материкового склона, севернее Земли Франца-Иосифа. Вскоре направленные дрейфа сменилось на западное, что определило судьбу судна и его экипажа в строгом соответствии с известными нам теперь особенностями природного процесса. В возникшей ситуации Альбанов решил оставить судно, что было отражено Брусловым в судовом журнале: «Отставленный мною от исполнения своих обязанностей штурман Альбанов просил дать ему возможность и материал построить каяк (подобие байдарки. – В.К.), чтобы весной уйти с судна; понимая его тяжелое положение на судне, я разрешил» (1916. С. 35). Покидая судно, люди Альбанова давали шанс выжить остающимся.

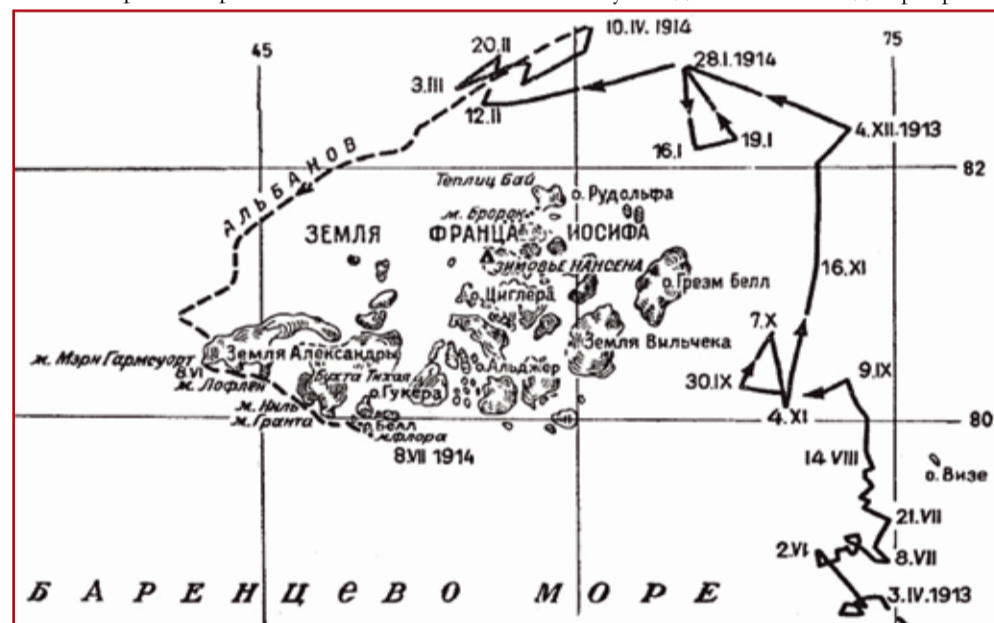
С самого начала партия Альбанова продвигалась настолько медленно, что вплоть до 16 (29) апреля её навещали оставшиеся, с которыми 13 апреля вернулся к «Святой Анне» матрос Анисимов (самый пожилой

в экипаже и, вероятно, наиболее слабый), которого вскоре заменил Регальд. Ещё трое (матросы Понамарёв, Шабатура и Шахнин) вернулись на судно на «десятый или одиннадцатый день» (так у Альбанова), когда, по оценке штурмана, расстояние до судна составило сорок верст. Теперь на 11 моряков приходилось пять нарт с каяками (байдарками), которые по примеру Нансена предполагалось использовать в развозьях после достижения кромки льдов. В сложившейся ситуации само достижение отряда Альбанова мыса Мэри Хармсуорт можно считать крупным успехом с минимальными потерями: пропал без вести только один моряк. Тем более чрезвычайным событием представляется гибель большинства участников перехода на его заключительной стадии вблизи цели маршрута.

Первый этап продолжительностью в 50 суток со средним суточным переходом в 8 км продолжался с 10 (23) апреля (оставление судна) до достижения 82 градуса с.ш. примерно на полпути к мысу Мэри Хармсуорт (Земля Александры) 30 мая (11 июня) и проходил в условиях встречного дрейфа, что, несомненно, отразилось на темпах движения. В это время отряд Альбанова оказался приблизительно в 100 км западнее острова Рудольфа – примерно такое же расстояние отделяло его тогда и от места зимовки Нансена 1895–1896 гг. на о. Джэксон в направлении на юго-запад, откуда его ожидал более короткий выход к мысу Флора. Однако ненадежный хронометр не давал возможности

связи в неведении, какой же из этих факторов возобладал.

Действительно, 9 (22) июня Альбанов «увидел... при хорошем горизонте что-то такое, отчего я в волнении должен был присесть на ролик... Это была резкая серебристо-матовая полоска, немного выпуклая вверх» (с. 114) – судя по приведенным координатам, один из ледниковых куполов на Земле Александры, наиболее западном острове в архипелаге Земли Франца-Иосифа, причем он припомнил, что нечто похожее он уже наблюдал четыре дня назад. Увиденное произвело на штурмана такое впечатление, что он посвятил своему открытию в будущей книге почти страницу описания, не забыв, однако, отметить реакцию своих спутников: «По-старому большинство из них апатичны, малоподвижны и вместо наблюдений за горизонтом предпочитают спать, забравшись с ногами в малицы» (с. 115). Тем не менее, появлялись и другие убедительные признаки близости земли, например присутствие водорослей, песка и даже камней, свидетельствовавших, что лед совсем еще недавно упирался в берег. 11 (24) июня он уже уверенно отметил наличие характерных выпуклых ледников, одновременно пожалев о том, что «расстояние до него, как и раньше, определить не могу» (с. 120). Двое суток спустя и его спутники уже спорили об особенностях ландшафта острова, тогда как их лидера заботили и другие проблемы: «Сегодня осталось у нас сухарей на 10 человек только 3 пуда» (с. 122). Однако 30 июня двое решили использовать близость суши для обычного дезертирства,

точного определения долготы, и даже спустя несколько дней у опытного штурмана возникал вопрос: «Неужели, возможно, мы находимся по восточную сторону островов?» (с. 105). Что хуже, состояние его спутников внушало Альбанову много опасений. Уже в самом начале пути часть людей страдала от «снежной слепоты», а позже от голода, теряя не только физические, но и душевные силы. Второй этап похода Альбанова – с 30 мая (11 июня) до достижения мыса Мэри Хармсуорт 25 июня (7 июля), потребовал вдвое меньше времени. Действительно, уже 5 (18) июня он отметил, как «от места нашей стоянки, я увидел «нечто» (с. 109), отметив на следующий день, что «здесь не обошлось без течения», причем попутного. Однако в эти дни отношения между участниками перехода обострились до опасного предела. 10 (23) июня произошла кража сухарей, причем, как отметила Альбанов, «подобные кражи, но в меньшем количестве, я замечал и ранее... Есть у меня в партии три или четыре человека, с которыми мне не хотелось бы иметь ничего общего» (с. 118). Люди настолько измотаны, что в сложившейся ситуации был вынужден прибегать к рукоприкладству. На заключительной стадии второго этапа происходило странное чередование положительного и отрицательного, когда одновременно с появлением признаков суши, множившихся день ото дня, участников перехода вместе с истощением физических сил охватывает своеобразное духовное оцепенение, так, что читатель книги Альбанова с очередной страницей остает-

сопряженного с воровством. Не останавливаясь на деталях (читатель найдет подробное описание побега на страницах альбановского текста), отмечу здесь только реакцию оставшихся: «Не могу описать нашего негодования... Если бы их теперь удалось настичуть, то, безусловно, они были бы убиты» (с. 125), но от линчевания в ближайшем будущем дезертиров спасла «амнистия» по случаю выхода остальных на сушу, сначала на ледник, а затем и на мыс Мэри Хармсуорт: здесь-то и состоялась и встреча с беглецами, детально описанная Альбановым. С выходом на сушу закончился второй этап альбановского маршрута. Самая ощутимая потеря при выходе на сушу – нарты с каяком, брошенные дезертирами, что сыграло неожиданно драматическую роль в самые ближайшие дни.

Четверо суток на мысе Мэри Хармсуорт были отмечены следующими событиями. Первое: партия вновь воссоединилась в полном составе, хотя и в чрезвычайных обстоятельствах («Ради прихода на землю мы простили беглецов... Случись эта встреча на льду, когда мы были настроены не так миролюбиво, не одобрили бы беглецам») (с. 139). Второе: удалось установить точное местоположение партии, когда был обнаружен гурий Джэксон с текстом записки с названием мыса, который был также обозначен на копии карты Нансена, имевшейся у Альбанова. Третье: дальнейший путь к мысу Флора облегчался наличием карты, на которой были показаны основные ориентиры по предстоящему пути. Четвертое: пополнен запас продовольствия, благо-

даря многочисленным гнездовьям гаг. Пятые: люди получили долгожданный отдых вне опасности дрейфа и даже комфорта у костра, благодаря запасам плавника на берегу. Наконец, открывшийся обзор с ледника на запад вдоль кромки льда показал невозможность плавания на каяках к Шпицбергену. В такой ситуации, казалось, завершающая стадия длительного маршрута сулила его участникам самые обнадеживающие перспективы. Однако случилось иначе, что, несомненно, было связано с разделением партии на пешую (которая шла вдоль берега с минимумом груза) и морскую, передвигавшуюся на каяках. Возникшую при этом опасность Альбанов представлял вполне отчетливо: «Жаль, что нет нашего третьего каяка, оставленного на льду. Тогда мы могли бы, связавши два каяка вместе, плыть все десять человек... Но увы, третьего каяка нет, а следовательно, об этом и думать нечего. Валей неволей приходится разделиться на две партии» (с. 147).

Третий, заключительный, этап маршрута протяженностью около 200 км начался 29 июня (11 июля) и завершился 9 (22) июля прибытием двух выживших на мыс Флора (остров Нордбрук). Такой финал рискованнейшего и тяжелейшего похода трудно оценить иначе, как катастрофу накануне спасения, поэтому события заключительных одиннадцати дней требуют особо внимательного анализа, когда любая мелочь в трагических событиях требует особого внимания, особенно к деталям, день за днем, чтобы вдумчивый читатель мог составить свое мнение о причинах столь неожиданного и фатального развития событий. Несомненно, экстремальность условий маршрута подтверждается описанием побережья уже в первый же день после оставления мыса Мэри Хармсуорт: «Удивляет меня местность, вдоль которой мы плывем: всё время ледники сменяются ледниками и только изредка из-под льда и снега торчат на мысах утесы. Да наверху кое-где чернеют небольшие площадки. По этим черным мысам мы и ориентируемся, как по маякам» (Альбанов. 1934. С. 148). Последняя фраза отражает профессиональную точку зрения штурмана, для которого карта Нансена оказалась достаточно надежной, несмотря на ее многочисленные погрешности, возникшие в процессе съемок с борта экспедиционного судна в 1895 г. Вне всякого сомнения, гибель 8 человек в течение нескольких дней не связана с ошибками карты.

Первый переход обеих групп 29 июня (11 июля) до бухты Вейпрехта не вызвал у Альбанова признаков тревоги: «Плыли мы хорошо, но и на леднике не отставали; по-видимому, дорога была хорошая. Береговая партия шла недалеко от края ледника и была видна с каяков. Видно было, как махали шапками и старались не отставать. Неужели такова вся Земля Александры?» (с. 146). Современная карта дает ответ на последний вопрос: да, такова, вплоть до мыса Гранта, где нарастающая драма достигла своей кульминации. На этом фоне моржи, то и дело всплывавшие недалеко от каяков, – мелочь, тем более что эту опасность было несложно избежать, она требовала внимания и только. На отдых в бухте Вейпрехта береговая и морская партии пришли практически одновременно, и Альбанов не отметил чего-либо, вызывающего опасения, среди своих спутников.

Однако перед выходом в маршрут на следующий день он обнаружил, что «у некоторых моих спутников опять намечается упадок энергии. Не хочется им идти, хочется пожить и отдохнуть где-нибудь на первой попавшейся скале, а то и на льду» (с. 148). Особое нежелание идти проявил Архиреев. Но как раз любая задержка в создавшейся обстановке таила опасность, потому что при натиске льдов с южными ветрами пользоваться каяками скорее всего было бы, с одной стороны, невозможно, а с другой – невозможно без них перебраться с одних островов на другие, даже несмотря на сохранявшиеся кое-где участки зимнего припая, об-

легчайшего движение пешей партии под бдительным присмотром с моря, в готовности, в случае опасности, прийти на помощь. При всей спешке Альбанов считал, что «мы достаточно отдохнули на мысе Мэри Хармуорт и этот переход до мыса Флора... можем сделать только с обычными ночными отдыхами» (с. 149).

Действительно, как и в предшествующий день, каяки за 12 ч. гребли вдоль кромки припая добралась до мыса Ниль, причем из-за встречного течения временами «качалики» отставали от пешеходов. Тем не менее, «войдя в бухту Кэмбридж, мы вышли на лед и позавтракали. Следующее наше свидание с береговой партией было назначено на мысе Ниль, который отсюда хорошо виден» (с. 149). На исходе суток 1 июля каяки вошли в укрытую бухту вблизи этого мыса и остановились в ожидании пешеходов, которые появились только вечером следующего дня, причем без Архиреева, которого были вынуждены оставить на припаяе, когда у него отнялись ноги. Альбанов приказал доставить Архиреева в береговой лагерь, однако вернувшиеся доложили, что тот уже скончался и его тело было оставлено на льду, когда припай начал разрушаться. Таким образом, у Альбанова осталось 9 человек, включая его самого. Из-за описанных событий экипажи обоих каяков (включая трех ослабевших) отправились к мысу Грант только около полудня 2 (15) июля, а пешая группа из четырех человек намеревалась выступить следом несколько позднее.

Поскольку драма партии Альбанова достигла своей кульминации именно на мысе Гранта, подробности происшед-

«судьба Джэксона» может сохранить жизнь слабейшим с каждым часом людям. В такой обстановке Альбанов со своим четырьмя спутниками (из них трое полуживых) решился продолжать плавание обоими каяками. Счет времени, разделивших людей на живых и мертвых, на мысе Грант пошел на часы, даже если Альбанову и Конраду предстояло добираться до мыса Флора еще четверо суток.

5 (18) июля «в 2 часа ночи, пользуясь прояснившейся погодой, мы снялись и пошли к остро-ву Белль... Только что отошли мы от мыса верст 5, как погода опять испортилась» (с. 160). Из-за непогоды, встречного ветра в проливе Найтингейл (Nightingale sound на карте Джэксона) и неудачной охоты на моржей (продовольственная проблема оставалась) цель была достигнута лишь на исходе суток, когда Нильсен находился уже на грани жизни и смерти.

6 (19) июля Нильсен умер и был похоронен в неглубокой могиле, засыпанной камнями. Теперь в группе Альбанова осталось четверо – столько же в это время уже должны были добраться до мыса Ниль, в 30 км западнее. А в это время выжившие всё чаще обнаруживали признаки, предшествовавшие смерти Нильсена, теперь у Шпаковского, сбивчивая речь которого, неуверенная походка и т.п. порой вызвали резкую реакцию у товарищей по несчастью. Если подобное покажется неоправданным, особенно замечания в адрес слабейшего от одного из спутников («Позапинайся ты у меня, позапинайся!»), то пусть читатель глубже попытается вникнуть в текст Альбанова: «Это было озлобление более здорового человека против болезни, заби-

те, чтобы составить свою точку зрения на описанные события. И тем не менее, на этом история «Святой Анны» и ее экипажа не завершилась, потому что она оставила свой след как в обществе в целом, так и среди профессионалов-полярников.

Реакция наших полярников на эпопею «Святой Анны» последовала со страниц специальных изданий тут же после прибытия на Большую Землю двух оставшихся в живых. Уже в известиях Русского Географического общества за 1914 г. (т. 1, вып. III и IV) по поводу «Выписки из журнала шхуны «Святая Анна» высказались видные специалисты в своей области Юлий Михайлович Шокальский и Леонид Леонидович Брейтфус.

Первый из них, видный океанограф и картограф, профессор Военно-морской академии, в своем кратком вступлении к «Выпискам» (скорее, даже ее представлено читателю) отметил их научное значение по двум направлениям: 1) сам дрейф «Святой Анны» носил совершенно иной характер, чем у известных предшественников; 2) новые данные по глубинам существенно меняли представление о шельфе Карского моря. В заключение этот ученый отметил: «Когда возможно будет обработать все метеорологические и гидрологические наблюдения экспедиции, после ее, как можно надеяться, благополучного возвращения, представится возможность высказаться о причинах подобного характера в направлении дрейфа судна экспедиции» (с. 192).

Второй ученый в то время возглавлял Гидрометеорологическую часть Главного Гидрографического управления и научные результаты со «Святой Анны»

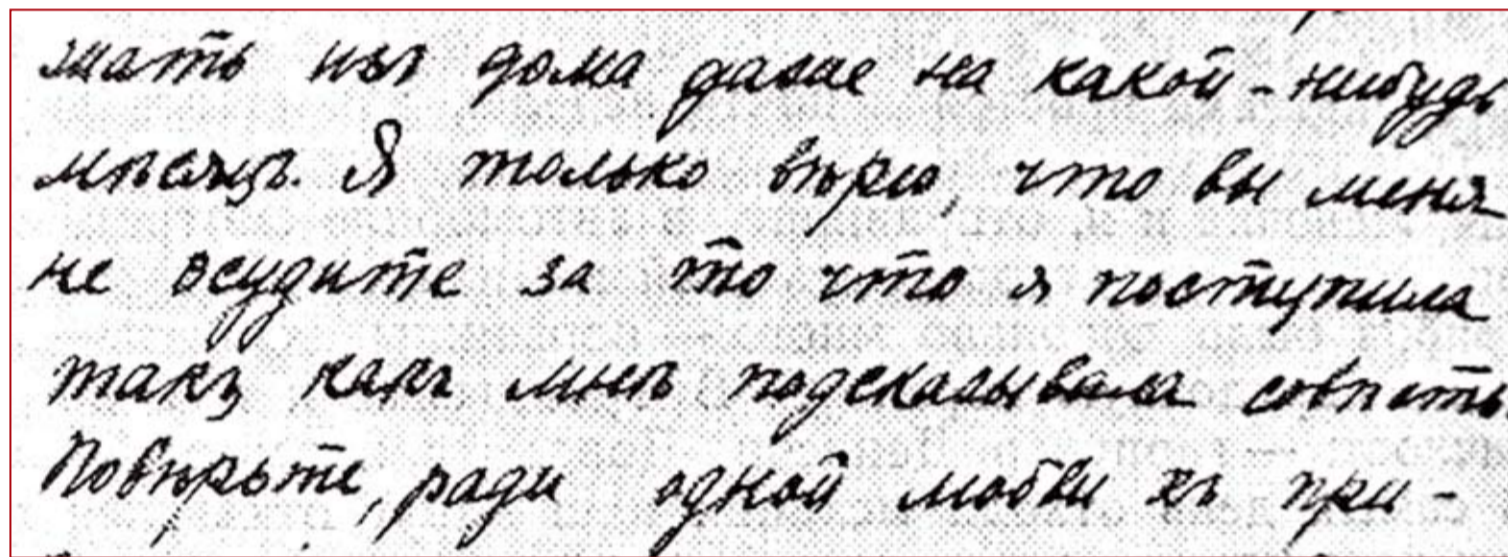
Вскоре один из участников примечательной встречи на мысе Флора в августе 1914 г. своим пытливым интеллектом, видимо, первым оценил значение спасенных Альбановым документов для характеристики природного процесса на грани известного и неизвестного, позднее популярно изложив методичку своего поиска, подтвержденного рейсом ледокольного парохода «Седов» в августе 1930 г. Внимательное рассмотрение всех проделанных «Святой Анной» зигзагов и сопоставление их с ветром, привели Визе к заключению, что между 78 и 80 градусами с.ш. находится какое-то препятствие, не пускавшее судно на восток. Вполне естественно напрашивалась мысль о существовании здесь земли. Визе вычислила приблизительное местоположение этой земли и нанес ее на карту, опубликованную в 1924 г. Именно к этому месту «Седов» и направилась.

13 августа «Седов», уже пройдя за 79-ю параллель, шел разреженным льдом на восток и вскоре вышел на чистую воду. Вечером капитан «Седова» В.И. Воронин спустился с мостика в кают-компанию и объявил: «Земля впереди. Когда участники экспедиции высыпали на палубу, они могли убедиться в том, что земля, теоретически открытая шесть лет назад за письменным столом, теперь была открыта фактически» (Визе. 1934. С. 116).

Сам по себе факт такого открытия, во-первых, свидетельствовал о том, что люди со «Святой Анны» погибли не даром, а, во-вторых, подтверждал уровень нашей полярной науки, выдвинув В.Ю. Визе в число самых известных полярных исследователей среди ученых. Не будучи тиеславным человеком, он уступил право первенства высидеться на предсказанную им землю любителям рекордов.

Разумеется, моряки-прагматики также сделали свои выводы об опасности льдов Карского моря по опыту дрейфа «Святой Анны». Они своевременно буквально бросились на помощь всеми наличными силами, включая ледоколы «Святогор» и «III Интернационал», на спасение ледокольного парохода «Соловей Будимирович», оказавшегося во льдах Карского моря зимой 1920 г. Спасли, вырвали, даже если дрейф последнего судна, похоже, развивался по варианту «Димфнь» и «Варнь» в 1882–1883 гг. Об участии «Святой Анны», несомненно, помнили и в позднейшую эпоху мощного ледокольного флота, когда на исходе несчастной навигации 1937 г. (в Советской Арктике тогда зазимовало 26 кораблей) капитан ледокола «Ермак» В.И. Воронин, по мнению некоторых своих коллег, принял сомнительное решение увести свое судно из Карского моря, обрекая тем самым целый ряд судов на вынужденную зимовку. В оправдание В.И. Воронина при этом говорят два обстоятельства: первое – недостаток угля лишил его ледокол былой мощи, угрожая повторением дрейфа «Святой Анны», второе – «Ермак» оставался единственным ледоколом, способным на следующее лето освободить зазимовавших из ледового плена. Так что решение В.И. Воронина было по сути стратегическим, основанным на опыте «Святой Анны».

Прогноз Визе, на основе наблюдений со «Святой Анны», позднее стимулировал настоящий научный аврал в Карском море, когда его акваторию по всем направлениям стали пересекать исследовательские суда, усилиями которых в середине 1930-х гг. был открыт желоб Святой Анны – обширная подводная долина, ведущая из Карского моря в Центральный Арктический бассейн, в пределах которой и проходила дрейф судна Г.А. Брусилова. Не пускал «Святую Анну» к востоку невысокий хребет на морском дне, получивший позднее название Центральной Карской возвышенности с известным уже островом Уединения на юге, островом Визе в центре и островом Ушакова, увенчанным ледяной шапкой на крайнем севере, открытом в 1935 г. Позднее на этих островах работали полярные станции, до тех пор, пока их наблюдения не заменила работа метеорологических спутников. Так, трагический дрейф «Святой Анны» положил начало научным исследованиям, продолжавшимся многие десятилетия, и вклад погибших, наравне со спасением немногих уцелевших, может быть оценен как подвиг во имя науки.

ших здесь событий имеют особое значение. Путь каяков в условиях переменной погоды («погода ветреная, идет снег и всё закрыто мглой») (с. 156) к мысу Гранта, занял 17 ч. «Дорогой нам посчастливилось убить 16 нырков (видимо, кайр. – В.К.), которых мы попробовали есть сырыми: ничего, есть можно, а если с солью, да сильно прозападовались, так даже вкусно» (с. 156). Запись в дневнике Альбанова за 17 июля: «Продолжаем сидеть на мысе Гранта и ожидать береговую партию» (с. 157). Оценки Альбановым состояния своих людей в эти дни становятся всё более мрачными: «Нильсен едва ходит, а Шпаковский немногим разве лучше его. Луньев, хотя и жалуется на ноги, но у него незаметно той страшнейшей меня апатии, нет упадка сил и энергии, как у Нильсена и Шпаковского» (с. 159). Есть новая информация положительного характера: «Впереди... кажется, совсем недалеко, виден за сплошным льдом скалистый остров. Это не иначе как Белль... Дальше на горизонте виден другой остров, но уже больших размеров. Неужели это остров Нордбрук, на котором и есть мыс Флора?» (с. 157). До цели, во имя которой уже отдали свои жизни двое из 11 участников коммарного похода, осталось всего 50 км!

Однако еще сильнее мучили предводителя отчаянного предприятия мысли совсем иного рода, причем самые противоречивые: «Что могло задержать пешеходцев? Разве они не отставали раньше – и на льду, на леднике Уорчестер, и на мысе Ниль, одним словом везде, где могли? Разве они не высказывали желания остановиться и пожить подольше?» (с. 160). Если ждать, то как долго, ведь

раношей товарища, призыв бороться со смертью до конца» (с. 163–164), ибо другого в сложившейся ситуации этим людям не оставалось, поскольку словесное выражение сочувствия могло морально окончательно сломить слабого. В надежде, что состояние Шпаковского нормализуется, а также выжидая улучшения погоды, «качалики» провели на этом острове еще сутки и отправились на мыс Флора только на следующий день.

7 (20) июля, также в «ночь» (когда обычно ветер и волнение затихает), оба каяка осторожно тронулись в последний переход к мысу Флора, пересекая пролив Майерса (Miers channel на карте Джэксона), но на этот раз фортуна отвернулась от них: «Часа через полтора или два нашего плавания, когда мы были приблизительно в середине пролива, подул сильный ветер, который быстро стал крепчать и через полчаса дул из пролива, как из трубы, разводя крутую зыбь. Еще недавно спокойного, как зеркало, пролива нельзя было узнать... Незаметно, в тумане и между плавающим льдом, мы потеряли второй каяк» (с. 166). В результате до мыса Флора со многими «приключениями» добрался 8 (21) июля только каяк с Альбановым и Конрадом. Предпринятые ими поиски установить судьбу своих товарищей в ближайшие дни не имели успеха. Известный финал предприятия экспедиции на «Святой Анне» читателю известен – неизвестным остались, правда, судьба самого судна с оставшимися на нем людьми. Таким образом, читатель достаточно подготовлен к восприятию текстов Брусилова и Альбанова во всей их полно-

интересовали его напрямую, особенно в связи с продолжающимися поисками экспедиции В.А. Русанова, который также к тому времени считался пропавшим без вести. В частности, он высказал мысль, что «Святая Анна» в результате дрейфа может оказаться в начале зимы 1914–1915 гг. у берегов Шпицбергена. В целом его вывод о судьбе судна и оставшейся части экипажа был такой: «Между тем могло случиться, что лейтенант Брусилов уже с командой уже сейчас на Земле Франца-Иосифа, а также возможно, что экспедиция, не покидая судна, достигнет, а может быть, уже достигла Шпицбергена раньше предполагаемого нами срока, и мы не сегодня-завтра услышим о ней по радиотелеграфу» (с. 188). Увы, этот прогноз не оправдался... Среди достижений экспедиции Брейтфус отметил новые данные по дрейфу льда в Карском море, непрерывные двухгодичные метеонаблюдения, результаты промера дна, а также окончательное «закрытие» «проблематических земель» Петерманна и Оскара, якобы наблюдавшихся Ю. Пайером весной 1874 г., через которые прошел маршрут Альбанова.

Как показало ближайшее будущее, предоставленная Альбановым научная информация с успехом была использована для важнейшего прогноза, о котором подробнее будет рассказано ниже.

В.С. Корякин

Президенту «Российской Ассоциации Героев» Герою Российской Федерации В.А. ШАМАНОВУ

Уважаемый Владимир Анатольевич!

Позвольте выразить Вам свою благодарность за внимание и помощь, которую Вы оказали мне в очень непростой ситуации. Так получилось, что памятник моему отцу – Герою Советского Союза Петру Петровичу Ширшову (на Новодевичьем кладбище) стал разрушаться, и ремонтировать его никто из администрации кладбища не хотел: требовали деньги (причем, хочется заметить, что памятник находится в юрисдикции федерального значения). Чтобы отремонтировать памятник, требовали финансовые средства в размере одного миллиона рублей! Естественно, что таких денег у нашей семьи нет! Я обила пороги многих инстанций, но везде получала только отписки и неприкрытое равнодушие – все перекладывали эту проблему друг на друга...

Наконец, мне посоветовали обратиться в «Российскую Ассоциацию Героев», лично к Вам. Что мне и удалось сделать.

Теперь памятник отремонтирован, за что Вам огромное человеческое спасибо!

Также благодарю председателя редакционного совета газеты «Вестник Героев» – Героя Советского Союза А.П. Солюянова и руководителя пресс-службы «Российской Ассоциации Героев» – В.Д. Кошлакова.

Особенно приятно, что на обращение, которое я написала на Ваше имя, последовала немедленная реакция, и с моим делом начали разбираться.

Уважаемый Владимир Анатольевич, хочется обратить внимание на следующее: проблемы, задевающие сохранение памяти Героев Отечества, возникают часто у детей и родственников Героев, но они не знают, как и к кому обратиться и что нужно делать в таких ситуациях.

Было бы полезно для решения подобных вопросов назначить кого-то из членов Ассоциации, кто будет их курировать, поскольку очень часто возникающие проблемы доставляют потомкам Героев мучения и унижения!

Приведу несколько примеров:

1. У сына Первого Героя Советского Союза А. Ляпидевского изъяли участок земли под Москвой несколько лет назад!

2. У сына В. Молокова (Героя № 3) сседи через суд отобрали семь соток земли (!), не имея на землю никаких документов вообще!

3. На участок земли сына Э. Кренкеля – радиста с Челюскина и участника Папанинского дрейфа (СП-1) – претендует и судится Администрация Президента РФ!

4. На участок в Москве детей Валерия Чкалова претендует олигарх!

А сколько еще проблем, которые пытаются решить или от бессилия опускают руки другие потомки Героев?!

Справедливость – главное, что всегда двигало наш народ и благодаря чему наша страна стала Великой.

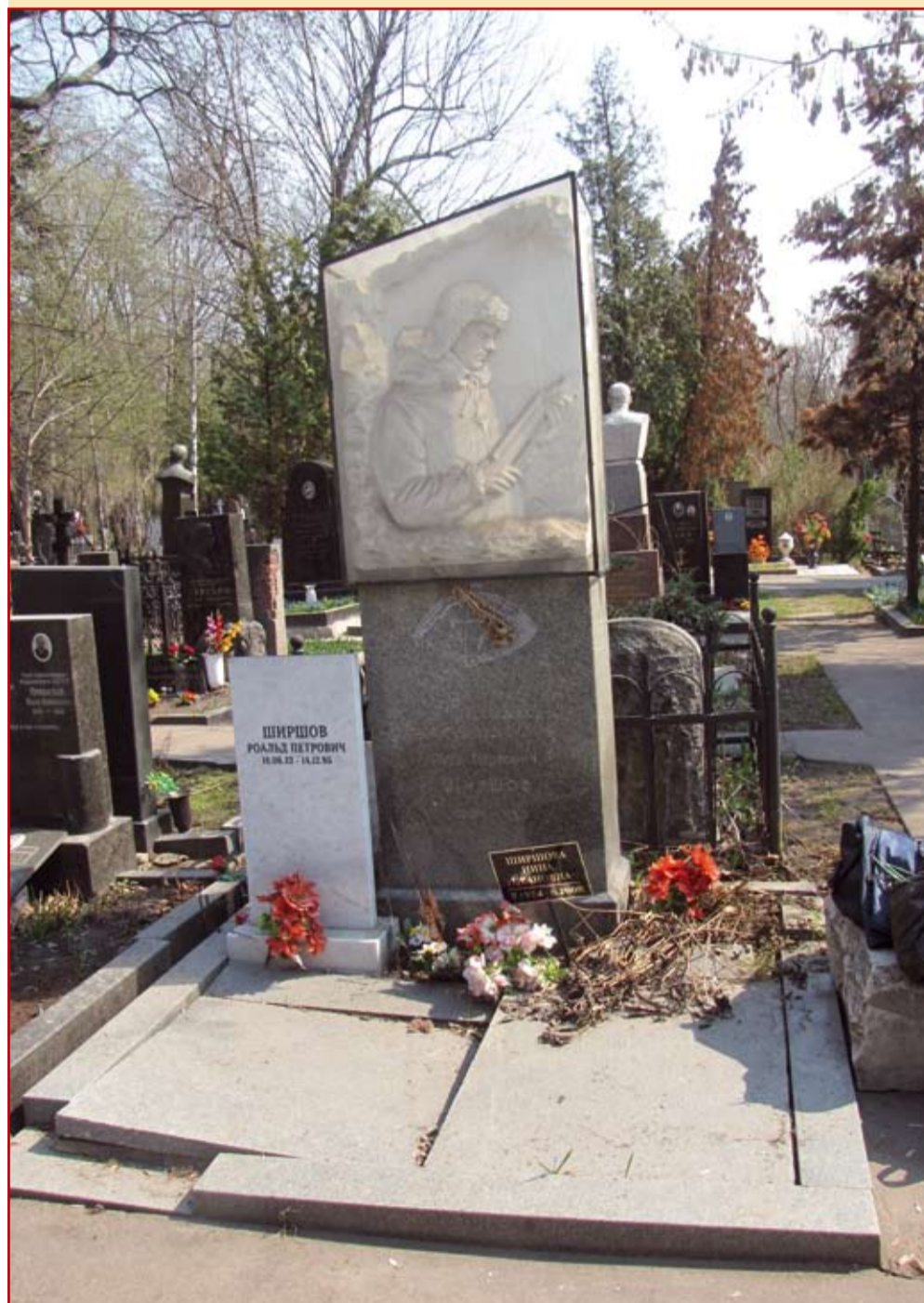
Уверена, что Ваша Ассоциация по-прежнему будет стоять на защите чести и достоинства Героев Советского Союза и Героев России!

Еще раз разрешите поблагодарить в Вашем лице Ассоциацию Героев.

В заключение хочу добавить, что Вы можете привлекать меня для помощи в решении конкретных вопросов, которые будут возникать у семей Героев, так как я уже прошла эти «круги ада», восстанавливая памятник моему отцу.

*С уважением,
М.П. Ширшова*

до ремонта

после ремонта

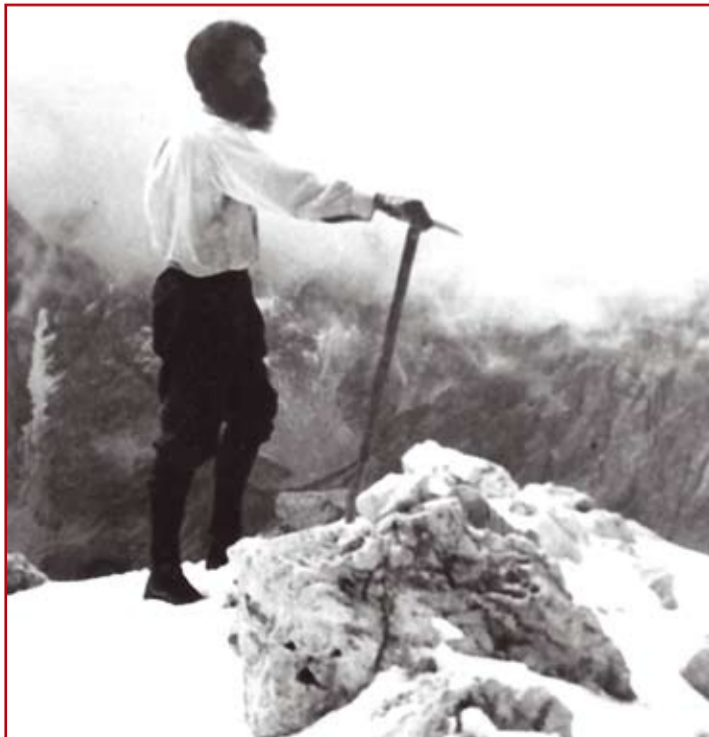
ГЕРОИ АРКТИКИ

Отто Юльевич Шмидт (1891–1956) – фигура для российской и советской истории одновременно характерная и уникальная. О нем написано и сказано много. В нашем кратком рассказе о жизни этого замечательного человека мы постараемся особо подчеркнуть те стороны его биографии, которые, наверное, не многим известны так же хорошо, как знаменитая ледовая эпопея.

Начнем с корней. Предки Отто Юльевича по отцовской линии переселились в Прибалтику из юго-западной Германии в XVIII в. Его отец, Юлиус Фридрих Шмидт, родился в крестьянской семье в немецкой колонии Хиршенхоф (ныне Ирши в Латвии), но, подобно многим ее уроженцам, не стал заниматься крестьянским трудом, а пересел в город. Получив лишь элементарное образование, Юлиус работал в магазине канцелярских принадлежностей. Он отошел от лютеранской веры предков и стал активным членом небольшой общины, провозглашавшей скорый конец света и наступление страшного суда, поэтому большую часть времени Юлиус Шмидт проводил за чтением Библии, произнесением проповедей среди домашних и богослужениями в общине. В детстве Отто слушал эти проповеди, потом в юности стал спорить с отцом. Не без влияния этого опыта он, с одной стороны, научился доходчиво и в то же время аргументировано разговаривать и спорить с людьми самого разного положения и культурного уровня, а с другой стороны, стал много думать и читать. В студенческом возрасте постепенно начал сомневаться в религиозных догматах и, наконец, пришел к сознательному атеизму еще до того, как познакомился с марксистской философией.

Юлиус Шмидт был не похож на своих земляков, немецких колонистов, не только религиозными взглядами, но еще и тем, что

О.Ю. Шмидт в Альпах. Тироль 1924г.

в жены себе выбрал не немку, а латышку. Отношения между колонистами и жителями окрестных латышских хуторов были в целом неплохими, но все же в XIX в. браки заключались, как правило, только в своей среде. Анна Эргле, жена Юлиуса, обладала, в отличие от него, практической хваткой в хозяйственных делах. Она твердой рукой вела дом на протяжении четверти века, налаживала быт после неоднократных переездов, воспитала четверых детей. А еще эта женщина, выросшая в деревне, но после замужества всю жизнь проводившая в городах, сохранила и сумела передать детям любовь к природе и знание ее. В саду у нее росли не только плодовые деревья, снабжавшие семью фруктами, но и цветы – лесные, полевые, выкопанные во время дальних загородных прогулок с детьми. Младшая дочь Анны и Юлиуса, Нора, до глубокой старости дружила с лесом и прекрасно знала его. А Отто унаследовал от матери склонность к тому, чтобы не любоваться красотой природы в одиночку, а непременно делить эту радость с кем-нибудь.

Женитьба Юлиуса на Анне Эргле и переезд в город (сначала в Могилев, потом в Киев, потом – скорее в силу нужд общины, нежели ради заработка – в Одессу, потом снова в Киев) перевернули судьбу семьи: из сельских жителей Шмидты превратились в горожан, а вместо крестьянского и ремесленного труда приобрели городские профессии. Юлиус попробовал завести собственную торговлю, однако вскоре разорился и снова стал служить в канцелярском магазине. Денег в доме было очень мало, но, к счастью, отец Анны был довольно зажиточным крестьянином, он мог регулярно поддерживать семью дочери, благодаря чему все четверо детей – два сына и две дочери – смогли получить среднее образование, а старший, Отто, окончив гимназию, поступил в Киевский университет на физико-математический факультет. Летом, во время каникул, он несколько раз приезжал к деду и помогал в сельскохозяйственных работах, но постепенно интересная новая жизнь, частные уроки (Отто рано начал зарабатывать, чтобы покупать себе одежду и книги на собственный счет) и новые знакомства стали удерживать юношу в городе. Подружившись на всю жизнь с соседом по парте Колей, Отто вошел в его семью – а это была семья генерала медицинской службы Ф.Ф. Яницкого и одной из первых в России женщин-врачей Е.А. Яницкой. Вера, сестра Николая, в 1913 г. стала женой Отто. Так сын крестьянки и приказчика породнился с действительным статским советником. Высокопоставленный тесть не составлял молодому математику протекции – ее не требовалось. Учился Отто блестяще, уже в студенческие годы вел самостоятельную научную работу в области высшей алгебры. Одна из студенческих статей Шмидта (которые он еще писал на своем родном немецком) получила награду, а после окончания университета он был оставлен при факультете «для приготовления к профессорскому званию» – так тогда называлось то, что в советское время по предположению именно Отто Юльевича Шмидта стали называть «аспирантурой». Его книга «Абстрактная теория групп», опубликованная в Киеве в 1916 г., стала фундаментальным трудом в этой области математики, не утратившим значения до сих пор (недавно она переиздана). В 1916 г. Шмидт стал приват-доцентом. Казалось, молодого ученого ждала блестящая академическая карьера, и даже Первая мировая война ей не могла помешать.

Но потом произошел крутой поворот. После Февральской революции

Отто Шмидт – Герой XX века!

1917 г. Отто Юльевич поехал в Петроград на съезд по делам высшей школы и там включился в государственно-административную деятельность Временного правительства. Работая в Министерстве продовольствия, он, по его словам, следовал потребностям той стороны своей натуры, которая тяготела к практической общепольной деятельности. Фундаментальная наука была на время отставлена в сторону.

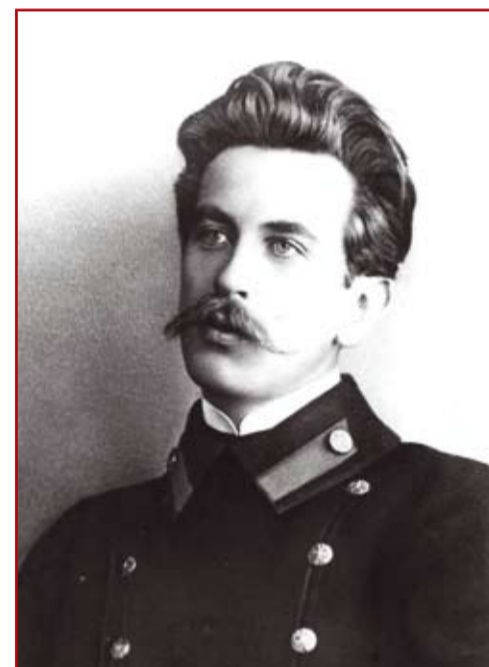
Политические взгляды Шмидта к тому времени уже сформировались. Еще в 1910 г. он записал в своем дневнике: «*Насколько я примкну к социализму в теории – предсказать трудно, но на практике я вероятно – почти наверняка – буду в рядах борцов за него. Весь ход истории в последнее время показывает, что за социализмом будущее. Он должен победить и победит. Если он есть прогресс человечества – то тем лучше, если же он ошибка, то его ошибочность тем скорее станет явной и он будет отброшен, однако в обоих случаях скорейшая победа социализма необходима и целесообразна. Борьба против него – значит глупо противиться ходу истории. Мне кажется, честный человек не должен стремиться провести свои идеи, а должен стараться способствовать всеобщему ходу истории, насколько это в его силах. Любые идеи оказываются бесполезными, если они не отвечают времени; свои собственные взгляды надо отставить на последнее место и стремиться к тому, чтобы совершать действительно полезные дела. Если тот путь, которым идет история, ложен (что мне, впрочем, не представляется вероятным: история в целом всегда права), то тем легче будет прийти к выздоровлению. Посему я придерживаюсь того мнения, что все разумные силы должны бы служить социализму, другие рабочие движения бессмысленны».* С этим Отто Шмидт пришел в Российскую социал-демократическую рабочую партию (интернационалистов), а в 1918 г. перешел в партию большевиков.

После Октябрьской революции многие сотрудники Министерства продовольствия отказались сотрудничать с новой властью. Отто Юльевич убеждал их в том, что снабжение людей товарами первой необходимости нельзя прерывать, исходя из собственных политических пристрастий, и пытался поддерживать функционирование министерства. Когда было сформировано советское правительство, Шмидт стал работать в Наркомпрод. В 1918–1920 гг. в его задачи входили налаживание товарообмена между городом и деревней, организация снабжения рабочих продуктами, развитие крестьянской кооперации; разработка продрозверстки и принципов деятельности продотрядов. Надо, однако, сказать, что, будучи убежден в необходимости принудительного изъятия у крестьян излишков сельхозпродукции, грабительскую практику продотрядов, отнимавших все, Отто Юльевич осуждал. Не исключено, что это стало одной из причин, по которым он вскоре покинул Наркомпрод и перешел в Наркомат просвещения. Здесь пригодился его довоенный опыт работы в высшей школе: он занимался реформой вузовского и послевузовского образования. Кроме того, под его руководством было создано Главное управление профессионального образования (Главпрофобр). В дискуссиях о развитии системы просвещения Шмидт выступал за разветвление школьного образования после 7–8 класса на «уклоны» – педагогический, сельскохозяйственный, социально-экономический и индустриально-технический. По мнению Отто Юльевича, это могло привести к слиянию общего образования с профессиональным, которому он отдавал приоритет: в условиях гражданской войны и разрухи, считал он, было бы ошибкой добиваться немедленной и полной реализации того пункта программы РКП(б), в котором говорилось о введении общего и политического образования всех детей до 17 лет. Перенос начала профессиональной подготовки на более поздний возраст, по мнению Отто Юльевича, тоже был нереалистичен. Эта его позиция вызвала критику со стороны Ленина, Крупской,

Луначарского и других членов Совнаркома. В результате Шмидт был отстранен от должности начальника Главпрофобра, а само управление прекратило свое существование.

Но знания и организаторский талант Шмидта были востребованы и далее – в других правительственных ведомствах. Так, в это же время нашли новое практическое применение его способности в области математики: в Наркомате финансов, членом коллегии которого он был несколько лет, начиная с 1921 г., Отто Юльевич занимался разработкой денежной реформы (начиналась эпоха нэпа), заведовал Налоговым управлением. В те годы он написал статью о математических вопросах денежной эмиссии. Работа эта интересна тем, что, несмотря на содержащуюся в ней математическую ошибку, изложенные автором мысли заинтересовали профессиональных экономистов, и даже много лет спустя, во время реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг., статья не утратила актуальности и была переиздана.

Работа Шмидта в трех наркоматах ленинского правительства в годы Гражданской войны была направлена на непосредственные, сиюминутные потребности государства. Когда же война кончилась и новая экономическая политика принесла свои плоды, Отто Юльевич смог заняться такими задачами, которые были нацелены на перспективу. Он стоял у истоков Государственного издательства РСФСР (Госиздат, или ОГИЗ) – крупнейшего в то время издательства в мире, занимавшегося выпуском и идеологической, и художественной, и учебной литера-

О.Ю. Шмидт – студент Киевского Университета. 1912 г.

туры. В течение трех лет, с 1922 по 1924 г., О.Ю. Шмидт был его директором.

В этот период ему удалось, в частности, осуществить издание русских переводов некоторых работ З. Фрейда. И сам Отто Юльевич, и его жена В.Ф. Яницкая с молодых лет интересовались психоанализом. Вера Федоровна, которая несколько лет была секретарем Русского психоаналитического общества, работала в экспериментальном детском доме, где впервые в мире идеи психоанализа применялись к изучению и воспитанию детей дошкольного возраста. Это учреждение было детским садом, а не сиротским приютом: у детей были родители, но большую часть времени они (в том числе и сын четы Шмидтов) проводили с воспитателями. Супруги Шмидт общались с Фрейдом, переписывались с ним и его дочерью Анной. Отто Юльевич использовал свое влияние, чтобы содействовать работе детского дома и вообще развитию психоанализа в СССР, но в конце 1920-х гг. по идеологическим причинам исследованиям и практике в этой области был положен конец.

В 1920-е гг. Отто Шмидт занимал еще с полдюжины постов в разных ведомствах, из которых мы здесь упомянем лишь некоторые. Так, он был членом президиума Центральной Комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), которая была создана специально для того, чтобы не дать научным работникам

О.Ю. Шмидт на «Сибирякове», 1932 г.

умереть от голода и холода в условиях разрухи. Многим ученым, благодаря Шмидту, тогда была буквально спасена жизнь. В те же годы Отто Юльевич снова начал заниматься научной работой и преподаванием. Работая в особой Комиссии по Курской магнитной аномалии, он построил математическую модель расположения подземных масс КМА. В 1920 г. он стал профессором Московского Лесотехнического института, в 1923 г. – Московского университета, где впоследствии создал и возглавил московскую алгебраическую школу, существующую до сих пор. В МГУ Отто Юльевич преподавал почти четверть века. Даже в конце жизни, уже будучи тяжело больным, он все-таки нашел в себе силы выступить с лекцией на открытии нового Главного здания университета на Ленинских горах.

Одним из важнейших дел, которому Отто Шмидт в течение многих лет жизни посвящал не только рабочее, но и значительную часть свободного своего времени, было создание первой советской энциклопедии. Главным редактором и одним из авторов БСЭ Отто Юльевич был с 1924 по 1942 г. По плану в ней должны были быть представлены взгляды со-

циалистической науки по всем вопросам. Однако, как выяснилось в ходе работы, и тогда, и десять, и пятнадцать лет спустя наукой СССР еще далеко не по всем отраслям знания было сказано новое слово, поэтому пришлось зачастую включать в энциклопедию статьи, написанные авторами, далекими от марксизма, о чем Шмидт высказывал публично свое сожаление, но, тем не менее, статьи эти печатал.

Постепенно советская Россия выходила из политической изоляции. Отто Юльевич выезжал в Европу, встречался там со многими людьми, которых раньше знал только по их печатным трудам. В 1927 г. выдалась возможность вернуться к занятиям алгеброй. Отправившись на два месяца в Гёттинген, Отто Юльевич не только наверстал упущенное за несколько лет, но и выдвинул новую теорему

в области теории групп (она до сих пор известна у нас в стране как «теорема Гилберта-Шмидта»). А незадолго до этого в Альпах он прошел курс альпинистской подготовки, который в скором времени ему очень пригодился: Отто Юльевич еще не знал об этом, но приближалось «экспедиционное» десятилетие в его биографии.

В 1928 г. была организована совместная советско-германская экспедиция на Памир с целью обследования огромного «белого пятна» в этом горном массиве. В нее вошли ученые и альпинисты из Германии и Австрии, а с советской стороны участвовали, помимо исследователей, несколько человек, которые были отобраны по принципу знания немецкого языка и умения ходить по горам. Начальник экспедиции с нашей стороны – управделами СНК Н.П. Горбунов – предложил О.Ю. Шмидту поехать с ним, поскольку тот вполне отвечал обоим этим критериям. Немцам он был откомендован как «профессор в отпуске». Никакой собственной научной задачи перед математиком не ставилось: уже на месте он был избран руководителем российской альпинистской группы и кроме того по собственной инициативе участвовал в сборе образцов фауны, проведении топографической съемки и т.д. Экспедиция обследовала район ледника Федченко – одного из самых длинных глетчеров в мире, уточнила высоту и расположение нескольких перевалов и высочайших памирских пиков. В результате бывшее «белое пятно» стало одним из наиболее хорошо картографированных на тот момент участков Памира. Во время одного из восхождений Отто Юльевич едва не погиб при срыве крупного обломка скалы. Пришлось ему побывать и в глубокой трещине, прорезавшей ледник. Перенесенные невзгоды и опасности, равно как и выдающиеся научные результаты экспедиции, не были вознаграждены правительством: в то время в СССР путешественников еще не принято было представлять к орденам и медалям. Главной наградой для Шмидта стала сама радость от знакомства с экзотической горной страной и ее природой, которая показала ему суровой, но очень красивой.

На следующий год он хотел снова отправиться в горы. Однако тот же Н.П. Горбунов предложил ему возглавить совсем другую экспедицию: в Арктику. Подумав, Отто Юльевич согласился, и вот в 1929 г. он отправился на ледокольном пароходе «Георгий Седов» к Земле Франца-Иосифа в качестве правительственного комиссара для включения этого архипелага в полярные владения СССР и постройки там полярной научной станции. Ему, новичку в Арктике, еще предстояло привыкнуть к неписанным правилам выживания в этих коварных местах.

Однажды он пошел пешком по движущимся льдинам и его чуть не унесло течением от корабля. Этот опыт, как мы увидим ниже, Отто Юльевич хорошо запомнил.

После первой полярной экспедиции Шмидт, как говорится, «заболел Севером»: его стало влечь туда снова и снова. В 1930 г. на том же «Седове» он провел смену зимовщиков на Земле Франца-Иосифа и доставил зимовочную экспедицию на Северную Землю.

Все экспедиции в Северном Ледовитом океане, которые проводил Шмидт, носили одновременно и научный, и утилитарный народнохозяйственный характер. Так, плавание 1932 г. на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков» от Архангельска до Берингова пролива было призвано прежде всего проверить возможность прохода по Северному

морскому пути за одну навигацию: это было важно для организации доставки грузов. И только во вторую очередь экспедиции предстояло обследовать неизученные районы Ледовитого океана. Было открыто несколько островов. В тяжелых льдах сломался гребной винт. Для экстренного ремонта Отто Юльевич на основе расчетов предложил такой способ: запас угля перегрузить на нос, чтобы облегчить и таким образом поднять корму. Профессор, начальник экспедиции и не самого крепкого здоровья человек, он сам таскал 50-киллограммовые мешки с углем наравне со всеми. Правда, поставленный благодаря этой операции новый винт вскоре тоже был потерян, и «Сибиряков» чудом выбрался в Тихий океан под самодельными парусами, но принципиальная возможность такого плавания была доказана, и следствием этого успеха стало создание Главного управления Северного морского пути (ГУСМП), начальником которого был назначен О.Ю. Шмидт. В его компетенцию входила не только сама трасса, но вообще всё, что касалось Крайнего Севера, – от строительства портов и радиостанций до ежегодного завоза продовольствия и промтоваров. Факти-

Встреча «челюскинцев» на Красной площади 19.06.1934 г.

чески Шмидт оказался руководителем огромной, хотя и малонаселенной территории. По этому поводу профессор Д.А. Граве, который был учителем Отто Юльевича в Киевском университете, сказал ему примерно такие слова: «Я думал, вы станете выдающимся математиком, а вы стали генерал-губернатором».

В самом деле, порой можно прочесть о Шмидте, что он был «полярным исследователем». Это не совсем верно. Отто Юльевич в годы своей работы на Севере выступал в основном не как исследователь, а как организатор всех работ, в том числе и научных. В 1930–1932 гг. он был директором Всесоюзного Арктического института (бывш. Института по изучению Севера), где вместе с В.Ю. Визе разработал план плавания по Северному морскому пути. Им же была создана программа изучения природных богатств Севера и его хозяйственного освоения. Огромный комплекс исследований в Арктике был выполнен под руководством О.Ю. Шмидта, но сам он научных работ об этом регионе не писал.

В 1933 г. Отто Юльевич возглавил экспедицию на пароходе «Челюскин». Задача была в том, чтобы проверить возможность проходить Севморпуть за одну навигацию на обычном торговом судне, а также доставить зимовщиков на остров Врангеля. Корабль не

справлялся с тяжелыми льдами – это стало очевидно уже в Карском море. Когда Шмидт сообщил об этом в Москву, последовал приказ от Сталина – возвращаться. Однако начальник экспедиции сделал то, чего никто не мог вообразить ни тогда, ни позже: он утаил от капитана, членов команды и пассажиров полученную радиограмму и, послушавшись генсека, продолжил рейс на восток. Однако ни до о. Врангеля, ни до Берингова пролива «Челюскину» дойти не удалось. Он вмёрз в лед, долго дрейфовал, а в феврале 1934 г. был раздавлен льдами и затонул. К счастью, запасы всего необходимого были вовремя выгружены на лед. Вспомнив, видимо, свой опыт хождения по льдинам, Шмидт считал, что не следует пытаться добраться до берега самостоятельно: в составе экспедиции были физически слабые люди, женщины, двое младенцев, и нести достаточный груз еды и вещей они бы не смогли. Решено было дожидаться помощи с материка. Часть челюскинцев была против, но Шмидт, первый и единственный раз в жизни прибегнув к угрозам, настоял на своем решении. Два месяца с честью просуществовал «лагерь Шмидта» на льдине: велись научные

наблюдения, Отто Юльевич – человек огромной эрудиции – читал публичные лекции по различным темам.

Помощь пришла: все челюскинцы были вывезены на материк самолетами, пилоты которых первыми получили звание Героев Советского Союза. Но О.Ю. Шмидт, проведя несколько часов на ледовом аэродроме в легкой куртке, получил воспаление легких и был в экстренном порядке переправлен на Аляску в больницу. Следует отметить, что как только он перестал контролировать ситуацию, положение челюскинцев, доставленных самолетами в стойбище Ванкарэм, резко изменилось: половина из них была вынуждена идти оттуда более 600 км по льду и тундре до тихоокеанского побережья Чукотки, чтобы сесть на пароход до Владивостока. Поскольку вместе с ними двигалась группа «рабочих Дальстроя» (т.е. заключенных), высадка с корабля происходила под дулами винтовок, и первую часть пути до Москвы челюскинцы проехали в теплушках. Лишь постепенно, когда чистые были отделены от нечистых, полярникам предоставили хорошие вагоны и началась «дорога цветов», известная всем по кинохронике. Несомненно, если бы Шмидт сопровождал своих подчиненных на всем протяжении их пути, ничего этого не случилось бы.

О.Ю. Шмидт и «папанинцы». Возвращение в Кронштадт. 1938г.

А Отто Юльевич, выписавшись из больницы, возвращался домой через весь североамериканский континент, Атлантику и Европу, совершив, таким образом, кругосветное путешествие. По пути он выступал с докладами об экспедиции, причем подчеркивал ее научные результаты, героизм мужчин и женщин, оказавшихся на льду, а на славословия в адрес Сталина, партии и правительства был более чем скуп. При этом у него были все основания ждать кары за нарушенный приказ «Хозяина», потерянное судно и невыполненные задачи рейса. Но Сталин простил. Вместо репрессий Шмидта и остальных челюскинцев ждала восторженная встреча в Москве с парадом на Красной площади, приемом в Кремле и вручением орденов Красной звезды. Научные и навигационные результаты экспедиции были признаны успешными, а огромный позитивный пропагандистский эффект затмил собой все потери.

Продолжив руководить ГУСМП, в 1936 г. Отто Юльевич участвовал в планировании и осуществлении первого похода советских военных судов по северной трассе: ледоколы провели два миноносца в Тихий океан. Это было последнее его плавание по трассе Севморпути. В то время Дальний Восток и Крайний Север стали превращаться в край, где трудились и гибли массы заключенных, и Шмидт по должности, скорее всего, что-то знал об этом, но вглубь материка, где находились лагеря, он во время своих экспедиций не попадал и видеть мог только корабли, перевозившие заключенных. Участвовать в создании и обслуживании системы лагерей ему приходилось в минимальной степени, потому что, во-первых, этим занимался преимущественно не Главсевморпуть, а Дальстрой и ГУЛаг, имевшие собственные корабли и базы, а во-вторых, новая задача, занимавшая теперь время и внимание Отто Юльевича, касалась совсем других краев.

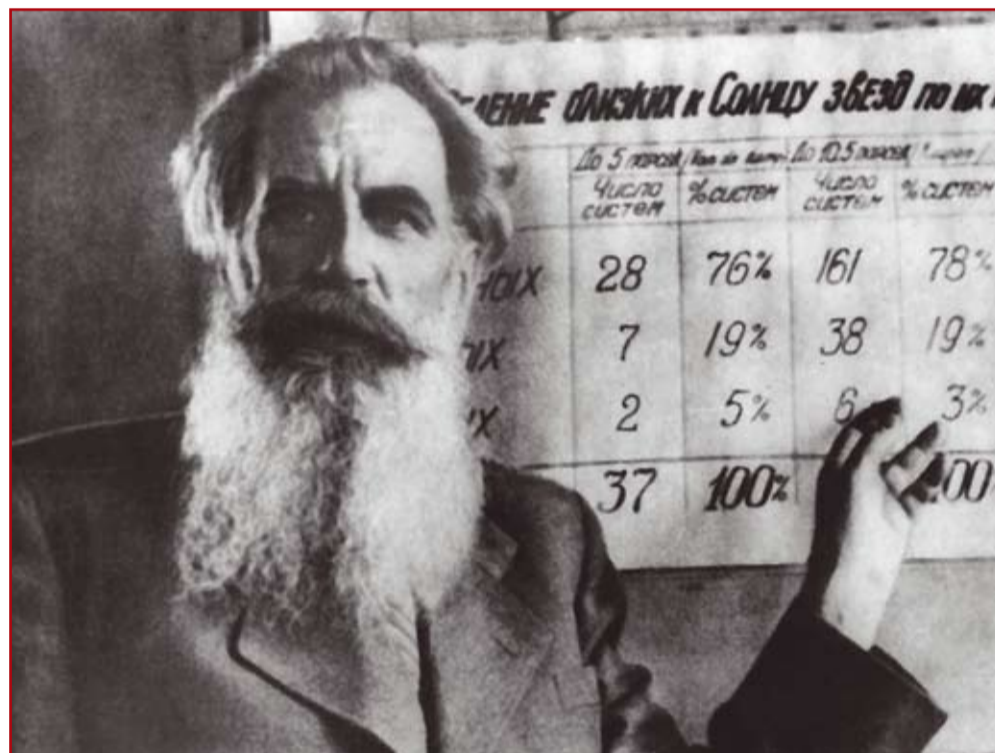
В 1937 г. была организована воздушная экспедиция на Северный полюс: по идее, подсказанной Шмидту радистом Э.Т. Кренкем еще во время ледового дрейфа, решено было создать на полюсе дрейфующую научную станцию. Начальник ГУСМП лично руководил операцией по доставке на полюс четверки зимовщиков во главе с И.Д. Папаниным. Впервые в истории самолеты приземлились на лед в самой северной точке планеты. Этот момент был высшей точкой полярной славы О.Ю. Шмидта: за успешную организацию дрейфующей станции «Северный полюс» он был удостоен звания Героя Советского Союза.

С другой стороны, тогда же начался и быстрый закат этой части его карьеры. Сосредоточив внимание на экспедиции к Северному полюсу, находясь несколько месяцев на Земле Франца-Иосифа и затем на льдине, в отрыве от своего аппарата, Шмидт не мог полноценно руководить остальной работой Главсевморпути. А ситуация меж тем складывалась катастрофическая: корабли на трассе один за другим оказывались в критическом положении, и в итоге 26 судов, в т.ч. почти все ледоколы, вынуждены были зазимовать во льдах. Одновременно дрейф льдины папанинцев оказался гораздо быстрее расчетного, и она очень быстро оказалась у берегов Гренландии, где теплое течение грозило уничтожить

ее. Найти и снять четверку зимовщиков удалось едва ли не в последний момент. И.Д. Папанин обвинил О.Ю. Шмидта в запоздалой эвакуации станции, и Отто Юльевич был отстранен от руководства ГУСМП.

Более серьезных репрессий и на этот раз не последовало, хотя доносы на Шмидта в «органы» поступали: помимо срывов в работе его обвиняли в том, что он недостаточно активно выявлял у себя в управлении врагов народа и даже наоборот, брал на работу тех, кого из других ведомств увольняли после проработок. Подвергся проработке и Отто Юльевич. От услышанных обвинений ему стало плохо, его увезли в больницу и ритуал с произнесением покаянных речей и последующей расправой не состоялся. В годы Большого террора, когда многие (в том числе коллеги Шмидта) лишались свободы или жизни по куда менее значительным поводам или вовсе по надуманным обвинениям, он даже не был арестован. О причинах остается лишь гадать. Возможно, его защитило звание Героя Советского Союза: ведь известно, что обладателей этой награды репрессировали сравнительно редко.

В знак того, что Сталин недоволен работой Шмидта, но не видит в нем вредителя или врага, Отто Юльевичу отныне доставались в основном посты на первый взгляд высокие и почетные, но скорее символические, нежели связанные с реальным руководством: он был введен в состав Центральной избирательной комиссии по выборам Верховный Совет

О.Ю. Шмидт. Доклад на Ученом Совете ГАИШ. 1948г.

СССР 1-го созыва (1937–1947) и сам стал депутатом от Якутии. Эпоха экспедиций для него закончилась и по другой причине: здоровье уже не позволяло Отто Юльевичу путешествовать по краям с суровым климатом.

Однако желание создавать что-то новое в науке сохранялось. Шмидт переключился на вопросы, связанные с новой для него областью: геофизикой и астрофизикой. Институтом теоретической геофизики АН СССР, созданным в 1937 г. по его инициативе, он руководил вплоть до 1949 г.

В 1939 г. с п е ц и а л ь н о «под Шмидта» была учреждена должность вице-президента Академии Наук СССР. Президентом был престарелый академик В. Л. Комаров, который часто по состоянию здоровья был неспособен заниматься текущими делами. Поэтому в июне 1941 г. именно Отто Юльевичу поручили руководить эвакуацией учреждений академии. Он не только перевез институты в тыл, но и разработал план их научной работы в новых условиях, и фактически вел дела АН СССР, поддерживая, насколько это было возможно, контакт с В.Л. Комаровым, находившимся в другом городе. У Комарова и (с его подачи) в верхах сложилось впечатление, будто Шмидт «оттеснил» его от руководства академией, и в 1942 г. Отто Юльевич был снят с должности вице-президента АН и прочих руководящих постов. Он написал длинное послание Сталину с признанием

О.Ю. Шмидт в Армении. 1941 г.

свои собственные материалы. Он принимал у себя учеников, коллег – астрономов, геофизиков, математиков – и вел переписку со многими отечественными и зарубежными учеными, даже будучи уже прикованным к постели. В СССР в то время не было своего пенициллина, и для лечения О.Ю. Шмидта в разгар холодной войны удалось приобрести один комплект ампул в США. Узнав об этом, какая-то женщина, чей ребенок был тоже болен, обратилась к Шмидту с просьбой дать ей хотя бы одну ампулу. Отто Юльевич велел медсестре отдать несколько ампул. Возможно, это было напрасно, потому что в результате оба не получили полного курса лечения, но поступить иначе было для Шмидта невыносимо: он не мог отказать, если его просили о помощи.

Наступил 1956 г., последний в жизни Отто Юльевича. XX съезд КПСС проходил, когда он был уже очень слаб, но как член партии он узнал о содержании доклада Н.С. Хрущева. Услышанное произвело на него очень тяжелое впечатление. Хотя на протяжении многих лет он был очень высокопоставленным функционером, многократно разговаривал с Лениным, Сталиным и с членами Политбюро, для него многое в докладе оказалось неожиданностью. Даже о том, что смерть С. Орджоникидзе была самоубийством, он не знал и не догадывался. Возможно, какие-то наблюдения и мысли он все эти годы сознательно или неосознанно гнал от себя, следуя своему юношескому кредо и стремясь совершать «действительно полезные дела» невзирая ни на что.

Мы не знаем, изменилось ли отношение Отто Юльевича к социализму после того, что он сам пережил и услышал в докладе Хрущева. Во всяком случае, ему не в чем было упрекнуть себя: его участие в культе Сталина всегда сводилось к минимуму, «ленинских норм партийной жизни» он – один из немногих уцелевших соратников Ленина – придерживался, равно как и норм обычной человеческой порядочности: людей, работавших с ним, О.Ю. Шмидт искренне уважал, берег, а кого-то, насколько это было в его силах, даже спасал. Не случайно добрая память о нем сохранилась не только в монументах, но и в сердцах множества людей. Когда в сентябре 1956 г., почти через 20 лет после его отставки с поста начальника Главсевморпути, весть о кончине Отто Юльевича пришла на Крайний Север, капитаны судов полярного флота, не сговариваясь, салютовали «нашему Шмидту» долгим прощальным гудком. Институт физики Земли АН СССР, создателем которого он был, стал называться его именем, и наименования в его честь не прекращаются до сего дня. В последние десятилетия, когда советская история и ее деятели подвергались радикальным переоценкам, фигура Отто Юльевича Шмидта, неразрывно связанная с этой историей, в числе очень немногих сохранила свою славу незапятнанной. Он, как и прежде, – гордость соотечественников: выдающийся ученый, отважный путешественник, прекрасный организатор науки, интеллектуально щедрый энциклопедист, замечательный Человек и Герой. Пожалуй, герой не только Советского Союза – герой XX века.

К.А. Левинсон,
кандидат исторических наук

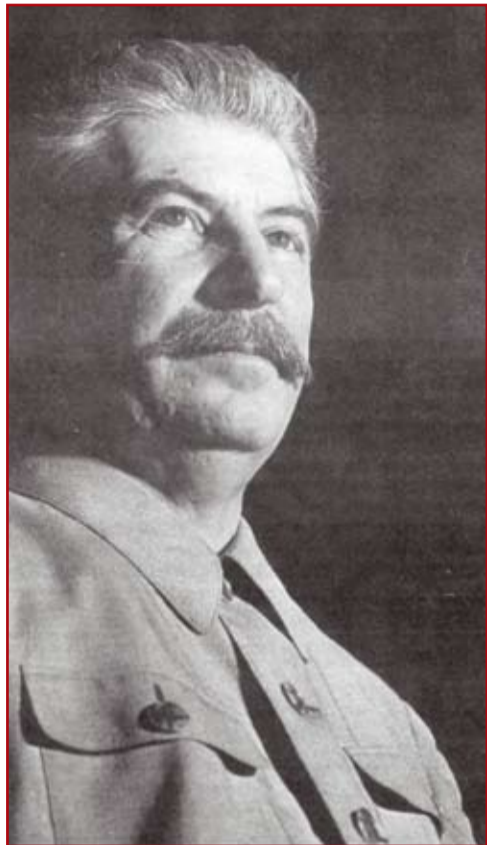
Спуск на воду ИЛЛ «ОТТО ШМИДТ». 31.08.1980г.

своих ошибок, но на самом деле воспринял отставку как избавление от тяжелого бремени: теперь он мог сосредоточиться на собственно научной работе.

В 40–50-е гг. Отто Юльевич публиковал научные труды в области геофизики, астрономии. В 1944 г. он выдвинул собственную теорию образования Земли и планет из твердых частиц вращающегося газопылевого облака, захваченного Солнцем. Разработкой этой космогонической теории он занимался совместно с группой ученых в последний период своей жизни. С определенными модификациями эта теория поддерживается значительной частью специалистов и сегодня.

Казалось, «героическая» фаза биографии осталась позади, и наступила тихая и благополучная жизнь академика. Однако Отто Шмидту предстояло совершить еще один подвиг, совсем не похожий на прежние. Дело в том, что в военные и послевоенные годы состояние здоровья Отто Юльевича, с юности страдавшего туберкулезом легких, ухудшалось, и работать ему становилось все труднее. В какой-то момент болезнь грозила перекинуться на гортань, и врачи предписали щадящий режим для голосовых связок: около года ученый был вынужден провести почти в полном молчании, общаясь с окружающими посредством записок или в крайнем случае говоря шепотом. Но, преодолевая болезнь, Отто Шмидт продолжал в меру сил работать для науки. В 1952–1956 гг. он был главным редактором журнала «Природа», для которого не только читал и правил статьи, но и подавал

НАША АРКТИКА

Замысел

20 февраля 1931 г. Сталин посчитал необходимым и своевременным направить в Политбюро записку «Об охране северного побережья». В ней, учитывая явную неспособность Ледовитого океана самого по себе оставаться при современном уровне развития техники непреодолимой преградой для потенциального противника, в чем тогда все были уверены, высказал ряд важных предложений. Сразу же после завершения строительства Беломоро-Балтийского канала, использовать его прежде всего для перевода нескольких эсминцев Балтийского флота на Баренцево море. Одновременно подыскать в Кольском заливе как можно ближе к Мурманску, уже связанному железной дорогой с крупнейшими промышленными центрами, Ленинградом и Москвой, место для военно-морской базы и начать ее строительство. Поводом для такого предложения послужили весьма болезненные для Кремля события.

В августе 1930 г. некий норвежец П. Эллиасен высадился на советском острове Виктория, расположенном на полпути между Шпицбергом и Землей Франца Иосифа, и объявил его своей собственностью. Улаживать странный конфликт пришлось дипломатическим путем. Помогло лишь то, что МИД Норвегии, обеспокоенный возможными политическими последствиями, заявил о полной непричастности своей страны к происшедшему. Но, вместе с тем, все еще отказывался признать установленный в 1926 г. советский арктический сектор и переход под суверенитет СССР Земли Франца Иосифа. Проблемы в полярной зоне только тем не ограничивались. Норвежские и английские рыбаки, зверобой чувствовали себя в Баренцевом и даже Белом морях как у себя дома – занимались незаконным ловом рыбы, промыслом тюленей и моржей, не обращая ни малейшего внимания на то, что делали всё это в советских территориальных водах. Если же какое-либо судно или пограничный катер под красным флагом пытался воспрепятствовать браконьерству, вызывали на помощь, для охраны корабли британских или норвежских ВМС!

Всё это заставило еще в августе 1928 г. Политбюро поручить М.А. Трилицеру, заместителю председателя ОГПУ, и И.С. Уншлихту, замнаркома по военным и морским делам, «обсудить вопрос», порожденный происшедшим в Арктике. Только обсудить, так как сделать что-либо для защиты экономических интересов страны оба ведомства при всем желании не могли. Ведь еще в начале 20-х гг. тогдашний нарком по военным и морским делам Троцкий по-

Сталин, подобно немногим отечественным политическим деятелям, таким как министр финансов, а затем глава правительства России С.Ю. Витте, и адмирал С.О. Макаров, понимал: Арктика – это прежде всего: – свободный, в отличие от закрытых Балтийского, Черного и Японского морей, выход в мировой океан; – кратчайший путь из европейской части страны на Дальний Восток; – самая протяженная, но, вместе с тем, и совершенно незащищенная граница.

считал флотилию Ледовитого океана, базировавшейся в Архангельске, излишней и обременительной. Отдал приказ отправить хоть и устаревшие, но все же сохранявшие боеспособность корабли на металлолом...

...Записку Сталина от 20 февраля сразу же передали по назначению – в Комиссию по обороне при правительстве СССР и ЦК ВКП(б). Казалось, теперь уже ничто не помешает принять необходимые решения, а для начала приступить к поиску наиболее подходящего места для военно-морской базы. Однако секретарь Комиссии, комкор Г.Д. Базилевич, не стал торопиться. Даже через полгода, 19 июля, на запрос секретаря Сталина, А.Н. Поскрёбышева, безмятежно ответил, что вопрос об охране северного побережья «будет слушаться вместе с докладом о морском флоте месяца через два».

И все же время не оказалось совсем упущенным. По предложению Сталина, довольно быстро решили вопрос о топливе для будущего Северного флота. Об угле, который для Мурманска либо покупали в Великобритании, либо везли из Донбасса. 20 марта 1931 г. половину акций действовавшей на Шпицбергене угледобывающей компании «Англо-Груманд» выкупили, и она, теперь уже как «Арктикуоль», стала полностью принадлежать СССР! Она уже в следующем году поставила в Мурманск 50 тыс. т угля, доведя всего через три года добычу до 400 тыс. т!

А затем происшедшие события ускорили утверждение Советского Союза в Арктике. 18 сентября того же 1931 г. японские войска вторглись в северо-восточные провинции Китая, оккупировали их и в марте создали там марионеточное, полностью подконтрольное Токио государство – Маньчжоу-Го. Вот теперь над советским Дальним Востоком нависла прямая угроза. В случае нападения Японии на СССР японские войска в течение нескольких часов могли отрезать Приморье. Для этого было бы достаточно лишь в нескольких местах перерезать Транссибирскую железную дорогу, проходившую максимум в десятке километров от границы.

Решающие действия

Выход из критического положения нашли немедленно. 15 февраля 1932 г. правительство страны ассигновало «миллион рублей на расходы, связанные с экспедицией Северным морским путем из Архангельска во Владивосток». Сроки плавания предусмотрительно не упоминались, но все же Сталин рассчитывал, что экспедиция удастся пройти огромное расстояние за одну навигацию, т.е. за 2–2,5 месяца. Основываясь на благоприятном прогнозе, 28 июля «Сибиряков» вышел из Архангельска, благополучно миновав пролив Вилькицкого и обычно сложные для плавания моря Лаптевых и Восточно-Сибирское. Трудности начались, лишь к востоку от мыса Северный (ныне Шмидта). 10 сентября всего в 600 милях от Берингова пролива пришлось встать из-за поломки лопастей винта.

А 18 сентября, у Колоченской губы «Сибиряков» потерял часть гребного вала вместе с винтом. Только своевременный подход вызванного по радио траулера «Уссуриец» спас лишнее самостоятельного хода судно; вывел «Сибирякова» на буксире в Берингов пролив, а 15 октября доставил его в Петропавловск-Камчатский.

Хотя и не идеально, но все же задача была решена! Весь Северный морской путь удалось преодолеть за одну навигацию!

Теперь следовало сделать всё, чтобы добиться практического использования арктической трассы.

АРКТИЧЕСКИЙ СТАЛИН

Поэтому уже 10 декабря состоялось заседание Политбюро, на которое пригласили руководителя похода на «Сибиряков» О.Ю. Шмидта.

Выслушав его доклад, Сталин сказал: «Арктика – вещь сложная. Надо создавать организацию, которая отвечала бы за Арктику и больше ни за что!»

Затем было утверждено решение, оформленное неделю спустя как постановление правительства: «Образовать при Совете народных комиссаров Союза ССР Главное управление Северного морского пути. Поставить перед ГУСИП задачу – проложить окончательно Северный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути».

Не было забыто и главное предложение Сталина, изложенное в записке от 20 февраля 1931 г. Прежде всего, его учли при подготовке «Программы строительства военно-морского флота», рассчитанной на пять лет. В ней впервые появилось еще не уточненное понятие «Север» и боевая задача: «удержание Мурманска, недопущение противника в Белое море и действия подлодками на основных коммуникациях противника». В этих целях предполагалось иметь на Севере 18 больших подводных лодок, 6 средних, 6 малых и плавбазу для них, а также 24 торпедных катера.

Пока же воспользовались завершением строительства Беломоро-Балтийского канала. 18 мая 1933 г. начали проводку по нему из Кронштадта двух эсминцев, двух подводных лодок, двух сторожевиков. Новое соединение 1 июня получило название Северная военная флотилия, в состав которой уже в августе вошли корабли, также прошедшие каналом, – один эсминец, одна подводная лодка и сторожевик.

Так начало претворяться в жизнь предложение Сталина об охране северного побережья. Предложение, которое вскорее было дополнено созданием авиации дальнего действия. Тогда же, летом 1933 г., в конструкторском бюро А.Н. Туполева завершили работу над самолетом РД (Рекорд дальности), он же АНТ-25. А уже в январе 1935 г. последовало решение, принятое без участия Сталина, о перелете по маршруту Москва–Сан-Франциско через Северный полюс. Поначалу машину и экипаж – В.П. Чкалов, С.Ф. Байдуков, А.В. Беляков – опробовали на несколько меньшем маршруте: Москва–остров Виктория–Земля Франца Иосифа–Северная земля–Тикси–Петропавловск–Камчатский–Николаевск–Амуре–Хабаровск. И хотя из-за внезапно испортившейся погоды полет пришлось прервать в семистах километрах от конечного пункта, подготовку сочли достаточной.

Все же перед началом перелета по «Сталинскому маршруту» (так гласила ярко-красная надпись на самолете Чкалова) решили устранить все возможные препятствия: обеспечить летчиков сводками погоды с метеорологических станций не только северного побережья СССР и его арктических островов. 21 мая на «макушке» земного шара высадил четверку полярников – И.Д. Папанина, Э.Т. Кренкеля, П.П. Ширшова и Е.К. Фёдорова. Им, помимо чисто научных исследований, предстояло «обеспечивать погодой» пролетающих над ними АНТ-25.

Чкалов со своим экипажем стартовал с подмосковного аэродрома 18 июня 1937 г. и через два дня приземлился в Портленде, не долетев до Сан-Франциско почти 1,5 тыс. км. И все же поставил мировой рекорд дальности: за 63 ч. 15 мин. покрыл расстояние в 8500 км. А 12 июля на точно таком же АНТ-25, по тому же са-

мому «Сталинскому маршруту» вылетели М.М. Громов, А.Б. Юмашев и С.А. Данилин. Им удалось добиться гораздо большего. Они посадили машину в поселке Сан-Джасинто в шестистах километрах к югу от Сан-Франциско. Преодолели 10 148 км за 62 ч. 17 мин.

Беседуя с корреспондентом газеты «Вашингтон ивнинг стар», Данилин сказал: «Наш полет – это кульминационный пункт всей той работы по исследованию и научному освоению Арктики, которая проводилась в нашей стране в продолжение свыше пяти лет!». Однако американцы посмотрели на выдающийся результат советских летчиков с иной точки зрения. Обозреватель «Нью Йорк таймс», в частности, писал: «То обстоятельство, что и самолет, и люди смогли совершить такой перелет, вызывает новые проблемы в области национальной обороны!»

...Еще долго о тех славных делах – перелетах Чкалова и Громова, дрейфе «СП-1», завершившемся в Гренландском море 19 февраля 1938 г. – напоминал Сталину подаренный ему Папаниным пёс Весёлый, проводивший на льдине в Арктике с четверкой отважных полярников девять месяцев.

Подтверждение предвидения

И записка Сталина от 20 февраля 1931 г., и выполнение задач, поставленных в ней, оказались как нельзя своевременными. Северный Флот к началу Великой Отечественной войны оставался все еще небольшим. Даже после пополнения кораблями, сошедшими со стапелей завода № 402 в г. Молотовске (ныне Северодвинск) и переведенными из Балтики, флот включал всего 8 эсминцев, 15 больших, средних и малых подводных лодок, 7 сторожевиков, морскую авиацию. Тем не менее, располагая только что построенной базой в Ваенге (ныне Североморск), она сделала всё возможное и невозможное, чтобы воспрепятствовать «волчьим стаям» нацистских субмарин. Тех, что охотились за торговыми судами союзнических конвоев, шедших с грузом военной помощи из США и Великобритании. Моряки-североморцы вместе с войсками 14-й армии выполняли и другую задачу, поставленную Сталиным: не подпустили германские войска к Мурманску. Остановили их всего в 50 км от государственной границы и удерживали занятый рубеж вплоть до начала наступления Красной армии, начатого 7 октября 1944 г.

Разумеется, война не бывает без поражений и потерь. Такими трагическими событиями в Арктике стал, прежде всего, разгром конвоя РЦ-17 в июле 1942 г., потерявшего из-за действий германской авиации 14 транспортов, и еще 10 – потопленных вражескими подводными лодками.

В том же году, только в августе, далеко на восток удалось прорваться карманному линкору «Адмирал Шеер». Пользуясь туманом и низкой облачностью, он смог незамеченным подойти к Диксону, обстрелять поселок полярников и нанести серьезный урон нашим судам «Революционер» и «Дежнёв». Финалом же действий германского флота в Арктике стала летом того же 1942 г. постановка мин у выхода из Баренцева моря в Карское.

Но всего этого могло бы и не быть, если...

28 августа 1939 г., спустя всего пять дней после подписания договора о ненападении между Германией и СССР, нарком военно-морского флота Н.Г. Кузнецов направил главе советского правительства В.М. Молотову записку «Об оперативном значении островов Шпицберген и Медвежий». В ней же указал на роль островов в случае войны с Германией. Если архипе-

лаг и остров окажутся в руках немцев, то они «действиями своих подводных и воздушных сил нарушат наши коммуникации с западными нейтральными странами (так нарком вынужден был называть тогда США и Великобританию. — Ю.Ж.)».

И чтобы предотвратить невыгодный для нас поворот событий, предложил подготовиться к оккупации и Медвежьего, и Шпицбергена. Для того «открыть специальную авиатранспортно-почтовую линию с рейсами по трассе Мурманск—Медвежий—Шпицберген, метеостанции для обеспечения полетов по вышеупомянутой трассе, получить у Норвегии разрешение на строительство посадочной площадки на острове Медвежий и комбинированного аэродрома на Шпицбергене, организовать походы командного состава подводных лодок и авиации Северного флота на направляющихся в тот район судах Морфлота с целью изучения».

Иными словами, начать подготовку к тому, чтобы с началом войны с Германией немедленно оккупировать и Медвежий, и Шпицберген, закрыв для врага проход из

Северной Атлантики в Баренцево море, вместе с тем контролируя еще и Гренландское море. К сожалению, записка эта, завизированная начальником Главного морского штаба адмиралом Л.У. Галлером, попала не к Молотову, а к его первому заместителю А.Н. Вознесенскому. Ну, а тот, некомпетентный в стратегических вопросах, в свою очередь передал документ А.И. Микояну, наркому внешней торговли, человеку, который отдался от решения, начертав резолюцию: «Вопрос о перевозке угля со Шпицбергена предусматривается планом»...

В самом начале войны тоже можно было всё поправить, если бы Черчилль прислушался к совету Сталина, написавшего 18 июля 1942 г. британскому премьеру: «Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)». И тут же пояснившего: «Легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских моряков и воздушных сил без высад-

ки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы». А чтобы у Черчилля не возникла мысль о советской экспансии, Сталин добавил: «Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить силы только одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которые можно было бы перебросить и в Северную Норвегию для повстанческого движения против немцев. О том же Сталин говорил и министру иностранных дел Великобритании А. Идену, посетившему Москву в декабре 1941 г. Мы, сказал верховный главнокомандующий вооруженными силами СССР, выдвигаем предложение: англо-советская операция на Севере, в районе Петсамо и в Северной Норвегии». Наконец, еще раз Сталин о том же говорил Черчиллю 13 февраля 1943 г.: «Немцы нападают на конвои, следующие в СССР, со своих баз в Северной Норвегии... Почему бы не разгромить немцев в Северной Норвегии?»

Британский премьер не пожелал даже обсудить возможность такой операции. Но Красная Армия и без помощи союзни-

ков добилась победы в Заполярье. Помог ей Северный морской путь, на котором всю войну трудились моряки-полярники. Трудились во имя Победы.

И после войны всё в Арктике шло в заданном Сталиным еще в феврале 1931 г. направлении.

Спустя два десятилетия, Северный Флот стал самым сильным из всех советских флотов. Постоянно демонстрировал флаг СССР в Атлантике, Средиземном море, Индийском океане, зачастую лишь своим присутствием предотвращая возникновение региональных конфликтов.

Развивался и Северный морской путь, став надежной и постоянно действующей трассой.

Так продолжалось до 1991 г., когда национальные интересы страны, ее безопасность перестали интересовать Кремль...

Ю.Н. ЖУКОВ,
доктор исторических наук

МОСКВА

Москва помнит Героев Арктики

«Мы помним имена Героев страны!»

2012 г. в нашей стране объявлен Годом истории. 1 сентября в Северо-восточном административном округе г. Москвы (район Лианозово) в рамках празднования Дня города, на Зональной улице около памятного камня, установленного в честь героев-полярников, первых Героев Советского Союза, чьиими именами названы улицы нашего района, состоялась торжественный митинг.

В памятном мероприятии приняли участие: глава управы – Виктор Филатов; руководитель муниципалитета Лианозово – Сергей Цыганов; заведующая библиотекой № 209 – Татьяна Владимировна Сергеева; депутаты муниципального собрания, учащиеся Центра образования № 1490, представители общественных организаций.

В качестве почетного гостя на митинг была приглашена внучка Отто Юльевича Шмидта – Вера Владимировна Шмидт. Она рассказала о подвиге своего деда, который в 1937 г. организовал экспедицию на первую в мире дрейфующую научную станцию «Северный полюс-1» в Северном Ледовитом океане.

Присутствующие на митинге вспомнили имена исследователей Арктики и полярных летчиков, чьиими именами названы улицы нашего района, расположенные в пос. им. Ларина: Байдукова, Беякова, Водопьянова, Громова, Каманина, Кренкеля, Леваневского, Молокова, Слепнева, Федорова, Чкалова, Ширшова, Шмидта и возложили цветы к мемориальному камню.

Педагоги и учащиеся ЦО № 1490 отметили важность данного мероприятия для воспитания патриотического духа детей и памяти о наших героях. После мероприятия учащиеся ЦО № 1490 приняли решение организовать в школе патриотический клуб для подробного изучения подвига «челюскинцев».

«Мы боремся за Арктику!»

6 сентября 2012 г. легендарный исследователь Арктики и Антарктики, Герой Советского Союза и Герой России, член Совета Федерации Артур Чилингаров выступил в лианозовской библиотеке № 209 на Алтуфьевском шоссе, где рассказал читателям о том, как сейчас Россия осваивает Север.

В августе Указом Президента Артур Чилингаров был назначен его спецпредставителем по сотрудничеству в Арктике и Антарктике. Вместе с А. Чилингаровым на встречу пришли внучка О. Шмидта – В. Шмидт и сын Э. Кренкеля – Т. Кренкель.

Вот что рассказал Артур Чилингаров жителям Лианозова:

«Несколько дней назад я был на Земле Франца-Иосифа – это архипелаг в Арктике. Цель поездки была связана с ... уборкой мусора. Там все острова покрыты не льдом, а бочками из-под авиационного горючего. Это наследство холодной войны. У нас были аэродромы дальней авиации по всему побережью Северного Ледовитого океана. Оттуда тяжелые бомбардировщики с ядерным оружием на борту долетали до Земли Франца-Иосифа, там заправлялись, подлетали к предполагаемому противнику – Соединенным Штатам Америки – и возвращались обратно – такое боевое дежурство. Чтобы заправлять самолеты, нужны были тонны топлива. По нашим подсчетам, только на одном острове валяется 300 тыс. бочек, на другом – 500 тыс.! Кстати, среди бочек находили немецкие – во время

войны в Арктике гитлеровцы устраивали свои базы. Так им хоть бы что! Наша – ржавая вся, а немецкая – как новая! Сейчас начали все это собирать и утилизировать. Построили там цех: бочку выпаривают, разрезают и под пресс – получается кусок металла весом в 20 кг. Работа идет круглосуточно.

Надеюсь, что когда мы эту землю откроем, то сделаем ее открытой для арктических туристов. Там красота безумная!

Сегодня нельзя просто сказать: «Северный полюс наш». Приходится это доказывать. В свое время у Сталина позиция была простая: он взял карандаш и от Кольского полуострова провел линию до Северного полюса, а потом до Уэлена на Чукотке и написал: полярные владения СССР. И точка. И никто не лез. Но мы – демократическая страна, мы ратифицировали (можно по-разному к этому относиться) всемирную конвенцию по морскому праву, где есть границы, где есть способ доказывания, что это принадлежит тебе, а не Гренландии, например. Кстати, Соединенные Штаты Америки – единственная из пяти арктических стран эту конвенцию не ратифицировала. Они считают, где хотят, там могут находиться.

Нам, чтобы отстоять свои права, надо провести комплекс наблюдений. Эту работу я начал пять лет назад, когда мы совершили глубоководную экспедицию на Северный Полюс. О ней знал только Владимир Владимирович Путин и узкий круг специалистов. Экспедиция имела геополитическое значение. Мы

погрузились на глубину 4,5 км и установили там российский флаг. Какой поднялся вой во всем мире! Я ответил всем: место есть, погружайтесь, ставьте свои флаги, если сможете это сделать.

Много делается в рамках Русского Географического общества. Его президент – Сергей Шойгу, я – его первый заместитель. Один из интересных проектов Общества связан с именем знаменитого полярного летчика Сигизмунда Леваневского, именем которого названа одна из улиц в Лианозове. Мы предположительно нашли место, где погиб его экипаж в 1937 г. Там глубина около 100 м. Вся сложность заключается в том, что для работы там нужна подводная лодка. Наши глубоководные аппараты не подходят. Мы пробуем сделать все возможное и все-таки найти самолет, останки экипажа и его командира, который был любимцем Сталина и одним из первых Героев Советского Союза.

Важно наращивать и научное присутствие России в Арктике. Мы сегодня восстанавливаем полярные станции Севморпути, которому в декабре исполнится 80 лет. Мало кто знает, что уже около года во льдах в районе Канады на льдине дрейфуют 14 наших полярников.

Для нас важны любые острова. Например, на острове Александра (архипелаг Земля Франца-Иосифа) в советское время была замечательная обсерватория им. Кренкеля. Сейчас она не работает, а вокруг, как и раньше, ходят белые медведи, в прошлом один даже задрал недисциплинированного полярника...

А.Н. Чилингаров и В.В. Шмидт

Это очень важная территория в экологическом отношении – второй после Земли Франца-Иосифа остров, который называют родильным домом медведей. Есть там поселковый совет, и каждое утро поднимается российский флаг – традиция, которую мы активно возрождаем по всей трассе Севморпути».

Кстати:

20 лет назад мог исчезнуть уникальный поселок им. Ларина в Лианозове, где улицы названы именами героев-полярников. Землю хотели пустить под застройку, но жители забили тревогу и обратились за помощью к Артуру Чилингарову. Известный ученый направил письмо в защиту поселка московским властям и был услышан.

Поселок был сохранен!

Юрий СТАРОДУБОВ.

Интернет-портал «Звездный бульвар»

ШКОЛЫ ГЕРОЕВ

В 20-х числах октября 2012 года в российской столице друг за другом прошли два мероприятия, призванные увековечить память Героя Советского Союза **Надежды Викторовны Троян** – одной из трех девушек, непосредственно участвовавших в операции по уничтожению наместника фюрера в оккупированной гитлеровцами Белоруссии кровавого палача Вильгельма Кубе. Сначала в Центральном музее Великой Отечественной войны, что на Поклонной горе, была представлена новая соответствующая экспозиция. А на следующий день прошло торжественное присвоение московской средней школе № 1288 имени Н.В. Троян и открытие в ней комнаты-музея героини. Экспонаты в обоих случаях, включая и Золотую Звезду, передал сын отважной разведчицы, Алексей Коротеев. Он сообщил, что еще одну часть предметов, принадлежащих его матери, передаст и в Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны.

Одна из трех героинь

Оба мероприятия были не столь многочисленными, и к ним не было привлечено повышенное журналистское внимание, однако важность их несомненна. С одной стороны, в музее на Поклонке, несмотря на впечатляющую объемность его фондов, не был как-либо отражен этот приметный подвиг, совершенный тремя героинями в годы войны. Кстати, это был единственный случай, когда сразу трем женщинам, действовавшим, что называется, в связке, в один день было присвоено звание Героя Советского Союза (при этом 22-летняя Надежда Троян была самой молодой из них). С другой, события значимы в плане воспитания в духе патриотизма подрастающего поколения, о чем в последние годы как в России, так и в Беларуси говорят всё больше и больше.

В свое время, в 1950–80-х гг., были слышаны об этом отважном деле, совершенном Надеждой Троян, Марией Осиповой и Еленой Мазаник (последняя являлась непосредственным исполнителем операции «Возмездие»). По мотивам их подвига был снят художественный фильм «Часы остановились в полночь», сами участницы написали мемуарные воспоминания и не раз рассказывали об этом в ходе встреч со школьниками, студентами и журналистами. Ныне это в немалой мере подзабыто. Кстати, в настоящее время в Беларуси идут съемки художественного сериала «Охота на гауляйтера», который планируется к выходу на ТВ в мае 2013 г.

Выступивший на обоих мероприятиях Алексей Коротеев (профессор, руководитель отделения кардиохирургии медицинского института им. А.В. Вишневского) освежил память старших и донес важную информацию до юных, живущих во многом иными ценностями (что, впрочем, вполне объяснимо).

Сын Н.В. Троян, в частности, напомнил, что приказ на уничтожение одного из первых соратников Гитлера, каковым являлся Кубе (свой рассказ Алексей Васильевич сопровождал весьма удачно подобранным фотоматериалом как из личного архива, так и историческим), был отдан Верховным главнокомандующим Сталиным в феврале 1943 г. Покаран должен быть не только гауляйтер Белоруссии, но и рейхскомиссар Украины Эрнх Кох. К этому нацистскому злодею, как известно, подступался известный советский разведчик Николай Кузнецов, но, увы, безуспешно: Кох закончил свои дни в 1986 г. 90-летним – как ни странно, в комфортабельной тюрьме в тогдашней социалистической Польше.

С Кубе поначалу тоже шло не всё гладко. Белорусские партизаны и подпольщики в июле и сентябре 1943 г. подготовили и осуществили две довольно удачные операции, в результате которых были убиты десятки высокопоставленных оккупантов.

Но гауляйтеру волей случая каждый раз удавалось не оказаться в эпицентре этих акций возмездия. Еще раз его чуть было не отравили, но Кубе в последнюю секунду раздумал отхлебнуть из предложенного ему стакана с ядом. Удача засветила, когда лесные мстители и разведчики, присланные Центром, вышли на работающую горничной в особняке палача белорусского народа Елену Мазаник. Первой завела с ней знакомство Надежда Троян и в ряде встреч убедилась в необходимости казнить Кубе. В дальнейшем Мария Осипова доставила в Минск из леса для Мазаник мину замедленного действия.

– Такую же штуку – а это были небольшие мины английского производства, получаемые по ленд-лизу, – принесла в Минск и

моя мама – тоже чтобы передать ее Елене Мазаник, – рассказывал Алексей Коротеев. – Причем это было буквально через несколько часов уже после свершившегося удачного покушения, в городе уже во всю шли облавы. Она запрятала ее в торт и благополучно минула все посты. Помогло и то, что она обладала не только удивительным хладнокровием, но была и очень общительным человеком, могла разговорить полицейского, начать шутить с ним и тем отвлечь внимание... Между прочим, когда она узнала, что расплата уже свершена, то не избавилась от мины, а, вновь, миновав опасные кордоны, принесла ее назад в партизанский лагерь. Я ее спрашивал: зачем надо было так смертельно рисковать?! А она недоумевала от моего вопроса, объясняла: да ведь не хватало партизанам таких вот английских миниатюрных мин!

Как бы там ни было, а заложенный под

Председатель Правления Клуба Героев Москвы и Московской области Герой Советского Союза Н.Т. Антошкин, директор школы № 1288 - Е.В. Мартынова и сын Героя Советского Союза Н.В. Троян - А.В. Коротеев

Виктория Надежды

24 октября 2012 года в Москве увековечили память героини, участвовавшей в уничтожении гауляйтера Белоруссии.

матрац высокопоставленного гитлеровского ставленника заряд сработал в 00 ч. 40 мин. 23 сентября 1943 г. Кубе был разорван на части. В Германии объявили «всенародный траур» – и это был один из двух таких трауров за годы войны: первый объявлялся несколькими месяцами ранее по поводу гибели 6-й армии фельдмаршала Фридриха фон Паулюса под Сталинградом. Гитлер не только выразил соболезнование по случаю «трагической гибели» одного из своих ретивых приспешников, каковым являлся Кубе, но даже прислал для покойника из Берлина в Минск «именной» гроб... А в конце октября Троян и ее боевым коллегам было присвоено звание Героя Советского Союза.

По большому счету, Надежда Троян получила свою высокую награду по совокупности свершенного ей к моменту операции «Возмездие». Как рассказал ее сын, она сразу же, едва немцы захватили Минск, стала участницей молодежной подпольной ячейки. И хотя на первых порах это была «чистая самодеятельность», ребята все же боролись, как могли: вели пропаганду среди местного населения, собирали разведсведения, писали и расклеивали листовки, помогали пленным красноармейцам, которых оккупанты содержали в тут же созданном ими концентрационном лагере.

Наверное, некоторые из этих ребят избранными от данном Алексеем Коротеевым в музей на Поклонке уникальным снимке, датированном субботой 21 июня 1941 г. На обороте еще и такая надпись: «День рождения Петра». Молодежное застолье... Надя в кругу подруг и друзей, все веселы, за окном уже темно... до начала войны и радикальной перемены жизни и бытия оставалось всего несколько часов... Немцы хозяйничали в Минске уже к следующей субботе...

А в 1942 г., когда семья переехала в небольшой городок Смолевичи, что недалеко от Минска, Надежда, устроившаяся в контору тамошнего торфзавода, прослышала, что в местных лесах действует партизанский отряд. Природная сметка помогла ей даже вычислить связную этого отряда – ее же подругу Нюру Косаревскую. Но на все попытки поговорить на «серьезную тему» та лишь пожимала плечами: мол, о чем ты, душа моя, знать ни о каких партизанах ничего не знаю, ведаю не ведаю!

Однажды Надя подошла к ней и сказала: «Знаешь, Нюра, хочешь верь, хочешь не верь, но слышала я от немцев, что они имеют сведения, где лагерь отряда, и готовят операцию по его уничтожению». – «Как узнала?» – «Говорю же, случайно подслушала».

А Надежда, действительно, столь хорошо изучила в обыкновенной школе немецкий язык (у нее были склонности к этому), говорила без акцента, что даже сами захватчики принимали ее за немку, «фольксдойч». Косаревская ничего не ответила подруге. Но когда каратели и впрямь нагрянули в партизанский стан, то застали там только головешки от потухших костров.

После этого девушку свели с народными мстителями, которые охотно приняли ее в свои ряды. В небезызвестной партизанской бригаде «Дядя Коля» она была сначала вовлечена в активную боевую работу, участвовала в уничтожении нескольких мостов и эшелонов противника. А потом, поскольку девушка отлично знала немецкий, ей стали поручать «куда более деликатные» задания. Одним из них и являлась «миссия возмездия» во исполнение упомянутого выше приказа Верховного главнокомандующего касательно Вильгельма Кубе.

Значение подвига

По словам Алексея Коротеева, значение этого подвига важно в том смысле, что враг на оккупированных территориях, какой бы высокий пост он ни занимал и как бы хо-

рошо кого ни охраняли (а гауляйтера Кубе охраняли весьма бдительно!), нигде не мог чувствовать себя в безопасности. Важность и в том, что находящиеся под фашистским гнетом люди видели: борьба с гитлеровским игмом идет, и борьба конкретная, видимая, большая. Это способствовало притоку в партизанские отряды и подпольные организации немало числа людей, у которых пропал страх перед зверствующими оккупантами.

Тут надо сказать больше. Убийство такой персоны, как наместник Гитлера в Белоруссии, вызвало и политический резонанс в рядах союзников Германии, да и вообще в мире. Акт возмездия, осуществленный тремя молодыми женщинами (хотя их имена тогда не разглашались) продемонстрировал, что фюрер не столь уж и силен на захваченных советских землях, поскольку было очевидно, что данная операция была осуществлена не героим-одиночкой, но тщательно подготовлена, спланирована, выверена. За этой акцией хорошо просматривалось массовое организованное сопротивление в тылу фашистов.

Кубе и им подобные были не только «единичными» нацистами, но крупными символами проводимой на оккупированных территориях политики геноцида к местному населению. К своему рассказу о матери-героине Алексей Коротеев подобрал выразительное фото. На снимке с десятком высших нацистов: рядом с Гитлером — Геринг, Геббельс, Гимлер, Шахт. Тут же, во втором ряду с краю, и Кубе.

Но достаточно вспомнить, что в Белоруссии немцы уничтожали каждого четвертого жителя республики, и участие Кубе в этом несомненно, хотя сам он, возможно, лично никого не застрелил и не повесил. В то же время известна одна его характерная фраза, изреченная им на белорусской земле после осуществления гитлеровцами одной из многочисленных карательных акций: «Надо, чтобы только упоминание одного моего имени приводило в трепет русского и белоруса, чтобы у них леденел мозг, когда они услышат "Вильгельм Кубе". Я прошу вас, верных подданных великого фюрера, помочь мне в этом».

Когда позже состоялся судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белоруссии, кто-то из преступников пытался оправдываться: дескать, если бы партизаны не взорвали гауляйтера, то мы не убили бы за несколько дней две тысячи минчан. На что обвинитель задал резонный вопрос: «Ну, а операция "Волшебная флейта", во время которой было арестовано 52 тысячи минчан и большинство из них уничтожено... Ведь вы ее проводили до убийства Кубе! А план начальника отдела колонизации первого главного политического управления по делам оккупированных восточных областей доктора Эриха Ветцеля, составленный еще до 22 июня 1941 года, который вы начали осуществлять с первого дня войны?» В ответ судимые нацисты лишь понурили головы.

С Беларусью в сердце

После войны Надежда Троян стала дипломированным медиком — закончила 1-й Московский медицинский институт им.

Герой Советского Союза Н.Т. Антошкин и директор школы № 1288 - Е.В. Мартынова в холле школы

И.М. Сеченова. Тогда же, врач-хирург, она познакомилась с военным журналистом Василием Коротеевым, за которого вскоре вышла замуж. Во время войны Коротеев был фронтовым корреспондентом газеты «Красная звезда», кстати, работал рука об руку с Константином Симоновым. Оба, как и многие другие их коллеги («лейкой» и блокнотом), с первых до последних дней находились на передовой, участвовали в боях. Коротеев, например, защищал Москву, воевал в Сталинградской битве. У Троян и Коротеева родились двое сыновей, младший из которых, Алексей Коротеев, активно поддержал инициативу Центрального музея Великой Отечественной войны, касающуюся создания в его стенах своей матери. Как поддержал и почин присвоения ее имени школе № 1288.

Между прочим, до Василия Коротеева, еще до войны, с Надеждой дружил будущий Герой Советского Союза лейтенант Борис Галушкин. Они учились в параллельных классах, когда семьи обоих жили в Красноярске. А в 1942–1943 гг., Борис, окончивший к тому времени аэроклуб (хотел стать летчиком) и московский институт физической культуры, выполнял специальные задания в тылу врага в районе Минска и на Витебщине. В одном из партизанских отрядов он вновь увидел Надежду. Она была очень красивой, привлекательной девушкой, не обратил на нее внимание было просто невозможно (это видно и по всем фото той поры)! Ухаживал своеобразно, порой чисто по-мальчишески, хотя в 1943-м, когда они опять встретились, ему было уже 23. Както Надежда переходила через бревнышки, переброшенные через небольшую речку, а Борис с другого конца пытался с раскачиваемой ветки спихнуть их в воду. Чуть не «булькнул» в поток сам. Смелись. А в июне 1944-го штурмовая группа, которой лейтенант командовал, попала в окружение, и Галушкин погиб. Звание Героя ему было присвоено посмертно...

В последующем Надежда Викторовна

много лет занималась государственной и общественной деятельностью. Она, являясь председателем Исполкома Союза Обществ «Красного Креста» и «Красного Полумесяца СССР» и избранная позже вице-президентом Международного комитета Красного Креста, способствовала укреплению авторитета нашей страны на международной арене, активно общалась со многими видными людьми того времени как в СССР, так и за рубежом.

По словам Алексея Васильевича, его мать была очень жизнерадостным человеком. Когда он подбирал фотографии, чтобы передать их в музей на Поклонке и в школьный, то неожиданно для самого себя обнаружил, что нет ни одного фото, на котором Надежда Викторовна не улыбалась бы.

По молодости лет шутки отмечивала те еще, даже в годы войны! Когда ее выводили на партизанский отряд в условленное место, сказали, что три раза надо условленно свистнуть. А она, не умеющая свистеть, не придумала ничего лучшего, как прихватить с собой... милицейский свисток. В него и дула. Сначала — три раза, потом — еще и еще. И реально напугала партизан. Они обнаружили себя перед ней, когда она уже «иссвистела» весь лес: «Чего свистишь, как соловей-разбойник?» — «А что, нельзя? Может, я так гулять люблю!» — «Любит она! А нам — ховайся? Вот и затаились, думали, это полицейская облава». В медвузе тоже училась весело, легко.

В Белоруссии Надежда Викторовна, когда позволяло здоровье, в обязательном порядке бывала хотя бы раз в год. Урожденная города Дрисса (ныне Верхнедвинск на Витебщине), партизанка гордилась, что она — белоруска, родной край для нее был частицей сердца. Кстати, как отмечает ее сын, фамилия Троян имеет чисто национальное происхождение (идет не от древней Трои или «троянского коня»): троян в переводе с белорусского — вылы с тремя зубцами.

Она была одним из инициаторов переименования станции Московского метро-

политена «Измайловский парк» в «Партизанскую». Тем более что ее оформление, известное еще с 1944 г., посвящено теме партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (в частности, установлены скульптуры героев-партизан — 18-летней Зои Космодемьянской и 80-летнего крестьянина-колхозника Матвея Кузьмина, повторившего в 1941 г. подвиг Ивана Сусанина, а также скульптурная группа «Народные мстители»). Да и во время войны в районе расположения станции проходили подготовку разведчики-диверсанты.

Что касается 1288-й школы, то имя Н.В. Троян этому учебному заведению присвоено потому, что героиня в свое время не раз тут бывала: здесь учились ее сыновья, а позже — и внуки. Кстати, как заметил Алексей Коротеев, «мало кто знал, что школу посещает такая именитая мама, а потом и бабушка»: Надежда Викторовна, в силу природной скромности, не любила, как бы сейчас сказали, «светиться». В то же время, по жизни, когда надо было оказать кому-то поддержку, конкретно помочь, она иной раз активно использовала свой служебный авторитет и «ресурс» кавалера Золотой Звезды.

Примечательно, что на торжественной линейке выступил Председатель правления Клуба героев Советского Союза, героев РФ и полных кавалеров ордена Славы города Москвы и Московской области генерал-полковник авиации в отставке Николай Тимофеевич Антошкин (начавший в 1960-х гг. офицерскую службу в Белоруссии, он был участником нескольких вооруженных конфликтов, а в апреле-мае 1986 г., во время аварии на Чернобыльской АЭС, в первые десять суток непосредственно руководил действиями личного состава по закрытию реактора, получил большую дозу облучения и Золотую Звезду). Он сказал, что присвоение школе № 1288 имени Н.В. Троян находится в рамках инициативы упомянутого Клуба о присвоении каждой столичной школе имени Героя: «Сегодня в Москве около 1600 школ, из них именитых — с десятком, а на 51 городском кладбище покоится более 1700 Героев Советского Союза, Героев России и полных кавалеров ордена Славы. Так что имен хватает на все школы».

Растущие поколения должны знать Героев своей страны, а то ведь мы даже и самых «именитых» из них забываем...

Впрочем, из года в год присваивают же президентскими указами областным центрам (и не только им) звания «Городов воинской славы», таких населенных пунктов в России от Дальнего Востока до Калининграда уже 40.

На той же линейке кто-то из выступивших ветеранов заметил, что даже в полном имени Троян интересное сочетание понятий:

Надежда Викторовна — надежда и виктория: надежда говорит само за себя, а виктория, как известно, означает «победа»!

Полковник запаса
Игорь Плуغاتёв

Школьники выступили перед ветеранами и гостями торжественного мероприятия

Вечер памяти первого дважды Героя Советского Союза – С.И. Грицевца

21 сентября 2012 года в г. Москве в стенах Международной общественной организации «Федерация мира и согласия» (по адресу: Проспект Мира, 36, стр. 1) состоялась торжественная встреча, посвященная Дню памяти первого дважды Героя Советского Союза Сергея Ивановича Грицевца.

Я, наверное, не смогу во всей полноте передать мое чувство благодарности организаторам этого торжества – президенту Межрегиональной (и даже Международной) общественной организации выпускников Харьковского (Чугуевского) авиационного училища летчиков им. дважды Героя Советского Союза С.И. Грицевца «Летное братство» Герою Советского Союза Георгию Константиновичу Мосолову и Петру Николаевичу Чуйко.

Это было торжество такого масштаба, такого высокого духовного наполнения, которого я даже представить себе не могла, так как до последнего времени имя отца было прочно забыто в России.

Сказать, что всё было организовано четко и красиво – это ничего не сказать. Сколько пришлось людей и каких! Это знак уважения к памяти моего отца.

В торжественном мероприятии участвовали выпускники Харьковского ВВАУА им. дважды Героя Советского Союза С.И. Грицевца, летчики-авиаторы России, Белоруссии, Украины, Испании, Монголии, представители различных военных и общественных организаций, зарубежных дипломатических миссий, аккредитованных в РФ, в том числе:

- Долорес Меронья Пельисер – дочь

В.В. Горбатко, С.К. Крикалев, Г.К. Мосолов, П.Н. Чуйко

историк ВВС и ПВО (родной брат Степана Леонтьевича Галатюка);

- Валерия Валерьевна Чкалова, дочь выдающегося советского летчика-испытателя, Героя Советского Союза Валерия Павловича Чкалова;

- Игорь Дмитриевич Дружинин, председатель Комиссии по работе с молодежью Фонда «ПРАВОПОРЯДОК-ЩИТ»;

- Олег Евгеньевич Сиротинин, первый секретарь Посольства Украины в Российской Федерации;

- Юрий Степанович Сухоносик, Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации;

- Серхио Эрнандес-Ранера Санчес, Посольство Испании в Российской Федерации;

тра физического, военно-патриотического и гражданского воспитания обучающихся и студентов профессионального образования Департамента образования города Москвы, Правительство Москвы;

- Владимир Николаевич Вельможин, главный редактор газеты «Щелковчанка» г. Щелково, на территории которого находилась ВВА.

Президент МОО «Летное Братство» Герой Советского Союза Г.К. Мосолов в своем вступительном и заключительном выступлении очень точно и с большой теплотой выразил свое отношение к человеку, памяти которого посвящено торжество. Я уже не раз убеждалась в том, какая память и какой острый ум у Георгия Константиновича и какая мобильность у этого человека. А ведь ему уже за 80! Здоровья ему и бодрости на долгие годы!

То что происходило на этом торжестве, нельзя описать словами. Это надо рассказывать, включая все чувства и эмоции, как мне об этом говорили мои друзья, присутствовавшие на торжестве. Даже они, знавшие о том, кем был мой отец, были потрясены увиденным и услышанным.

Это и короткий, но хорошо смонтированный фильм об отце.

Это звезды Героев, горевшие на груди у выпускников Харьковского Высшего Военного Училища летчиков им. С.И. Грицевца, среди которых было много космонавтов.

Это отчет Игоря Дмитриевича Дружинина, руководителя проекта восхождения группы альпинистов, поднявших в августе 2012 г. баннер МОО «Летное Братство» - «В ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ ВО ИМЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ БРАТСКИХ НАРОДОВ» с портретами Героев летчиков асов ВОВ трижды Героя Советского Союза И.Н. Кожедуба, дважды Героя Советского Союза В.И. Попкова, в том числе и моего отца – дважды Героя Советского Союза С.И. Грицевца на вершину горы Эльбрус (где в 1942 г. фашисты по приказу Гитлера установили флаг нацистской Германии).

- Долоонжин Идэвхтэн, чрезвычайный и полномочный Посол Монголии в Российской Федерации;

- Жамеран Цэрэнчимэд, заместитель военного атташе Посольства Монголии в Российской Федерации;

- Михаил Леонтьевич Усанов, заместитель директора Московского цен-

Герой Советского Союза Г.К. Мосолов и дочь С.И. Грицевца - А.С. Архангельская (Грицевец)

испанского летчика-истребителя, республиканца Франсиско Меронья Пельисер, который в 1939 г. эмигрировал в СССР, где потом участвовал в Великой Отечественной войне;

- Сергей Константинович Крикалев, советский и российский летчик-космонавт, Герой Советского Союза и первый Герой России, рекордсмен Земли по суммарному времени пребывания в космосе, Начальник Научно-исследовательского испытательного центра подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина;

- Виктор Васильевич Горбатко, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, летчик-космонавт СССР, председатель Российско-Монгольского общества дружбы;

- Владимир Викторович Аксёнов, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, заслуженный мастер спорта СССР, выпускник Чугуевского ВАУА 1956 г., член МОО «Летное Братство»;

- Георгий Николаевич Волохов, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР;

- Сергей Иванович Нефёдов, Герой Российской Федерации, испытатель космической техники;

- Василий Леонтьевич Голодюк, полковник, военный летчик 1 класса, военный

Герой Советского Союза, Герой России С. Крикалев (вместе с П. Чуйко и П. Дружининым) передает флаг с фотографией экипажа В. Чкалова - дочери легендарного летчика В.В. Чкаловой

Это непосредственное участие в торжестве представителей посольств Белоруссии, Украины, Испании и Монголии.

Это обращение с орбиты к участникам торжества экипажа МКС-32/33 летчика-космонавта Ю.И. Маленченко, выпускника 1983 г. ХВВАУЛ, командира МКС-32 Г.И. Падалки и бортинженера С.Н. Ревина.

Особенно хочу отметить талантливое выступление учеников школы № 2011 им. трижды Героя Советского Союза И.Н. Кожедуба, которое, кроме полученного удовольствия, раскрыло нам очень важное: есть еще молодежь, для которой слово «патриотизм» имеет смысл. За это, конечно, благодарность их учителю Любови Петровне Поликашиной и директору ГОУ СОШ г. Москвы № 2011 Ларисе Сергеевне Кутузовой.

Хочу сказать, что на торжестве присутствовали три поколения Сергея Грицевца, за которых, уверена, отцу не было бы стыдно. Это я – дочь, мой сын Сергей, мои внуки: Аня – студентка МГУ и внук Егор – ученик 2-го класса. Он очень хотел попасть на

Долоонжин Идэвхтэн, чрезвычайный и полномочный Посол Монголии в Российской Федерации

торжество и для этого выучил и рассказал написанное мной стихотворение «Мой прадед». Вот оно:

«Мой прадед»

*Я прадедушку не знал,
Потому что возраст мал,
Но что прадед был героем,
Мне мой папа рассказал.*

*Бочки, петли, развороты,
Горка, колокол, вираж...
Он осваивал в полетах
Этот высший пилотаж.*

*Это прадеду вполне
Пригодилось на войне.
Он отважно бил фашистов –
Так рассказывали мне.*

*Я и сам читал рассказ,
Как мой прадед как-то раз
На любимом ИЛ-16
Сел в степи и друга спас.*

*Каждому, наверно, нужно
Знать, что рядом есть друзья.
И как важно слово «дружба»
Понимаю даже я!*

Нужно сказать, что Егор с таким чувством и выражением прочел это стихотворение, что ко мне подошли потом боевые летчики и признавались, что в тот момент у них к горлу подступили слезы.

Я от всей души хочу поблагодарить всех, кто пришел на это торжество, и особенно членов Межрегиональной общественной организации выпускников Харьковского (Чугуевского) авиационного училища летчиков им. дважды Героя Советского Союза С.И. Грицевца «Летное братство», которых я считаю близкими мне людьми, в справедливости чего я уже не раз убеждалась и думаю, так будет и впредь.

Лариса Сергеевна Архангельская (Грицевец)

ПЕРВЫЕ ДВАЖДЫ ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СУДЬБОЮ СТАЛО НЕБО...

КТО ПОГИБАЕТ В НЕБЕ ЗА РОДИНУ, ТОТ СТАНОВИТСЯ НЕБОМ НАД НЕЙ...

К 100-летию со дня рождения дважды Героя Советского Союза Г.П. Кравченко

В конце тридцатых годов прошлого столетия их знала вся страна, их любили, гордились ими, учились у них мужеству и боевому искусству. Это – первые дважды Герои Советского Союза: летчики-истребители Сергей Грицевец, Григорий Кравченко, их авиационные начальники – Я.В. Смушкевич и С.П. Денисов.

Герои – это особые люди, в критических ситуациях проявлявшие свои лучшие человеческие качества, силу духа, когда естественное чувство самосохранения уступало место самому высокому и благородному чувству – любви к Родине. Для таких людей долг перед Отечеством был превыше всего. Благодаря этому свойству души наш героический народ выстоял в самой кровопролитной войне и спас человечество от коричневой чумы – фашизма.

Статус Героя Советского Союза был учрежден в мирное время в 1934 г. Тогда появились семь первых Героев-летчиков, спасавших «челюскинцев». Затем стали Героями летчики-добровольцы, воевавшие в Испании во время гражданской войны против фашистов (1936–39 гг.), Китае (1938 г.) и Монголии (1939 г.) против японских агрессоров, помогая народам этих стран.

Наш мирный, свободолюбивый народ рождал много Героев, такова была его трудная многовековая история. Великая Отечественная война дала не только новых дважды Героев, но и первых трижды Героев Советского Союза – летчиков Александра Покрышкина и Ивана Кожедуба.

Страна наша до Революции была крестьянская, и летчиками, уже в советские годы, становились, в основном, сельские мальчишки, любознательные, смывленные и смелые.

Гриша Кравченко родился 10 октября 1912 г. в украинском с. Голубовка Новоомосковского района Днепропетровской области. В поисках лучшей жизни многодетная семья переселилась в 1914 г. перед Первой империалистической войной в Казахстан, а затем в Зауралье, в с. Звериноголовское Курганской области, на р. Тобол.

Его воспитание, формирование личности проходило под влиянием родителей, семьи, учителей, друзей и прекрасной природы Западной Сибири.

После окончания начальной школы в июне 1927 г. Григорий учился в Школе крестьянской молодежи, которая готовила работников сельского хозяйства. Любимыми его предметами были математика и агрономия. В июне 1930 г. он, выпускник ШКМ, поступил в Московский землеустроительный техникум. Из него вышел бы хороший агроном, но проучился он один год. Жизнь распорядилась иначе. В стране бурно развивалась авиация, и ей нужны были летчики. Комсомол обратился с призывом к молодежи: «Комсомолец – на самолет!». И Григорий откликнулся на этот призыв.

С мая 1931 г. по июнь 1932 г. Кравченко – курсант 1-й ВШП (Военной школы пилотов) близ Севастополя, получившей наименование Качинской. Здесь он нашел свое истинное призвание. Он просто влюбился в авиацию. Ему пригодилось привитое еще в школе стремление как можно лучше, в совершенстве изучать все тонкости своей будущей профессии. Не земля, а небо стало его судьбой. Как одного из лучших курсантов Григория после окончания 1-й ВШП оставили инструктором-летчиком учебной эскадрильи. Он смело ставил молодых летчиков «на крыло», но выпустил только одну группу курсантов. (Кстати, среди них были два будущих Героя Советского Союза – Виктор Рахов и Фёдор Шинкаренко.)

Г.Кравченко.
Судьбою стало небо...

Кравченко стремился как можно скорее стать летчиком-истребителем, летать на боевых самолетах. Он написал рапорт командованию о переводе в строевую часть. Просьбу не сразу, но удовлетворили, и он 21 июня 1933 г. получил направление в 403-ю истребительную авиабригаду, в Люберцы под Москвой на должность младшего летчика.

Очень верные слова: судьба человека – это, во многом, его характер. А характер у Григория был упорный, целеустремленный. Он в совершенстве освоил новую авиационную технику, первые советские самолеты-истребители И-3 (Н.Н. Поликарпова), И-4 (А.Н. Туполева), И-5 (Полликарпова) и Д.П. Григоровича) и пушечный истребитель Р-3ет (И-З Григоровича). Прошел должность летчика, командира звена.

На его способности обратил внимание выдающийся летчик-испытатель Сузи Томас Павлович, участник Гражданской войны, бывший командир 1-й Ленинградской истребительной эскадрильи, в которой в конце двадцатых годов служил ставший легендарным Валерий Чкалов. Командир-комиссар полковник Сузи формировал Отдельную истребительную авиаэскадрилью особого назначения при НИИ ВВС КА. В эту Эскадрилью в июле 1934 г. был переведен Кравченко на должность командира звена. Эскадрилья особого назначения дислоцировалась в Переславле-Залесском, под Москвой. В ней служили ставшие известными летчиками и командирами И.Д. Климов, К.А. Катичев, Н.И. Звонарев и др.

В период с июля 1934 по март 1938 г.

лись летчики, имевшие уже значительный боевой опыт во время войны в Китае.

В первом же воздушном бою 29 апреля Григорий сбил два японских бомбардировщика, а 26 мая за один вылет уничтожил три самолета противника. Он командовал звеном, отрядом, эскадрилей. 4 июля смелой атакой врезался в строй бомбардировщиков и сбил один из них, расстроив боевой порядок противника. Такой дерзкий прием был применен впервые. Затем в разгоревшемся бою с истребителями сопровождения он одержал еще одну победу. Всего Кравченко имел не менее семи личных побед и шести в группе. Не раз выручал товарищей в критических ситуациях боя. За подвиги в воздушных боях он был награжден орденом Красного Знамени.

26 сентября 1938 г. за особые заслуги в деле укрепления оборонной мощи Советского Союза командира отряда Эскадрильи особого назначения Кравченко было присвоено звание майор. В ноябре он был направлен на работу в НИИ ВВС, где снова занялся любимым делом – испытанием самолетов новых конструкций. 11 декабря 1938 г. командир отряда Авиабригады НИИ ВВС майор Кравченко был назначен летчиком-испытателем НИИ ВВС. Ему довелось работать под началом известного летчика-испытателя П.М. Стефановского.

Указом Президиума Верховного Совета от 22 февраля 1939 г. А.А. Губенко и Г.П. Кравченко в числе других отличившихся в Китае летчиков-добровольцев за мужество и героизм, проявленные в боях, было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина.

Работал он увлеченно, в качестве ведущего летчика провел государственные испытания истребителей И-16 тип 10 с крылом «М», И-16 тип 17, И-16ПС. Выполнял ряд испытательных работ на И-153 и ДИ-6. Но снова помешала война.

В мае 1939 г. милитаристская Япония напала на Монгольскую Народную Республику, с которой у Советского Союза был заключен Договор о взаимопомощи. Наша страна пришла на помощь своему соседу.

С 29 мая по 7 сентября Григорий Кравченко – во второй восточной спецкомандировке.

По инициативе помощника начальника ВВС КА Я.В. Смушкевича в район р. Халхин-Гол, где в первые дни боевых действий японцы одерживали победы в воздушных боях, были направлены 11 летчиков – Героев Советского Союза, в их числе и майор Кравченко. Его назначили инструктором в 22-й ИАП, понесший большие потери, а Сергея Грицевца, участника воздушных боев в Испании, ставшего вскоре его другом, – в 70-й ИАП.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих воспоминаниях писал: «Летчики – Герои Советского Союза провели у нас большую учебно-воспитательную работу и передали свой боевой опыт молодым летчикам, прибывшим на пополнение... Часто я вспоминаю с солдатской благодарностью замечательных летчиков: С.П. Грицевца, Г.П. Кравченко, В.М. Забалуева, С.П. Денисова, В.Г. Рахова и многих, многих других».

С 4 июня Григорий участвовал в боевых действиях. Ему уже были знакомы все хитрости и повадки японских летчиков. 22 июня в воздушном бою погиб командир 22-го ИАП майор Н.Г. Глазкин. Вскоре Кравченко был назначен на эту должность.

Молодой командир полка обладал высокими организаторскими способностями, кипучей энергией, глубокими знаниями и боевым опытом, который он использовал для обучения и воспитания летного состава.

под руководством Сузи летчики занимались разработкой тактики и приемов боевого использования истребителей Р-3ет и нового авиационного вооружения системы АПК-4 (автоматическая пушка конструктора Л.В. Курчевского). Это были безоткатные динамо-реактивные пушки.

С 20 ноября 1934 г. Григорий Кравченко уже старший летчик. С начала 1935 г. он испытывал АПК-4М с 76 мм снарядами, а летом и осенью участвовал в полигонных испытаниях в Крыму пушечных истребителей Р-3ет (вооружение – синхронный пулемет ПВ-1 и под крылом – две трехдюймовые АПК). В 1936–37 гг. он проводил испытания АПК-4бис на пушечных истребителях ИП-1 (Григоровича) и И-14 (Туполева), на которых устанавливались две пушки АПК калибра 37 мм и пулемет ПВ-1.

20 марта 1936 г. Кравченко было присвоено воинское звание лейтенант. В мае 1936 г. он был награжден орденом «Знак Почета» за общевоинские испытания самолета Р-3ет и выдающиеся личные успехи по овладению боевой авиационной техникой.

Приказом НКО от 19 февраля 1938 г. и.д. командира отряда Кравченко присвоено досрочно и вне очереди военное звание старший лейтенант.

Под руководством Сузи Григорий стал настоящим воздушным бойцом, готовым к бою. В период с 13 марта по 24 августа 1938 г. он в качестве летчика-добровольца участвовал в воздушных боях в Китае. Именно двух друзей, Антона Губенко и Григория Кравченко, часто звучали после победных схваток с японскими асами. Асами счита-

Ему помогал и опыт летчика-испытателя. В боевых условиях Кравченко и его товарищ по НИИ ВВС А.С. Николаев провели испытания модернизированных И-16 пушечных, прибывших в район р. Халхин-Гол. Кравченко был образцом летного мастерства и мужества в воздушных боях, а личный пример командира был необходим, особенно в истребительной авиации. Он умело руководил полком. Только за один день 27 июня летчики полка уничтожили в небе и на земле 18 японских самолетов.

В 22-й авиаполк была включена особая группа из пяти человек, которой командовал Н.И. Звонарев. Здесь впервые в мире было испытано ракетное вооружение класса «воздух-воздух» на истребителях И-16, установки с 82-мм реактивными снарядами. Кравченко принимал активное участие в организации и обеспечении практического применения нового авиационного оружия, которое сразу же дало хорошие результаты.

Воздушные бои были очень напряженными, иногда массированными, когда одновременно участвовало более 200 самолетов с той и другой стороны.

22-й ИАП японцы считали «полком асов». Всего в ходе боев летчики полка под руководством Кравченко сбили 255 японских самолетов в воздухе и 40 — на земле. Кроме того, было уничтожено много техники и живой силы противника. 11 летчиков полка были удостоены звания Героя Советского Союза. 22-й ИАП был награжден орденом Красного Знамени. Военные корреспонденты называли командира полка — «орлу подобный», «герой героев». Он имел не менее 7 личных побед (с учетом свидетельства очевидцев — 11, по некоторым источникам — не менее 10 побед) и не менее 4 — в группе. 10 августа маршал Чойбалсан вручил Кравченко монгольский орден Боевого Красного Знамени.

За личные победы и умелое руководство авиаполком Указом Президиума Верховного Совета от 29 августа 1939 г. Г.П. Кравченко вторично было присвоено звание Героя Советского Союза (одним Указом с С.И. Грицевцом, командиром эскадрильи 70-го ИАП).

До победы над японскими агрессорами оставалось совсем немного дней (до 15 сентября), но первую группу Героев Советского Союза срочно вызвали в Москву. Уже шла Вторая мировая война. 7 сентября Кравченко попросился со своим полком.

В Москве он получил назначение на должность советника командира авиадивизии, направлявшейся в Западную Украину, а Грицевец — на такую же должность в Западную Белоруссию. Но перед самой отправкой по назначению выдающийся летчик и прекрасной души человек Сергей Иванович Грицевец трагически погиб.

Освободительный поход Красной Армии продолжался с 16 сентября по 2 октября 1939 г. Немецкая армия, захватив Польшу, двигалась по украинской и белорусской земле, но вынуждена была остановиться. Красная Армия освободила западные области, захваченные Польшей во время Гражданской войны, воссоединила народы Украины и Белоруссии. Авиация использовалась только для связи и распространения листовок с разъяснением населению происходящих событий.

После возвращения в Москву Кравченко был назначен начальником отдела истребительной авиации 1 Управления (боевой подготовки) Главного Управления ВВС КА.

4 ноября 1939 г. впервые в стране вручались Героям Советского Союза медали «Золотая Звезда» как знак особого отличия. Председатель Президиума Верховного Совета М.И. Калинин вручил Кравченко две медали «Золотая Звезда»: первую № 120 и вторую № 1.

7 ноября дважды Герой Советского Союза Г.П. Кравченко и Герой Советского Союза И.А. Лакеев во время парада возглавляли две традиционные «красные пятёрки» истребителей. Летчики, участники боев в районе р. Халхин-Гол, несмотря на пасмурную погоду, продемонстрировали высший групповой пилотаж над Красной площадью.

1927 г.
Сергей Грицевец — выпускник семилетней школы поселка Шумиха Курганской области.

Май 1925 года. Гриша Кравченко — ученик 2-го класса начальной сельской школы. Село Звериноголовское, Курганской области.

Представилась возможность отдохнуть, и Григорий с родителями уехал в санаторий в Сочи. Но отпуск был прерван — 30 ноября началась советско-финляндская война. Полковник Кравченко вместе с группой летчиков вылетел в Москву.

Он командовал Особой авиабригадой (авиагруппой), вначале из трех, затем из шести полков, бомбардировочных и истребительных. Особая авиагруппа базировалась в буржуазной Эстонии, с которой у Советского Союза был договор о размещении военных баз, подчинялась непосредственно Центру, Ставке Главного Военного Совета.

В труднейших условиях зимы и весны 1939—1940 гг. полковник Кравченко выполнял задачи, поставленные руководством страны: воспрепятствовать перевозке военных грузов, получаемых противником от капиталистических государств, к театру военных действий на Карельском перешейке. Авиагруппа действовала только по стратегическим объектам, по железнодорожным узлам и перевалам и морским портам, куда доставлялись военные грузы.

19 января 1940 г. за умелое командование ОАБ Кравченко был награжден вторым орденом Красного Знамени. 1 февраля ему присвоено звание комбрига.

13 марта был заключен мирный договор с Финляндией. Граница Советского Союза была отодвинута на север, обеспечена безопасность Ленинграда.

В своем Отчете о боевых действиях Особой авиагруппы Кравченко представил детальный разбор недостатков, выявленных в ходе войны, и внес конкретные предложения по укреплению советской авиации: необходимы пикирующие бомбардировщики, пушечные истребители, более точные прицелы на самолетах, разветвленная сеть аэродромов и т.д.

Семья Кравченко. Слева направо: Федор-младший, Григорий, Мария Михайловна, Пантелей Никитович, Иван-старший. Стоят: Анна, Иван-младший, Ольга, Федор-старший. Москва. Июнь 1940 г.

11 апреля 1940 г. комбригу Кравченко было присвоено звание командив. 29 апреля он утвержден в занимаемой должности — начальника отдела истребительной авиации летно-технической инспекции 1 управления ГУ ВВС КА.

5 июня в связи с введением генеральских званий командиву Кравченко присвоено звание генерал-лейтенант авиации.

ОАГ Кравченко оставалась в Эстонии. Он руководил строительством авиабаз. А когда Прибалтийские Республики летом 1940 г. по волеизъявлению народов присоединились к Советскому Союзу, был образован Прибалтийский военный округ.

19 июля Кравченко был назначен командующим ВВС Прибалтийского Особого военного округа и прибыл в Ригу.

В Европе полыхала мировая война. Кравченко понимал, что ему необходимо получить высшее военное образование, подкрепить более глубокими теоретическими знаниями свой богатый боевой опыт. Он написал рапорт о желании учиться, и 23 ноября 1940 г. его зачислили на Курсы усовершенствования начальствующего состава при академии Генштаба. КУНС он успешно окончил, и 10 мая 1941 г. был зачислен слушателем академии.

Но учиться не пришлось. Фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Кравченко рано утром 22 июня был вызван в Генштаб и направлен в Минск в распоряжение командующего ВВС Белорусского военного округа, который развернулся в Западный фронт.

26 июня он был назначен командиром 11-й смешанной авиадивизии, которая в первые два дня массированных бомбардировок аэродромов на западной границе была фактически разгромлена. Пришлось заново формировать авиадивизию в боевой обстановке.

Командование поставило перед авиацией Западного фронта основную задачу: уничтожить танковые и мотомеханизированные войска группы армий «Центр», прорвавшиеся через нашу оборону и устремившиеся к Москве.

С 1-го июля в авиадивизию Кравченко поступили первые полки: 4-й штурмовой на Ил-2 майора С.Г. Гетьмана и 184-й истребительный на И-16 майора В.Ф. Сапрыкина. Потом прибывали и другие полки. Из-за недостатка самолетов они не имели полного состава, положенного по штату.

11 САД участвовала в задержке фашистских войск на р. Березине, у Бобруйска, защищала Могилев. Поддерживала с воздуха наши войска в Гомельской оборонительной операции, взаимодействовала с ВВС 21-й армии. 10 июля авиадивизия Кравченко вошла в оперативное подчинение командующего ВВС 13-й армии Западного фронта генерал-майора авиации Емельянова. Летчики авиадивизии сдерживали врага на реках Днепр и Сож. 24 июля 11 САД вошла в состав нового Центрального фронта (13 и 21-я армии).

Были большие потери от сильной зенитной артиллерии и танковых орудий врага. Штурмовики Ил-2 и легкие пикирующие бомбардировщики Пе-2, самолеты новой конструкции, осваивались летчиками уже в условиях боевых действий. Недостаток самолетов возмещался большой напряженностью работы авиаторов. В день летчики вылетали на выполнение боевых заданий по 5—6 и более раз, сменяя друг друга.

Июльские победы летчиков и техников авиадивизии Кравченко были большим вкладом в общевойсковые усилия Западного и Центрального фронтов по задержке рвавшегося в глубь страны врага. Об эффективности этих действий с начала войны до 18 августа 1941 г. говорят такие цифры: дивизией уничтожено 289 немецких танков, 225 автомашин с военными грузами, много другой военной техники и живой силы врага.

Руководить смешанными авиадивизиями было нелегко. Враг быстро продвигался по нашей земле, приходилось часто менять аэродромы базирования. Отсутствовал транспорт, транспортные самолеты, дороги были забиты беженцами и отступающими войсками. Иногда на следующий же день после перебазирования фашистские танки врываются в район аэродрома.

18 августа был создан Брянский фронт (50, 3, 13-я армии) для прикрытия московского направления с юга. Полоса действия фронта достигала в ширину 230 км. Авиадивизия Кравченко вошла в состав этого фронта, действовала против рославльской группировки врага, с 1 сентября с аэродрома Локоть (Брянской области) — в новгород-северском направлении.

К осени 1941 г. немецко-фашистские войска оккупировали Прибалтику, Белоруссию, большую часть Украины и вышли на дальние подступы к Москве.

Наступление на западном (московском) направлении Гитлер считал решающим, «генеральным». Здесь противник сосредоточил основные силы.

30 сентября после прорыва обороны наших войск началось октябрьское «генеральное» наступление немцев на Москву под названием «Тайфун», в котором участвовали 74 немецкие дивизии, большинство — танковые.

Авиадивизия генерала Кравченко участвовала в Брянско-Орловской оборонительной операции, на тульской направлении уничтожала танковые и мотомеханизированные колонны 2-й танковой армии под командованием генерал-полковника танковых войск Г. Гудериана, прикрывала наши отступающие войска.

В октябре летчиками 11-й САД было уничтожено 56 танков, 311 автомашин с пехотой и военными грузами, много другой техники противника, сбито в воздушных боях 5 самолетов.

30 октября войска 2-й ТА вышли в район Тулы (ближние подступы к Москве).

Июль 1932 год. Летчики-инструкторы Качинской 1-й ВШП. Сидят (слева-направо): Виктор Литвинов, неизвестный, Г.П. Кравченко. Стоят—Владимир Сайкин и Родион Брук.

В ходе тяжелых боев в начале ноября наступление немцев было приостановлено на рубеже Калинин, Волоколамск, Наро-Фоминск, Алексин, Тула, Богородицк, Ливны.

Представитель Ставки командующий ВВС КА генерал-полковник авиации П.Ф. Жигарев поставил задачу трем резервным авиагруппам (генералов И.Ф. Петрова, Г.П. Кравченко и полковника М.В. Щербаква) оказать поддержку оборонявшимся на московском направлении войскам. Авиагруппа Кравченко предназначалась для отражения ударов 2-й ТА.

Тулу обороняла 50-я армия, в оперативном подчинении которой теперь была 11-я САД. (Командующий армией генерал-майор А.Н. Ермаков; командующий ВВС армии генерал-майор Емельянов). Части 50-й армии защищали город с запада, а также держали жесткую оборону в 20–30 км юго-восточнее Тулы, в районах Болохово, Деделово, Тёплое. Стрелковые части контрударами уничтожали разведгруппы противника при содействии авиации над полем боя. Летчики вели воздушные бои с превосходящими силами немецкой авиации, штурмовали подходящие по шоссе Чернь-Тула резервы врага: танки, мотопехоту и автотранспорт. Уничтожали группировки войск противника в ближайших от Тулы районах: Косая Гора (8 км), Ясная Поляна (16 км), Щёкино (25 км), Плавск (50 км), Панино.

11 ноября решением Ставки был упразднен Брянский фронт. Его 50-ю армию подчинили Западному фронту, а 3-ю и 13-ю — Юго-Западному фронту, прикрывавшему направление Елец-Мичуринск, с целью помешать обходу Москвы с юга.

15–16 ноября немецкие войска начали ноябрьское «генеральное» наступление на Москву под тем же названием «Тайфун», в котором вначале принимала участие 51 дивизия.

Севернее Москвы на правом крыле Западного фронта две немецкие танковые группы оказались в 27 км от столи-

цы. Южнее Москвы упорные бои шли на подступах Тулы.

С 15 ноября авиагруппа Кравченко была передана в оперативное подчинение 3-й армии генерал-майора Я.Г. Крейзера, но продолжала действовать и в интересах 50-й армии.

3-я армия оборонялась на рубеже станция Узловая (40 км ю-в Тулы), Никитское, Богородицк, Волово и далее на юг, западнее Ефремова, протяженностью 100 км.

Авиагруппа (11 САД, ВВС 3-й армии) прикрывала наши войска, защищавшие Москву, действуя против войск 2-й ТА на правом крыле Юго-Западного и левом крыле Западного фронтов. Летчики уничтожали танки и мотопехоту в районе Титово, Павшино (с юго-востока Тулы), действовали в районе Косой Горы и в районах Дубна, Крапивна (западнее и ю-з Тулы).

Попытки немцев с конца октября до середины ноября овладеть Тулой лобовым ударом увенчались провалом. Месяц и 17 дней сражалась Тула и не сдавалась врагу. В этом была и заслуга авиаторов Кравченко. Теперь немецкое командование решило обойти Тулу с востока.

18 ноября основные силы 2-й ТА атаковали войска левого фланга 50-й армии и возобновили атаки юго-восточнее Тулы. Нашим наземным войскам остановить превосходящие силы врага не удалось. 24 ноября 17 ТА повернула в обход Венёва с востока, в направлении на Каширу, заняла несколько пунктов южнее. Тула оказалась охваченной с запада, юга и востока. Создалось критическое положение. Но уже 27 ноября группа генерал-майора П.А. Белова перешла в наступление, и 29 ноября немцы были выбиты из Пятницы (10 км южнее Каширы).

В эти дни создалась угрожающая обстановка и на рязанском направлении.

24–25 ноября продвижение танковых и моторизованных групп немцев в сторону Серебряных Прудов, Михайлова создало угрозу районам Зарайска, Рязани и основным коммуникациям, связывающим Москву

с центральными и восточными районами страны. На протяжении 130 км, от Зарайска до Скопина и далее к Ефремову, не было наших наземных войск.

Рязский узел прикрывала только авиагруппа Кравченко (11-я САД). Перед ней стояла задача: не допустить захвата немцами Рязска до подхода резервных армий. В это время (в конце ноября — начале декабря 1941 г.) в районе Рязани, Рязска и Мичуринска шло сосредоточение двух резервных армий Ставки (10-й и 61-й).

25 ноября немецкая 10-я МД (47-го ТК, 2-й ТА) заняла город Михайлов и подошла к Скопину. Возникла угроза захвата противником ж/д. узла Рязска через Скопин (по шоссе 43 км). Но уже 26 ноября из Скопина был выбит прорвавшийся 5-й мотополк (10-й МД) силами авиаторов Кравченко, моряков 84-й Отдельной стрелковой морской бригады под командованием полковника В.А. Молева и скопинского истребительного отряда. 27 ноября была отбита повторная попытка вторжения в город Скопин.

Пятидневной штурмовкой с 25 по 30 ноября летчики авиагруппы Кравченко полностью разгромили и деморализовали 10-ю МД, которая двигалась из района Волово, Павелец, Горлово в сторону Скопина. На скопивно-рязском направлении было уничтожено до 2-х пехотных дивизий, за что летчики и руководство авиагруппы получили благодарность от Военного Совета Юго-Западного фронта. Противник прекратил наступление на рязанском направлении.

Итак, в ноябре 1941 г. летчики авиагруппы Кравченко действовали с аэродромов Сталиногорск, Горлово, Хоботово, Лебедянь, Рязск, Митягино по немецким войскам и их коммуникациям в 23-х пунктах в районах Тулы и Рязани.

Уничтожено: 64 танка, 1242 автомашины с пехотой и военным грузом, 189 мотоциклистов, 3 артбатареи, 14 зенитных точек, 5 цистерн с горючим, 80 всадников, 3165 живой силы и т.д.

Свои потери — 15 самолетов.

Все попытки захватить Тулу и обойти Москву с востока противнику не удалось. В первых числах декабря он предпринял еще одну попытку охватить Тулу с севера.

2 декабря начал наступление 24-й ТК. В течение 3–7 декабря две созданные оперативные группы генералов И.Г. Захаркина (49-я А.) и В.С. Попова (50-я А.) овладели станциями Ревякино (20 км), Лагтево (28 км) и другими населенными пунктами севернее города.

Им эффективно помогала авиация. Авиагруппа Кравченко действовала в районах Тулы: Венёв, Ревякино, Лагтево, Епифань (70 км южнее), а также восточнее, в районе Михайлов, Горлово, Павелец. Штурмовые авиаполки, базировались на передовых площадках близ линии фронта. Они уничтожали огневые средства противника, задерживающие наступление наших войск, по заданию командиров стрелковых дивизий.

Враг (2-я ТА и 2-я А.) был остановлен на ближних подступах к Москве. Он закрепился на восточном берегу Красивой Мечи и подтягивал войска в направлении Епифани, Сталиногорска.

Создались выгодные условия для контрнаступления. Историческое контрнаступление под Москвой, начавшееся 5–6 декабря 1941 г., велось на широком фронте от Калинин до Ельца.

Войска левого крыла Западного фронта (10-я, 50-я, 49-я армии, группа П.А. Белова) участвовали в тульской наступательной операции, действовали против 2-й ТА. Танковые соединения генерала Гудериана были разбросаны на широком фронте: северная окраина Тулы, Мордвес, Серебряные Пруды, Михайлов, севернее Скопина.

При контрнаступлении большая роль отводилась ВВС, была определена их главная задача — поддержка и прикрытие наступающих наземных войск. Авиагруппа Кравченко участвовала в Тульской, Елецкой и Орловской наступательных операциях. В авиагруппе, как и прежде, было организо-

вано четкое взаимодействие с сухопутными войсками. На КП командующих общевойсковых армий высланы представители штаба авиагруппы для разработки и согласования таблиц и сигналов по взаимодействию, а также для взаимной информации о наземной и воздушной обстановке.

7 декабря войсками 10-й А. был освобожден Михайлов, 11 декабря — Сталиногорск, 13 декабря — Епифань, 15 декабря — Богородицк, 2 ТА охватывалась с юго-запада Тулы.

8 декабря 50-я армия перешла в наступление южнее Тулы, чтобы отрезать пути отхода танкам. Часть сил 50-й А. действовала в юго-восточном направлении.

15 декабря части 50-й армии освободили Ясную Поляну. Фашисты разграбили и осквернили Дом-музей Л.Н. Толстого, а при отступлении пытались его сжечь. В ночь на 16 декабря немцы были выбиты со станции Щёкино.

Утром 14 декабря 49-я армия генерал-лейтенанта И.Г. Захаркина перешла в наступление после того, как был ликвидирован прорыв противника на шоссе Тула-Серпухов. В этот день при содействии авиагруппы Кравченко части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова овладели станцией Узловая, а на следующий день освободили Деделово.

Август 1939 г. Герой Советского Союза Г.П. Кравченко — командир 22-го истребительного авиационного полка.

Авиагруппа Кравченко в составе четырех полков (47 исправных самолетов) с аэродромов Рязск, Лебедянь, Хоботово поддерживала с воздуха наши наступающие войска, вступая в воздушные бои с немецкой авиацией. Она действовала в 14-ти районах, как южнее и восточнее Тулы, так и на рязанском и елецком направлениях.

Войска левого крыла Западного фронта при активной поддержке авиации нанесли поражение 2-й ТА и части сил 4-й армии немцев и вышли на рубеж Алексин, Дубна, Щёкино, Ломовка. К 17 декабря враг был отброшен от Москвы на 130 км. Тульская наступательная операция была завершена, и устранена непосредственная угроза Москве с юга.

6 декабря началась Елецкая наступательная операция. Войска правого крыла Юго-Западного фронта под командованием Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (3, 13-я армии, оперативная группа войск генерала Ф.Я. Костенко) перешли в наступление в направлении Ельца. Авиагруппа Кравченко действовала в районе Ельца, участвовала в Ливенско-Елецкой и Ефремовской операциях.

7 декабря главный удар в направлении на Ливны (пункты Навесное, Никитское) наносила оперативная группа генерала Костенко, а вспомогательный — ударная группа 13-й армии в обход Ельца с северо-запада. Гитлеровцы начали успешно отступать.

8 декабря части 3-й армии атаковали врага в направлении на Ефремов. Совместно с частями 13-й армии была уничтожена елецко-ефремовская группировка врага.

Герой Советского Союза Г.П. Кравченко среди студентов-пилотов, окончивших Аэроклуб без отрыва от учебы. Энгельс, 20-й 1939 г.

9 декабря в результате ожесточенных боев при содействии авиации были освобождены города Елец и Казаки, выбит враг из крупного населенного пункта Волово (25 км с-з Касторного).

13-14 декабря частями 3-й армии были освобождены город Ефремов и село Михайловское. Войска армии повернули во фланг 2-й ТА. Немцы перебросили сюда 17-ю МД от Тулы.

Успеху операции способствовали активные действия бомбардировщиков и штурмовиков авиагруппы Кравченко по переднему краю противника на поле боя. Летчики уничтожали его огневые средства обороны, главным образом, артиллерию и минометы на огневых позициях. Наносили удары по отступавшим войскам, а также по его ближним тылам, не допуская подхода резервов. Истребители совершали боевые вылеты с аэродромов подскока, находившихся в непосредственной близости от линии фронта, при неблагоприятных метеословиях, затруднявших подвоз на эти аэродромы горючего, боеприпасов и других грузов.

15 декабря авиагруппа Кравченко перебазировалась из Рязька в Мичуринск, затем — на аэродром города Лебедянь (70 км восточнее Ефремова).

16 декабря 1941 г. Елецкая наступательная операция закончилась. 2-я танковая армия генерала Гудериана потерпела тяжелое поражение. Она потеряла 16 тыс. солдат и офицеров, 150 орудий и много другой техники. Из кольца окружения удалось выбраться лишь отдельным вражеским группам. Были освобождены города Михайлов, Сталиногорск, Богородицк, Елифань, Ефремов, Елец, Ливны и другие, 400 населенных пунктов.

За одиннадцать дней непрерывных наступательных боев войска правого крыла Юго-Западного фронта продвинулись на 80–100 км, вышли на рубеж — западнее реки Любовша, Павловка, Волово, Ливны, Вышне-Ольшаное, создав угрозу тылу 2-й ТА и подучив возможность наступать на Орёл. Началась подготовка к проведению Орловской наступательной операции.

На севере от Москвы 16 декабря войска левого крыла Калининского фронта и правого крыла Западного фронта овладели рубежом — Калинин, Клин, Солнечногорск, Истринское водохранилище, р. Истра.

С 17 декабря 1941 г. начался второй этап контрнаступления под Москвой, который длился до 7 января 1942 г.

При Калужской операции армии левого крыла Западного фронта продолжали развивать наступление. При поддержке авиации войска 49-й А. форсировали Оку севернее и южнее Тарусы и 19 декабря освободили её. В этот же день была освобождена Калуга.

На орловском направлении вели наступление армии правого крыла Юго-Западного фронта с задачей охватить немецкую 2-ю армию и часть войск 2-й ТА с юга. Перед ними, упорно сопротивляясь, отходили главные силы противника.

16 декабря в район Ефремова из района Рязьск, Мичуринск, Раненбург была выдвинута 61-я армия генерал-полковника Ф.И. Кузнецова (командующий ВВС армии — генерал-майор авиации С.И. Руденко), приданная Юго-Западному фронту.

Авиация содействовала, главным образом, группе генерала Ф.Я. Костенко, наступавшей в направлении Мценска, и войскам резервной 61-й армии.

Итак, с 1-го по 19 декабря авиагруппа Кравченко в составе Юго-Западного фронта действовала с аэродромов Рязьск, Мичуринск, Лебедянь по 22 пунктам.

Уничтожено:

13 танков, 1123 автомашины с пехотой и военным грузом, много другой военной техники и живой силы противника.

Наши потери — 4 самолета.

18 декабря 1941 г. для более четкого оперативного управления войсками орловского направления решением Ставки был создан Брянский фронт (3, 13, 61-я армии). Командующим фронтом назначен генерал-полковник Я.Т. Черевиченко; командую-

15 августа 1939 года. Первые дважды Герои Советского Союза — С.И. Грицевец и Г.П. Кравченко с командующим Монгольской Народной Армии маршалом Х. Чойбалсаном

щим ВВС Брянского фронта — генерал-майор авиации П.Ф. Полюнин.

Брянскому фронту надлежало во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта к 5 января 1942 г. овладеть районами Орла и Курска. Но наступательные возможности этих войск уменьшились из-за больших потерь, и они не смогли выйти на заданные рубежи.

В пяти полках авиагруппы Кравченко (11 САД, ВВС 3 А.) было в наличии 52 исправных самолета. Ф.П. Полюнин в своей книге «Боевые маршруты» писал: «Самым тревожным участком на Брянском фронте был левый фланг. Там фашисты сосредоточили большие силы, все время угрожая нам прорывом. На этом фланге дислоцировалась 11-я авиационная дивизия в составе пяти полков. Ею командовал дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Г.П. Кравченко».

Г.П. Кравченко, имевший за плечами богатый боевой опыт, умело распорядился своими силами. Он рассредоточил части так, что немцы, сколько ни старались, не смогли обнаружить их. На долю этой дивизии выпала нелегкая задача. Экипажи ее ни днем, ни ночью не знали покоя. Приходилось, и отражать налеты врага, и наносить удары по его танкам и пехоте. Дивизию Кравченко мы ставили в пример другим.

Григорий Пантелеевич нередко сам водил в бой большие группы самолетов. Приходилось сдерживать смельчака: «Не рискуйте без надобности, — все время внушали мы Кравченко».

20 декабря резервная 61-я армия генерал-лейтенанта М.М. Попова (с 18 декабря), сосредоточившись в районах городов Богородицк и Ефремов, вышла к Александровке, овладела крупным опорным пунктом и ж/д станцией Горбачёво, перерезала железную дорогу Тула—Орёл. 24 декабря армия перешла в наступление в общем направлении на Болхов. Противник, сжигая населенные пункты, отходил на запад и юго-запад, оказывая упорное сопротивление.

Авиагруппа Кравченко содействовала нашим войскам, проводила ежедневную

разведку с попутной штурмовкой в районах действия 61-й армии. Кравченко ставил полкам основные задачи при боевых вылетах: препятствовать подходу резервов к оборонительному рубежу противника по железной дороге со стороны Брянска и Курска и по грунтовым дорогам с запада; вести разведку боевых порядков своих войск. Командир требовал от летчиков особое внимание обращать на средства связи противника, уничтожая их, и на маскировку его войск в населенных пунктах.

25 декабря штаб и полки авиагруппы переместились из Лебедяни в Ефремов. 31 декабря два экипажа Р-3ет по приказу Кравченко произвели бомбардировку аэродрома в Орле.

Противник в конце декабря 1941 г. перешел к обороне. Гитлеровское командование рассчитывало зимой удержать, укрепить занятые рубежи и подготовить резервы для нового весеннего наступления на Москву в 1942 г.

В январе 1942 г. войска Брянского фронта продолжали вести боевые действия на орловском направлении. Авиация выполняла задачи по срыву переброски резервов противника и техники на московское направление, по уничтожению его оборонительных рубежей-плацдармов.

Командующим ВВС фронта был генерал-майор авиации С.А. Красовский (с первых чисел января), его заместителем — генерал-майор авиации Ф.П. Полюнин.

Командующий ВВС 3-й армии генерал-лейтенант авиации Кравченко с 3 января находился на аэродроме Пруды (12 км от линии фронта).

В составе ВВС армии было пять полков: один штурмовой, два истребительных, два бомбардировочных (36 исправных боевых самолетов). Летчики в сложных метеословиях систематически вели разведку переднего края обороны противника с аэродрома Пруды.

Январь 1942 г. выдался очень холодным. Сильные снегопады создавали большие трудности аэродромному хозяйству.

Август 1939 г. С.И. Грицевец, И.А. Прачик, Г.П. Кравченко, П.Т. Коробков, Б.А. Смирнов.

Наземные части 3-й армии несли большие потери, но прорвать оборону врага и выйти на рубеж Олтуха-Ока не могли.

На подступах к Мценску войска 61-й армии вели ожесточенные бои. Части ВВС 3-й армии атаковали войска противника в Мценске и западнее города; не допускали подхода резервов по шоссе Орёл-Мценск, Орёл-Болхов. Во взаимодействии с наземными частями уничтожали узлы сопротивления противника, ночными действиями изматывали его.

Войска Калининского фронта в районе Ржева и Брянского фронта на рубеже — р. Ока, южнее Белёва, р. Зуша приостановили наступление.

К 7 января 1942 г. наши войска охватили с юга группу армий «Центр».

В результате победы наших войск при контрнаступлении создались условия для перехода в общее стратегическое наступление в Московской битве (7 января — 20 апреля 1942 г.).

Необходимо было ликвидировать плацдарм, занятый врагом для нового весеннего наступления на Москву. Главный удар наносили войска Калининского и Западного фронтов. Войскам Северо-Западного фронта предстояло осуществить более глубокий охват противника с севера, а Брянский фронт должен был активными действиями сковать его с юга.

С 13 января 3-я армия перешла к жесткой обороне на достигнутых рубежах. Части ВВС армии вели разведку подходящих резервов противника со стороны Орла; подавляли артиллерийские и минометные батареи врага на северо-восточной и восточной окраине Мценска и в районе Евтехов, Ивань, Б. Малиновец, Козарь; выполняли задачи по заявкам наземных частей в ходе боя. Теперь они участвовали не только в авиационной подготовке атак пехоты и танков, но и активно взаимодействовали с наземными войсками при прорыве обороны противника на всю глубину операции, обеспечивая непрерывное воздушное прикрытие. В Мценске, по приказу Кравченко, была уничтожена стоянка Ме-109.

15 января 1942 г. истребительный авиационный полк принимал участие в отражении крупной атаки противника в направлении Хабарово, которая со стороны противника была поддержана 13-ю танками. Командующий 3-й армии генерал-лейтенант П.И. Батов вынес благодарность личному составу 184-го ИАП, участвовавшему в отражении контратаки противника.

Маршал авиации Степан Акимович Красовский вспоминал в своей книге: «Во время январских боев на подступах к Мценску основная тяжесть борьбы в воздухе легла на авиачасти 3-й армии, которыми командовал дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Г.П. Кравченко. Еще в довоенные годы молва о подвигах Григория Пантелеевича на Халхин-Голе широко разнеслась по стране. Однако, несмотря на высокое воинское звание и большие заслуги, он держал себя скромно, всегда проявлял вежливость и присущий ему такт. Это был способный командир, смелый воздушный боец. Он не раз лично участвовал в воздушных боях, выполняя самые трудные задания. Ни высокое положение, ни почести не умерили в нем духа солдата».

В 3-й армии хорошо была поставлена авиаразведка. Разведывательные полеты могли вести все летчики в любое время дня и ночи, в любую погоду. Из воспоминаний С.А. Красовского: «Идет ли экипаж на бомбометание, патрулирует ли в воздухе, он обязательно наблюдает за землей. Именно экипажи Кравченко первыми сообщили о подводе противником в район Курска цистерны с горючим, боеприпасов».

17 января противник сильными арьергардами перешел к обороне на всем фронте по рекам Зуша и Тим и начал отводить болховскую и орловскую группировки на запад.

Итак, в январе 1942 г. авиагруппа (ВВС 3-й армии) действовала на орловском направлении с основных аэродромов Лебедянь, Бабарькино, Георгиевское, Архангельское, Паньково, Пруды по пунктам Тёплое, Горбачёво, Выползово, Чернь, Бастыево и др.

Москва, июнь 1939 г. Курсы усовершенствования высшего командного и начальствующего состава при Академии Генштаба. На фото (слева направо): Г.П. Кравченко, неизвестный, А.В. Куркин. Второй справа — П.П. Полубояров

В декабре 1941 г. — январе 1942 г. враг был изгнан за пределы Московской области.

Об эффективности боевой работы авиасоединений под командованием Кравченко говорит общий итог за семь месяцев боевой деятельности с 26 июня 1941 г. по январь 1942 г.

Уничтожено: 902 танка, 3627 автомашин с пехотой и военными грузами, 11 спецмашин, 16 бронемашин, 46 автобусов, 9 тракторов-тягачей, 40 железнодорожных вагонов, 1138 конных повозок с военными грузами и пехотой, 555 всадников, 241 мотоциклист, 16 040 пехотинцев, 261 дом, занятый противником, 9 складов с боеприпасами, 25 цистерн с горючим, 14 минометов, 53 точки зенитных пулеметов, 65 зенитных орудий, 21 артиллерийская батарея, 10 переправ, 101 самолет (в воздухе и на аэродромах).

Совершено 5554 самолётов вылета.

Наши потери — 148 самолетов, из них 119 — боевые.

В период 21 января—21 февраля 1942 г. части ВВС 3-й армии во взаимодействии с ее ударной группой действовали в основном по переднему краю и глубине обороны противника с целью подавления узлов сопротивления, главным образом, его артиллерии и минометов на огневых позициях: с 5 по 11 февраля в районе Шашкино-Сомово; с 16 по 21 февраля в районе Кривцово-Городище.

11 февраля командующим 3-й армией был назначен генерал-майор Ф.Ф. Жмаченко.

ВВС 3 армии располагали 38-ю исправными самолетами. Боевые действия вели с аэроузла Чернь-Студенец и аэродрома Архангельское. Днем и ночью уничтожались тактические резервы противника. В результате четкого взаимодействия авиации с наземными войсками и мощных ударов с воздуха в первый же день операции оборонительная линия противника была прорвана. Летный состав получил благодарность от Военного Совета 3-й армии.

В период с 21 февраля до 21 марта по-прежнему Кравченко уделял особое внимание тесному взаимодействию авиации с наземными войсками 3-й и 61-й армий.

Части ВВС обеспечивали проведение операции 3-й армии по прорыву обороны противника в районе Бутырки—Чегодаево; воздействовали по узлам сопротивления. В этих пунктах и вокруг них были оборудованы ДЗОТы, густая сеть проволочных заграждений, окопов с огневыми точками. Авиация массированными ударами уничтожала огневые точки и контратакующие части противника. За смелые активные действия авиации Военный Совет 3-й армии и командиры наземных дивизий дважды объявляли благодарность летному составу.

Всего за период с 21 января по 21 марта 1942 г. совершено 1359 боевых самолетов вылетов.

Войска Брянского фронта, продолжая наступление, медленно продвигались на запад на брянском и орловском направлениях.

В середине марта 1942 г. Кравченко был назначен командующим Ударной авиационной группой № 8 Ставки ВГК. ВВС общевойсковых

армий упразднялись, создавались более крупные авиасоединения. В мае было принято решение о создании воздушных армий, состоящих из однородных дивизий, что позволяло применять авиацию массированно, централизовать управление, оперативнее решать боевые задачи.

12 мая УАГ № 8 вошла в состав 2-й

Шлиссельбургско-синявинский выступ был всесторонне подготовлен немцами в инженерном отношении и представлял собой полевой укрепленный район с опорными пунктами и узлами сопротивления. Наиболее сильно была укреплена полоса, проходившая по линии Синявино, Рабочий поселок № 1.

28 февраля 1943 г. Семья Кравченко при прощании с Г.П. Кравченко. В центре: П.Н. Кравченко и М.М. Кравченко, справа — Ольга, слева — Мария (жена старшего брата Ивана). Стоят: И. Бабинцев (муж Анны), Федор — младший, Федор — старший, Иван — младший, Иван — старший.

ВА генерал-майора авиации С.А. Красовского и участвовала в боевых действиях Брянского фронта.

20 мая Кравченко был направлен в распоряжение командующего ВВС КА. Генерал-лейтенант А.А. Новиков поручил ему сформировать истребительную авиационную дивизию на новейших истребителях. Он приступил к работе в Дубровицах, близ Подольска.

23 июля Кравченко был назначен командиром 215-й ИАД. Формирование дивизии продолжалось. В ее состав вошли три полка: 2-й гвардейский, 263-й и 522-й ИАП. Все летчики были переучены на новые истребители Ла-5.

20 октября авиационная дивизию Кравченко вошла в состав 2-го ИАК РВГК генерал-майора авиации А.С. Благовещенского и ушла на Калининский фронт, где участвовала в оборонительных боях на великолукском направлении, затем — в Ржевской наступательной операции, поддерживая войска 22-й, 39-й, 41-й армий, взаимодействуя с 3-й ВА.

В начале января 1943 г. дивизия в составе корпуса перебазировалась на Волховский фронт.

За многие месяцы блокады Ленинграда (с сентября 1941 г.) немцы превратили свои позиции на подступах к городу в мощный укрепленный район. Еще в ноябре 1941 г. Гитлер заявил, что Ленинград умрет голодной смертью, никто ему не поможет.

По замыслу командующего Волховским фронтом Героя Советского Союза генерала армии К.А. Мерецкова войска фронта должны были взломать вражескую оборону на участке Липка, Гайтолово протяженностью 12 км, уничтожить противника в восточной части Шлиссельбургско-синявинского выступа и, соединившись с войсками Ленинградского фронта (командующий генерал Л.А. Говоров), прорвать блокаду Ленинграда. Координировал действия двух фронтов в январе 1943 г. представитель Ставки Верховного Главнокомандования Г.К. Жуков.

Генерал Кравченко лично поставил боевые задачи полкам на предстоящий день: уничтожение бомбардировщиков противника, не допуская их бомбить наши войска; прикрытия боевых действий штурмовиков 281-й ШАД и бомбардировщиков 280-й БАД из состава 14 ВА генерала И.П. Журавлева, действующих перед фронтом этих войск; разведка ближних аэродромов, тылов противника на синявинско-мгинском направлении.

Семь суток днем и ночью шла жестокая борьба в глубине обороны противника. Упорно преодолевая противодействия врага, продвигаясь по глубокому снегу, наши войска шаг за шагом отвоевывали километры родной земли, проявляя массовый героизм. Как вспоминает в своей книге командующий 2-й ВА генерал армии Владимир Захарович Романовский, он пять суток не спал. Стрелковые дивизии за 6 суток прошли всего 8 километров.

С 12 по 18 января немцы не могли сбросить ни одной бомбы на расположение наших войск. 215-я ИАД в течение всего времени держала господство в воздухе над полем боя, обеспечивая наступающим наземным войскам надежное прикрытие.

Гитлеровцы дрались с отчаянием смертников за каждую высоту, рошу, поселок. В плен они не сдавались. Особенно ожесточенные бои происходили за Рабочие поселки № 1 и № 5, между которыми был двухкилометровый коридор, который противник использовал для связи со своей группировкой, оставшейся на побережье Ладоги.

18 января 1943 г. войска Ленинградского (67-я армия) и Волховского (2-я ударная армия) фронтов встретились в районе Рабочих поселков № 1 и № 5 — блокада была прорвана. Как писал поэт Сергей Наровчатов об этом празднике победы:

*Стоило жизнью не дорожить,
Снова рискуя и снова,
Чтоб не мы, так другие смогли дожить
До этого дня большого.*

Планы Гитлера — задушить Ленинград голодной смертью — были сорваны. Это стало возможным благодаря величайшему мужеству и стойкости ленинградцев, массовому героизму советских воинов. Большой вклад в победу над врагом в операции «Искра» внесла 215-я ИАД Кравченко.

«За время операции на Волховском фронте при ликвидации блокады города Ленинграда части 215-й ИАД под командованием генерал-лейтенанта Кравченко выполнили поставленную перед ними задачу. Летчики обеспечили полностью господство в воздухе над полем боя. В первый этап операции они выдержали упорные воздушные бои с истребителями противника, в день проводили по 67 боев, в результате которых господство в воздухе было обеспечено частями 215-й ИАД. Проведено 1009 боевых самолетов вылетов, сбито 64 самолета. Авиация противника

28 февраль 1943 год. — похороны дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Г.П. Кравченко на Красной площади в Москве. В центре — Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации А.С. Осипенко.

не была допущена к действию по нашим боевым порядкам, надежно была прикрыта работа наших штурмовых и бомбардировочных частей». (Из Представления Кравченко 4 февраля 1943 г. к награде орденом Отечественной войны 1 степени). Потери дивизии были небольшими.

(Указ о награждении Г.П. Кравченко за умелое руководство авиадивизией при прорыве блокады Ленинграда орденом Отечественной войны 2-й степени был издан 22 февраля 1943 г. Орден был вручен родителям Героя).

Хотя прорыв блокады коренным образом улучшил положение города, но Ленинград продолжал оставаться прифронтовым, подвергаясь артиллерийским обстрелам и испытывая нужду во всем необходимом для жизни.

В результате прорыва блокады был создан лишь узкий коридор шириной 8–10 км. Это позволяло вражескому командованию с Синявинских высот в ясные дни не только наблюдать за движением по вновь построенным железной и шоссе дорогам, но и вести по ним артиллерийский огонь, корректировать авиационные удары. Противник, владея Синявинскими высотами, угрожал новым выходом к Ладожскому озеру и новой блокадой города.

Немецкое командование продолжало усиливать группу армий «Север», особенно ее 18-ю армию, стягивало силы в район Синявино.

Бои на синявинском и мгинском направлениях продолжались. Необходимо

было не только удержать отвоеванный у врага плацдарм, но и расширить его.

22 февраля командующий 2-й УА генерал-полковник В.З. Романовский отдал приказ о наступлении на следующий день.

23 февраля генерал-лейтенант авиации Кравченко, накануне отдав все необходимые приказы и распоряжения по дивизии, сам возглавил эскадрилью в составе 8 Ла-5 из 263-го ИАП и повел ее в заданный район Синявино.

При встрече с противником были сбиты несколько немецких самолетов. Завязавший бой перекинулся в район станции Мга. Вначале самолетов противника было 15. Но немцы подняли с ближайшего аэродрома большую силу. Эскадрилья вела бой с противником, имевшим пятикратное численное превосходство (по свидетельству участников боя Питолина и Алифанова). Два летчика, получив ранения, вышли из боя. Кончались горючее и боеприпасы, и другие летчики выходили из боя.

Кравченко, Кузнецов и Смирнов перетянули линию фронта, их преследовали 6–7 немецких истребителей. Последний бой «тройки» Ла-5 проходил над нашей территорией, над позициями 430-го артиллерийского гаубичного полка.

Артиллеристы видели, как наш ас одного за другим уничтожил 4 немецких истребителя. Он стрелял из любого положения самолета. Два Ла-5 его прикрывали. Потом герой покинул неурав-

ляемый самолет. Наблюдавшие видели, как падал летчик, но парашют его не раскрылся... Он упал на бруствер артиллерийского орудия. В его правой руке было зажато вытяжное кольцо с обрывком тросика. Так погиб дважды Герой Советского Союза **Григорий Пантелеевич Кравченко...**

В этом, последнем для него, боевом вылете эскадрилья уничтожила 11 фашистских самолетов (по архивным данным и с учетом свидетельства очевидцев), 6 из них сбил Кравченко. Погибли, кроме него, командир полка В.И. Кузнецов и лейтенант Г.В. Смирнов.

Личный состав авиадивизии и корпуса глубоко переживал гибель товарищей, летчики дали клятву еще крепче бить врага. На многих самолетах было написано: **«Отомстить за Кравченко!»**, которого все любили и гордились им.

Тело генерала на транспортном самолете было доставлено в Москву. Эскорт истребителей из пяти лучших летчиков дивизии сопровождал Ли-2 до Волхова.

После кремации урна с прахом была замурована в нише Кремлевской стены. Похороны состоялись 28 февраля 1943 г. Григорию Пантелеевичу было 30 лет.

Вся жизнь Г.П. Кравченко была подчинена служению Родине, а личная жизнь – на втором плане. Была любовь, но создать семью он не успел. Как он сам говорил: **«Воевал, учился. Учился, воевал».**

Он прошел четыре войны. За свои

30 лет Григорий Пантелеевич успел много сделать для страны, для людей. Как командир – он был примером в умении сплотить боевой коллектив и повести его за собой, был образцом высокого летного мастерства и отваги в бою; как любящий сын – всегда заботился и помогал родителям в житейских делах; как брат – был внимателен к братьям и сестрам; как друг – всегда приходил на помощь. Таким он запомнился людям.

Он оставил после себя самое главное – добрые дела и светлую память!

8 октября 2010 г. в Москве на доме № 21 по Ленинскому проспекту была открыта памятная мемориальная доска в честь прославленного летчика-истребителя первого дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Г.П. Кравченко.

Его именем названы улицы: в Москве, в селе Голубовка (Днепропетровской области, в Украине, где он родился), в селе Звериноголовском (Курганской области, где он учился и вырос), в пос. Синявино-1 (где он героически погиб), в Кургане, где гордятся своим земляком.

Его имя носят школы в этих городах (кроме Москвы) и селах, а также в городе Рязань, Рязанской области, где его помнят и любят, пишут о нем стихи.

К.В. Боброва

Увековечение памяти Г.П. Кравченко

8 октября 2010 г. произошло знаменательное событие – в Москве на доме № 21 по Ленинскому проспекту была открыта Мемориальная доска в честь прославленного летчика-истребителя, летчика-испытателя, военачальника, боевого генерал-лейтенанта авиации **Г.П. Кравченко**. Воин-интернационалист, он, как и его друг, летчик-истребитель С.И. Грицевец, стал первым в стране дважды Героем Советского Союза: его первая «Золотая Звезда» № 120, вторая – № 1. Это высшее звание воинской доблести и героизма им было присвоено одновременно, одним Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 г. Открытие Мемориальной доски Г.П. Кравченко совпало со 100-летием первой в мире авиационной школы летчиков – Качинской, которую он окончил в 1932 г.

На церемонии присутствовали: представители Департамента культуры и Комитета общественных связей Правительства Москвы – специалист В.В. Шевчук и Т.Д. Нешнина; вице-президент «Российской Ассоциации Героев» Герой России **В.В. Сивко**, советник-посланник посольства Республики Украина в РФ – В.П. Иванов; президент Фонда Поддержки Авиаторов заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации С.А. Микоян; председатель Клуба заслуженных военных летчиков, летчиков-испытателей и штурманов генерал-полковник авиации Н.И. Москвителев и секретарь Клуба В.Н. Сенцов; земляки Героя из села Голубовка, где он родился, председатель Новомосковского районного Совета Днепропетровской обл. Н.Г. Сухой; представители Землячества Украины в Москве; член Президиума Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы В.И. Скопенко; вице-президент ФПА «Качинец» полковник В.И. Торубаров и ответственный секретарь В.Г. Голдышев; председатель Межрегиональной общественной организации инвалидов войн и военной службы, заслуженный военный летчик генерал-лейтенант авиации В.П. Ефремов; председатель секции «Авиация и космонавтика» ВНО при Культурном центре Вооруженных Сил им. М.В. Фрунзе В.Н. Бирюков.

1952 г. Украина (Днепропетровская область, с. Голубовка).
Бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза Г.П. Кравченко.

В митинге принимали участие авторы Мемориальной доски: действительный член Российской Академии художеств, народный художник, скульптор, профессор М.В. Переяславец и Почетный архитектор России А.П. Семенов; школьный друг, ровесник Григория Кравченко, подполковник ВМС в отставке Г.А. Крылов; племянницы Кравченко: Е.Б. Редченко с семьей, З.Ф. Демченко, Л.Н. Орлова; дочь первого дважды Героя Советского Союза майора С.И. Грицевца – Л.С. Архангельская; дочь великого летчика, Героя Советского Союза В.П. Чкалова – В.В. Чкалова; ученики школы № 14 им. Ю.А. Гагарина с руководителем Музея «Чкаловцы» – Н.Н. Жусубалеевой; студенты Академии экономики и права, члены Клуба «Родина» с председателем Клуба А.Ф. Поздеевым; ученики школы № 1263, жители дома № 21, председатель первичной организации ветеранов района «Донской» ЮАО – Г.В. Скакун и др.

Ведущий, генерал-полковник Н.И. Москвителев открывает митинг. Звучит Гимн Российской Федерации. В почетном карауле стоят кадеты ВДВ с заместителем председателя Комитета Памяти Маршала Советского Союза Г.К. Жукова – полковником В.Ю. Бондюковым. Почетные представители перерезают ленту, снимается покрывало и открывается скульптурное изображение генерала Кравченко. Присутствующие возлагают цветы и фотографируются. После выступления объявляется окончание митинга. Священник Храма Ризоположения отец Максим совершает молебен и окропление святой водой. Во время церемонии открытия Мемориальной доски работал телеоператор информационной программы «События» канала ТВЦ. Главная заслуга в инициативе по увековечиванию памяти славного сына Родины Г.П. Кравченко принадлежит председателю Клуба Героев Советского Союза и РФ Москвы и Московской области генерал-полковнику авиации **Николаю Тимофеевичу Антошкину**, генерал-полковнику авиации Николаю Ивановичу Москвителеву, генерал-лейтенанту авиации Виталию Петровичу Ефремову, а также – Председателю Президиума Совета «Союз ветеранов Войск ПВО» генерал-полковнику А.И. Хюпинену и Председателю Совета «Союза ветеранов МО ПВО» генерал-майору Е.Рогову.

10 октября 2012 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Григория Пантелеевича Кравченко. 21 ноября этого года страна отмечала 100-летний юбилей ВВС России, когда Военно-воздушные силы стали отдельным родом войск. Для проведения этих юбилеев был создан Оргкомитет во главе с президентом ФПА С.А. Микояном. Вице-президент Фонда В.И. Турubarов и его помощник, председатель организации «Боевое братство Качинцев» В.Г. Голдышев приложили огромные усилия, чтобы достойно отметить эти юбилеи. Группа ветеранов возложила цветы к мемориальной доске на Кремлевской стене, в нише которой захоронена урна с прахом Г.П. Кравченко, погибшего 23 февраля 1943 г. в воздушном бою под Ленинградом. Группу возглавил председатель Совета ветеранов Вооруженных Сил РФ гарнизона Кубинка, военный летчик 1-го класса полковник запаса В.Ф. Свищев. Присутствовали представители различных организаций Москвы, а также земляки Героя с Украины, старший научный сотрудник Центрального музея Вооруженных Сил России В.А. Афанасьев, во-

енный историк А.Т. Карташев, доктор исторических наук В.И. Десятирик, а также Т.Ю. Сулец, О.В. Чкалова, Л.Н. Орлова, К.В. Боброва и др. Возложение цветов у Кремлевской стены продолжилось у Мемориальной доски на доме № 21 по Ленинскому проспекту, где жил Кравченко. В этот же день Музей Героев Советского Союза и России (отдел Музея-панорамы «Бородинская битва») организовал встречу ветеранов и школьников ЮЗАО Москвы, посвященную 100-летию Г.П. Кравченко. На встречу был приглашен Г.А. Крылов – школьный друг, ровесник Кравченко. Сотрудники Музея под руководством главного специалиста М.В. Фридрих продемонстрировали видеofilm о жизненном и боевом пути Героя. К.В. Боброва, автор книги «Рожденный летать и сражаться», подарила ее Музею и передала в дар для художественной галереи Музея портрет Г.П. Кравченко (автор художник И.О. Равич, 2012 г., холст, масло).

13 октября был проведен День Памяти первого дважды Героя Советского Союза Г.П. Кравченко на Поклонной горе. Организаторы: ФАП «Качинцев», Центральный музей Великой Отечественной войны при участии Главкомата ВВС РФ, посольств Украины, Китая, Монголии в России, Национального культурного центра Украины в Москве, Днепропетровского Землячества, ОАО «ЛазерСервис», «АвиаФэдСервис и личных пожертвований С.В. Духанина, А.Н. Кактус, С.Л. Леонченко, выпускников Качинского ВВАОКУЛ им. А.Ф. Мясникова. В торжественной обстановке с выносом знамен, под музыку оркестра летчикам-качинцам были вручены медали МО «100 лет Военно-воздушным силам Рос-

Герои Советского Союза С.А. Микоян и С.М. Краморенко, Герой России А.П. Андреев

сийской Федерации». После общего фотографирования, в киноконцертном зале состоялось торжественное собрание. После выступлений В. Турubarова, К. Бобровой, В. Десятирика, военного атташе Монголии в РФ - Очирына и др., был продемонстрирован документальный фильм «К столетию Григория Кравченко», всем присутствующим были вручены юбилейные памятные знаки «100 лет Г.П. Кравченко». Состоялся концерт, читали стихи и исполняли песни, посвященные Герою, был выпущен диск – сборник авиационных песен к его юбилею. Замечательная Украинская народная хоровая капелла города Москвы под руководством В.И. Скопенко исполнила украинские и русские песни. Космонавт Юрий Миленченко с космической орбиты МКС поздравил всех присутствующих с юбилеем Г.П. Кравченко, Первого дважды Героя Советского Союза. После концерта был организован прекрасный банкет. В.И. Турubarов сумел объединить огромный зал в единое целое, был вдохновителем душевного подъема всех присутствующих, половину которых составляли качинцы. Люди выступали, общались, знакомились, фотографировались у портрета Кравченко. Молодые ребята, кадеты, будущие летчики давали свои первые интервью о любви к авиации.

К.В. Боброва

Музею Героев передается портрет Г.П. Кравченко

Герой Советского Союза С.А. Микоян, Герой России В.В. Сивко, дочь В.П. Чкалова - В.В. Чкалова

Фото на память - памятные мероприятия в Музее Героев

У кремлевской стены - К.В. Боброва у ниши с прахом Г.П. Кравченко

ГРУППА «А»

МЫ – ГРУППА «А»

Две знаковые даты в красном календаре Содружества Группы «А».

Первая, – 20-летие Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа». Вторая же предстоит летом 2014 года: 40 лет боевому подразделению, созданному в 1974 году.

Две знаковые даты в красном календаре Содружества Группы «А». Первая, впрочем, уже прошла осенью прошлого года – 20-летие Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа». Вторая же предстоит летом года будущего: 40 лет боевому подразделению, созданному в 1974 г.

Нерушимое братство

В октябре 2007 г. мы широко отмечали на Поклонной горе в Москве 15-летие Ассоциации «Альфы» – первой подобной организации представителей силовых структур, созданной на пространстве бывшего Советского Союза. После него в обиход вошло понятие «Время по «Альфе». На мой взгляд, оно как нельзя лучше отражает и нашу идеологию, и наш образ мыслей – все то, что, собственно, и породило феномен Группы «А».

Время показало, что решение о создании закрытого корпоративного содружества Группы «А» было верным и своевременным. После возникли аналогичные структуры «Вымпела», «Витязя», спецназа ГРУ и МВД, ветеранов внешней разведки... Но так было предначертано, что именно ветераны Группы «А» оказались первыми.

Менялась страна, менялись экономические формации и политические платформы. Другими становились условия, в которых проходили службу наши сотрудники. Однако дух «Альфы», ее неписанные законы, доблесть и отвага павших и живых героев остаются неизменными, и свято чтутся и нашими ветеранами, и действующими сотрудниками с Группой «А».

И вот новая знаменательная дата – 20-летие Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфы», собравшая в столичном «Крокус Сити Холле» более двух с половиной тысяч участников.

Специально в Москву прибыли делегации из Белоруссии, Украины, Казахстана, Киргизии, Молдавии, а также Хабаровска, Екатеринбурга и Краснодара, представляющие «альфовское» содружество этих стран и регионов России.

Хочу особо отметить ветеранов украинской «Альфы», которые в самые трудные годы двухсторонних отношений России и Украины оставались нашими верными друзьями и товарищами, ставившими боевое братство превыше политической конъюнктуры. Созданная ими Ассоциация является примером и для нас.

Наш праздничный вечер провел Народный артист СССР Игорь Кириллов, чей узнаваемый и неподражаемый голос является символом Эпохи, откуда родом Группа «А».

В канун юбилея мы презентовали в агентстве ИТАР-ТАСС уникальную книгу очерков «Крещенные Небом», посвященную всем погибшим сотрудникам «Альфы», а также знаковым личностям – Виктору Карпухину, Михаилу Романову, Игорю Орехову, Владимиру Ширияеву и Валерию Емышеву. Четверо из них стояли у истоков создания Ассоциации «Альфа», а все вместе они являются золотым фондом России. Даже после ухода из жизни.

Бойцы антитеррора никак не были связаны с политикой. Они всегда честно и образцово выполняли свой долг, играя ключевую роль и во время штурма дворца Амина (1979 г.), и при событиях у Белого дома в Москве (1991 и 1993 гг.), и в Буденновске (1995 г.), и на Дубровке (2002 г.), и в Беслане (2004 г.), и во многих других операциях, время рассказа о которых еще не пришло.

Подобно героям, которые никогда не переводились на Руси, молодые офицеры стремятся попасть в наше подразделение, несмотря на очень большой конкурс и жесткий отбор. При этом они отдают себе отчет, что могут получить увечье или даже потерять самое ценное, что есть – жизнь.

Говоря о замалчивании или открытом искажении роли Группы «А» в истории нашей страны, Владимир Николаевич Ширияев настойчиво призывал ветеранов «Альфы» самим становиться историками, не ждать у моря погоды, а брать инициативу на себя. Об этом он просил и меня во время одной из наших последних встреч. Таким образом, книга «Крещенные Небом» стала для меня как автора идеи делом чести, и свое обещание я сдержал.

Книга создавалась в предельно сжатые сроки. Порой мне кажется, что изначально она уже существовала где-то в «тонких материях». Оставалось «только» воплотить этот проект, сведя воедино все то, что было собрано нами за двадцатилетний период активной деятельности Ассоциации «Альфа».

Существенное отличие книги – ее высокая информативность, честность и искренность. Авторами ряда очерков являются родственники погибших и даже бывшие заложники – сестры Кусовы, Дзерасса и Фатима, выпускницы школы № 1 города Беслана. Ничего подобного ранее никто не издавал.

Хочу отметить, что фундамент исторической «альфовской» науки был заложен Героем Советского Союза Геннадием Николаевичем Зайцевым, автором масштабных мемуаров «Альфа» – моя судьба, которые получили широкое признание, были переведены на английский и болгарский языки.

Выход «в люди»

В Группу «А» я был зачислен в 1992 г. И именно тогда у наших старших товарищей возникла идея и в гражданской жизни сохранить боевое единство, действовать вместе, но только применительно к новой обстановке, использовать и коллективный интеллект, и личные связи каждого на общую пользу. Выживать, как и воевать, вместе, а не поодиночке, и не терять тех принципов, той «альфовской» школы, в которой воспитывались долгие годы.

Думаю, нынешней молодежи трудно понять, каким масштабным и значимым событием явилось создание ветеранско-

го сообщества Группы «А». Уже потом появились иные разнокалиберные объединения. За основу же бралась именно «альфовская» матрица, созданная 26 октября 1992 г.

Нужно понимать и такое важное психологическое обстоятельство: для людей не просто в погонах, но офицеров сверхсекретного спецподразделения, глубоко законспирированного в недрах Комитета госбезопасности, отважиться на создание публичной и открытой для общества организации означало кардинальную перестройку сознания, образа мыслей и поведения при сохранении главного – державной, охранительной идеологии. Как бы там ни было, эксперимент удался, первый «блин» не вышел комом.

Наша страна буквально распалась на глазах. Казалось, после краха Советского Союза на очереди стоит Российская Федерация – как говорили наши враги, «это обнажившееся ядро империи», которое, по их расчетам, нуждалось в дальнейшем раздроблении на региональные составляющие – республики Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Горская конфедерация и «вольный город» Санкт-Петербург. Замечу, что эти планы отнюдь не являлись утопией.

Продажные и бессовестные чиновники слились в экстазе с мафией. «...Идет криминальная революция. Вернее, она завершилась. Победой будет считаться окончательное построение уголовно-мафиозного государства, уже вполне легитимного, – говорил Станислав Говорухин. – Великая духовная страна на глазах превращается в страну воров и негодяев».

Разул преступности, кровавые разборки и разграбление собственности, создававшейся поколениями советских людей, тупость и вырождение, падение нравов... Страна погружалась в сплошную «Бандитский Петербург».

После «перестройки» и августовских событий наступил общий развал государственности, равных которому в российской истории можно вспомнить только два – Смутное время, закончившееся в 1612 г., и период между февралем–октябрем 1917-го. Пришедшие к власти силы занялись целенаправленным и циничным разрушением государственной машины, причем не действительно прогнившей советско-партийной бюрократии, а армии, органов безопасности, «оборонки».

Однако и в этой удручающей обстановке, когда и «крепкие дубы» ломались, были светлые моменты. Говоря о нашей Ассоциации, я применю такую формулу: ее создание явилось стремлением применить спецназовские навыки к задачам мирной жизни в условиях дикого капитализма.

В условиях крушения системы госбезопасности главным было не потерять традиции, которые закладывались и оттачивались на протяжении пятнадцати с лишним лет. И в этом отношении Ассоциация «Альфа» стала центром кристаллизации, позволившим объединить людей – носителей уникального боевого опыта, морально-волевых качеств и патриотов до мозга костей. Не будь она тогда учреждена, мы могли бы растерять сам дух Группы «А» – что, несомненно, сказалось бы на боевом подразделении.

Система «Альфа»

Наши отцы-основатели заложили важный принцип, согласно которому действующие сотрудники Группы «А» (при определенных условиях и согласно уставу) могут быть членами Ассоциации «Альфа». И этот принцип коренным об-

разом отличает нас от других общественных коллективов, позволяя осуществлять прямую, непосредственную связь и поддерживать преемственность поколений спецназа антитеррора.

Инициаторами создания первой в стране воинской корпоративной структуры выступили **Алексей Атлеев, Владимир Березовец, Николай Берлев, Сергей Гончаров, Владимир Деревнин, Роберт Ивоц, Павел Климов, Владимир Ковалев, Виктор Лутцев, Михаил Романов и Владимир Ширяев.**

На учредительном собрании вице-президентом и ответственным секретарем был избран Владимир Ширяев, и в этом качестве он, прирожденный «серый кардинал» и идеолог, бессменный шеф-редактор газеты «Спецназ России», будет находиться до своей скоростной кончины в июне 2010 г.

«*Меня часто спрашивают, что такое Ассоциация «Альфа»?* – говорит наш президент **Сергей Гончаров.** – *По сути, воинское братство. По форме – закрытая корпоративная организация, которая, несмотря на все попытки расколоть нас извне, сохраняет единство рядов. У нас два депутата Государственной Думы. Более шестисот членов (только в Москве), региональные ассоциации антитеррора, филиалы и представительства. Десять средних учебных заведений, носящих имена погибших сотрудников «Альфы». Целая система, сложившаяся вокруг Ассоциации. И – незапятнанное имя.*

Организационные и аналитические силы позволили содружеству Группы «А» выступить инициатором многих общественно значимых проектов и акций. Именно «Альфа» стояла у истоков учреждения в 1990-х гг. Российского Союза предприятий безопасности (РСПБ) и Общероссийского профсоюза работников негосударственных организаций безопасности, сыгравших большую роль в становлении цивилизованного рынка охранных услуг.

Созданная Система «Альфа» дала возможность реализоваться потенциалу ветеранов в самых разных направлениях, среди которых – бизнес, общественная деятельность, наука и культура, гумани-

тарная сфера. В условиях развала прежнего государства, наступившего после хмельного 1991 г., содружество ветеранов Группы «А» КГБ-ФСБ взяло на себя помощь семьям погибших и умерших офицеров, защиту прав и интересов ветеранов «Альфы», трудоустройство уходящих на пенсию офицеров.

Начиная с 1990-х гг. Ассоциация «Альфа» оказывает весомую адресную помощь боевому подразделению, чтобы было особенно важно в период двух военных кампаний на Северном Кавказе. Не случайно ветеранскую организацию «Альфы», по ее делам, уважительно называют седьмым отделом Управления «А» Центра специального назначения ФСБ России.

По инициативе Героя Советского Союза **Геннадия Николаевича Зайцева** и на его личные средства летом 2000 г. был открыт Мемориал спецназа России на Николо-Архангельском кладбище г. Москвы. Через два года появилась Аллея Славы и Памяти спецназа на Волоколамском шоссе в Подмоскowie, где каждое дерево носит имя погибшего бойца антитеррора и локальных войн.

Ветеранами и соратниками «Альфы» разработана и реализована на практике уникальная матрица военно-патриотического воспитания молодежи, которую предлагается распространить на общероссийском уровне.

Ассоциация «Альфа» сильна своей региональной структурой. Ее коллективными членами являются влиятельные ассоциации ветеранов «Альфы» – в Хабаровске, Краснодаре и Екатеринбургe. Кроме того, она стала центром, консолидирующим ветеранов антитеррора Украины, Белоруссии, Казахстана, Армении, Молдовы, Киргизии и Таджикистана.

Кроме того, офицеры «Альфы» стояли у истоков создания «афганского» движения в России. Они активно взаимодействуют с крупнейшими ветеранскими организациями силовых структур, участвуют в совместных проектах.

Мозговыми центрами Международной Ассоциации «Альфа» являются два структурных подразделения – **Экономический Совет и Информационно-аналитический Совет.** В настоящее время Система «Альфа» включает в себя десятки охранных предприятий и коммерческих структур, что позволяет проводить независимую политику.

Благодаря созданному медиахолдингу, включающему в себя общественно-политическую газету «Спецназ России» (выходит с 1995 г.) и интернет-агентство AlphaGroup.ru, ветераны «Альфы» получили возможность доносить до широкой общественности свой взгляд на процессы, происходящие в России и за ее пределами.

«Нам первыми вставать и побеждать!»

Итак, прошло двадцать лет. Праздник Ассоциации совпал по времени с десятилетием трагических событий «Норд-Оста», что предопределило особое внимание центральной прессы. Сам же праздничный вечер снимал канал ТВЦ.

В фойе «Крокос Сити Холла» была

развернута итоговая фото-выставка «Время по «Альфе», посвященная не только ветеранам антитеррора, но и боевым подразделениям. Да мы и никогда не разделяли себя, считая единым целым!

Под кадры видеорекивима участники вечера почтили память всех погибших сотрудников Группы «А» КГБ-ФСБ. Их матерям, женам и дочерям, находившимся в зале, воспитанниками «альфовских» школ были вручены букеты цветов – под звон настоящих передвижных колоколов, установленных на сцене.

В этот вечер поздравить ветеранов и действующих сотрудников легендарного подразделения пришли **Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Татьяна Буланова, Надежда Бабкина, Александр Маршал, Ольга Кормухина, Александр Добронравов, Леонид Якубович, Сосо Павлиашвили** и другие известные артисты.

Кстати, благодаря Леониду Аркадьевичу мы получили неофициальный Гимн Группы «А». Произошло это таким образом. Во время проведения одной из спецопераций погиб наш сотрудник. Так получилось, что в день похорон мне позвонил **Леонид Якубович**, давний друг подразделения. Узнав о случившемся, он уже вечером снова вышел на связь и прочел только что сочиненные им стихи. Сказал: «*Посмотрите, сочтите нужным – переложите слова на музыку...*»

*Мы с буквы «А» когда-то начинали
Читать, писать и даже говорить.
И вот её нам, как медали,
Вручили, чтобы с нею нам служить!*

*Оставив за плечами неудачи,
Нам не о чем еще с тобой мечтать:
Мы – Группа «А», и это значит –
Нам первыми вставать и побеждать!*

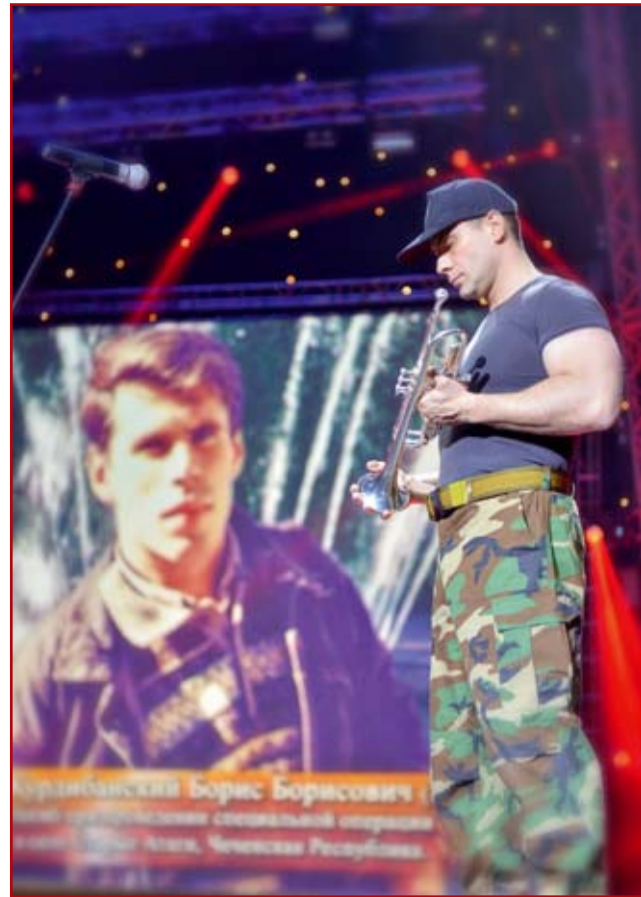
*Когда беда, и не придет подмога,
А смерть уже зовет в свои ряды,
Тогда просите помощи у Бога,
Чтоб Группа «Альфа»
вас прикрыла от беды!*

Под эту песню на сцене и в зале была устроена яркая, эффектная инсценировка – освобождение заложников, закончившаяся «комбинированным штурмом». После него воспитанники Военно-патриотического клуба «Альфа» имени Героя Советского Союза **В.Ф. Карпущина** и СК «Альфа-БУДО» устроили впечатляющие показательные выступления.

Финалом нашего звездного концерта стало выступление Народного артиста России **Николая Расторгуева.** Вместе с ним мы исполнили знаменитую и любимую многими песню «По высокой траве».

Кульминацией же всего вечера стала музыкальная презентация песни «**Будем жить!**», написанной Ириной Островой из Екатеринбурга специально для офицеров Группы «А». Ее исполнил автор этих строк, музыканты Группы «**Любэ**» и военный хор дивизии им. Ф.Э. Дзержинского.

...Обращаясь к читате-

лям книги «Крещенные Небом», я поделился своим наблюдением: «*Меня часто спрашивают – что заставляет этих людей рисковать своими жизнями? Пытаясь мне помочь, многие журналисты заводят разговор про деньги, социальные льготы, награды... И я ловлю себя на мысли, что мы с ними друг друга не понимаем. Наверное, чтобы объяснить, что такое Группа «А», надо самому пройти через эту службу, поглощающую твоё тело и душу без остатка.*

И действительно, вспоминая свою работу во многих коллективах до и после «Альфы», пообщавшись с представителями различных социальных слоев, политических взглядов и вероисповеданий, могу совершенно точно сказать, что таких сильных эмоций, такого драйва от настоящей мужской дружбы, успешно проведенной боевой операции и благодарного взгляда спасенного тобой человека, я не испытывал нигде.

Годы службы в Группе «А» – самые лучшие годы моей жизни!

*Вице-президент
Международной Ассоциации ветеранов
подразделения антитеррора «Альфа»,
шеф-редактор газеты «Спецназ России».
Алексей Филатов*

*Легендарный командир группы «А»
Герой Советского Союза Г.Н. Зайцев*

ПАМЯТЬ

Невозможно сказать человеку спасибо, если его нет в живых. Что ему от нашей благодарности? Плита на могиле теплее от этого не станет, боль в сердце его матери не уменьшится – а слова, что «он настоящий герой», так и повиснут в воздухе...

Один из трех сотрудников «Альфы», не вышедших из боя в школе № 1 города Беслана – майор Маляров. Доброволец, ветеран войны в Афганистане. Разведчик. Офицер спецназа. Все это вехи биографии одного человека. Про него говорили: «Это спецназовец от Бога». Если, конечно, такое сравнение корректно.

«На протяжении многих лет спецназ отличался высоким профессионализмом. В Российской армии его престиж был высок. Подразделение «Альфа» и вовсе считается элитой из элит. Но ужас Беслана показывает, что большая часть этой репутации не базируется на реальном умении».

Эта оценка принадлежит мистеру из Королевского института оборонных исследований в Лондоне, его имя – Джонатан Эйал. Свой комментарий на Би-Би-Си, датированный 7 сентября 2004 г., он озаглавил: «Войска специального поражения».

Как же хотелось давним «друзьям России», чтобы все вышло именно так, как описывал этот британский эксперт: «В результате российские войска занялись тем, что умеют лучше всего: поливать воздух огнем в любом направлении. Хирургически точных ударов, необходимых в подобных ситуациях, не было и в помине».

– Долг каждого нормального человека всегда помнить об этой трагедии, – говорит Герой Советского Союза, прославленный командир Группы «А» **Геннадий Николаевич Зайцев**. – *Равнодушие опаснее, чем пуля и осколок снаряда. И если мы не хотим повторения подобного, а мы этого не хотим, то должны воспитывать в первую очередь личным примером равнодушие в наших детях и внуках.*

Фатима Кусова:

– Потеряв сестру Мадину, многих друзей и учителей, волей-неволей пытаешься представить, как бы сложились их судьбы. Теперь часто проецируешь линии жизни, которые не суждено было прожить...

Я подолгу смотрела на фотографии погибших спецназовцев, изучила черты лица каждого. Боже, сколько благородства и мужества в каждом из них. Когда я увидела фотографию Вячеслава Малярова, я подумала, что он олицетворяет собой образ русского богатыря.

После освобождения у меня появи-

КУСОВА Фатима Асламбековна,

СПЕЦНАЗОВЕЦ «ОТ БОГА»

лось чувство вины перед семьями погибших и пострадавших при спасении. Может быть, кому-то это покажется странным, но я чувствую свою косвенную вину, ведь их сыновья и отцы, спасая меня, погибли.

Эта трагедия навсегда изменила мою жизнь, мое отношение к миру, к окружающим людям. Мы все вмиг постарели, из детей мы превратились в глубоких старцев, которые, встретившись со смертью, почувствовав на себе ее холод, вышли из зала.

Я глубоко убеждена, что в этом мире нет хаоса, все происходит с определенной целью. Вот уже восемь лет я задаю себе вопрос: в чем же главный урок этого события? Что мы не делали или делали не так? И самое главное, что должны делать?

В каком извращенном уме могла появиться идея – воевать с детьми? Один из боевиков пытался даже объяснить нам тогда их вселенскую миссию. Запомнилась его фраза: «Почему из всего чеченского народа сделали нацию боевиков?» Вот и пришли они к нам доказать обратное.

На второй день, когда мы просили у террористов воду, один из них сказал: «*попросите у своих спецназовцев, они вас видят*». Все три дня я представляла освобождение, каждый миг я ждала, что вот-вот все разрешится. Когда я увидела первого спецназовца – мне кажется, это был Андрей Туркин, ведь он был первым, кто вошел в столовую, – я так обрадовалась! У меня было ощущение, что это мой отец, мне пришлось подавить внутренний порыв – обнять его.

Силу побеждает мужество

Вячеслав Маляров родился в городе Балаково Саратовской области. Рос без отца. С 1976 по 1986 г. учился в средней школе № 10. Занимался в детско-юношеской спортивной школе № 1, где показал себя талантливым спортсменом, несмотря на отсутствие выдающихся физических данных.

По окончании средней школы Ма-

ляров поступил в Смоленский государственный институт физкультуры и спорта. В поединках он заслужил звание кандидата в мастера спорта по легкой атлетике.

По окончании 1-го курса Вячеслав добровольно вступил в ряды Советской армии, осуществив свою давнюю мечту стать военным. В 1987 г. попросил направить его в Афганистан. Проходя службу в составе отдельной разведроты 103-й дивизии ВДВ, непосредственно участвовал в боевых действиях, уже в двадцать лет был награжден почетной и любимой в народе медалью «За отвагу».

Будучи в Афганистане, Маляров писал домой, что находится в мирной Монголии. «*Из армии мне прислали два письма, в которых благодарили за воспитание сына, – вспоминает его мама, Анна Петровна. – В Афганистане он был награжден тремя медалями. Одна из них – «За отвагу».*

В 1989 г. он демобилизовался и продолжил обучение в институте, который окончил в 1992 г. Решив связать свою дальнейшую судьбу с армией, поступил на службу по контракту в 218-й отдельный батальон ВДВ специального назначения, дислоцированный в Подмоскowie.

В 1994–1995 гг. Маляров «выполнял задачи по поддержанию конституционного порядка на территории России». Получил звание прапорщика. Вторая медаль «За отвагу» – за штурм Грозного. Там, в Чечне, во время проведения совместных спецопераций его взяли на заметку сотрудники Группы «А».

В апреле 1996 г. Вячеслав Маляров был зачислен в подразделение «А». В октябре 2002-го он был одним из первых, кто ворвался в здание Театрального центра на Дубровке, освободил большое количество заложников. За этот подвиг был награжден орденом Мужества.

– Маляров никогда не был солдатом, который просто тупо выполняет задания, – вспоминает ветеран «Альфы» Андрей Блохин. – Вячеслав всегда

подходил к выполнению задания очень тщательно, продумывал все до мелочей. Даже ввел специальную памятку, в которую записывал все, что может пригодиться при выполнении очередного задания: пристрелка оружия, ориентировка на лесистой местности и т.п. Запомнить все невозможно, и особенно трудно вспомнить в чрезвычайной ситуации, под пулями бандитов, а «шпаргалка» в такой ситуации может стать хорошей подсказкой.

И эти нехитрые «шпаргалки» действительно спасали от верной гибели многих.

– Нашему спецподразделению я отдал двадцать восемь лет жизни, – говорит кавалер пяти боевых орденов полковник Юрий Торшин. – Кстати, в «Альфе» всего шесть человек отслужили более четверти века. Когда меня взяли в подразделение, я ради такого исключительного случая даже курить бросил. Впрочем, во время войны в Афганистане опять начал... Вместе с Вячеславом Маляровым и другими товарищами мы спасали заложников в Беслане. Ради того момента, когда ты выносишь из здания спасенного ребенка, мы и идем на эту сложную и опасную службу.

Загоды военной службы майор Маляров был награжден орденом Мужества, двумя медалями «За отвагу», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени с изображением мечей, Суворова, «За отличие в воинской службе» и «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», нагрудным знаком «За отличие в боевых операциях».

Из воспоминаний **Анны Петровны Маляровой:**

– Слава с детства был очень настойчивым. Уж если что задумал, то обязательно доводил дело до конца. Если что решил – сделает обязательно. Упорный, поблажек себе не даст. Военным мечтал стать с детства и уверенно шел к своей заветной цели. Никогда не жаловался и делал все для того, чтобы меня не расстроили. Даже не разрешил приехать на присягу, чтобы оградить от волнений и лишнего, по его мнению, слез.

В 1976 г., когда Слава пошел в первый класс, он уже умел читать. Учительница всегда на собрании отмечала, что Слава очень честный. В первом классе писали они диктант, и сын получил за него «пятерку». Вдруг он поднимает руку и говорит: «*Марья Васильевна, вы мне неправильно оценку поставили!*». Она недоумевает: «*Почему?*», а Слава напоминает, что он в двух местах исправил ошибки. «*Но ты же сделал это аккуратно!*», – успокоила она его.

Слава закончил четвертый класс.

Летние каникулы. Встречает меня с работы: «Мама, я на работу устроился и принес ягоды для варенья». П такой радостный он был! Я спросила: «Куда же ты устроился?» Оказалось, в питомник, а я ему объяснила, что он «еще мал для работы». Но сын все-таки заработал тогда девятнадцать рублей.

На занятия спортом он шел всегда с удовольствием. Болеет, не болеет, это значения не имело. Поначалу просил меня записать его в секцию по борьбе самбо, но туда принимали только с тринадцати лет. Тогда с третьего класса Слава стал заниматься легкой атлетикой. С утра дома тренируется, после школы в спортивную секцию торопится. Другим стал, улица для него перестала существовать. Помню, в седьмом классе в дни каникул он говорит: «Мам, мне нужно на улицу выйти, а то люди подумают, что я книгу пишу...»

Маляров гордился своей сестрой. Инна с малолетства занималась спортивной гимнастикой, ездила на соревнования и получала грамоты. Говорил: «Я тоже буду получать грамоты, как Инна». Восемь классов закончил без «троек», а в десятом получил несколько, так как он пропускал много уроков: ездил на соревнования по метанию молота. В итоге Маляров стал чемпионом Саратовской области.

Да, результаты этот крепкий парень показывал ошеломляющие. На доске рекордов спортивной школы № 1 города Балакова по сей день висит список его достижений. С 1986 г. никто из балаковских спортсменов не мог сравниться с ним в метании молота.

Инна Владимировна, сестра Вячеслава, вспоминает:

— Мне очень повезло, что у меня был такой брат. Он старше меня всего на год. Помню, как с детства я чувствовала поддержку старшего брата. Когда я пошла в первый класс, Слава проверял мои домашние задания и, когда с работы возвращалась мама, докладывал ей: «Я уже проверил уроки у Инны». В восьмом классе после болезни я хотела бросить спорт, но Слава убедил меня продолжить тренировки. Так, благодаря ему, я и поступила в Смоленский институт физкультуры, где уже учился Слава. В трудные минуты Слава всегда поддерживал меня, давал правильные советы, всегда приходил на помощь. Я горжусь тем, что могу сказать: «Я — сестра Славы Малярова!» Он был трудолюбивый, честный, смелый и справедливый. Всегда знал, чего хочет в жизни, и своим трудом добивался цели.

Обучаясь на первом курсе Смоленского института физкультуры, Маляров одновременно окончил курсы парашютистов. 10 мая 1987 г. он показал маме свой табель, где все отметки были отличными. «Сынок, не ровен час в Афганистан попадешь», — расстроилась Анна Петровна. Вячеслав успокоил: «Мне еще надо окончить этот курс института», — а у самого, как оказалось, уже была повестка в армию на 13 мая.

Маляров был очень хорошим сыном, братом, мужем и отцом. Ласково называл своих родных: «Танюшка моя, Кристиночка и Олежек».

У большой души и боль велика

3 сентября 2004 г. Кристине исполнилось семнадцать лет. Утром Маляров позвонил домой, чтобы поздравить дочку с днем рождения, и очень расстроился, узнав, что она уже ушла в школу.

— Приеду домой, тогда и отпразднуем это событие, — пообещал он. — Очень вас всех люблю. Ждите! За меня не волнуйтесь.

Этот разговор с Татьяной оказался последним. Времени у Вячеслава больше не было: спецназовцы вступили в решающую схватку с террористами.

— Я с замиранием сердца следила за новостными выпусками в сентябре

2004 г., — вспоминает со слезами на глазах Анна Петровна. — Верила, что с сыном все будет хорошо. Что он вернется домой живым и здоровым. У меня скало давление. Я не спала все три ночи, пока развивались события в школе.

За пять дней до акции в Беслане, 27 августа, люди Ш. Басаева разослали письма от его имени, в которых были такие слова: «Именем Аллаха Всемогущего и Милосердного я, Абдала Шамиль Абу-Идрис, Эмир исламской бригады «Рияд-аль-Салихин», объявляю о наступлении третьего тысячелетия исполнения предсказаний пророка Мухамеда. Мы будем взрывать ваши дома, корабли, самолеты, будем убивать вас на улицах ваших богомерзких городов, ибо смерть подлых неверных угодна Аллаху. Путь священной войны есть путь истинного мусульманина. Аллах акбар!»

В прессе и обширной литературе, посвященной трагедии Беслана, практически везде употребляется слово «штурм».

— Я бы предпочел называть это специальной операцией по освобождению заложников, — считает Герой Советского Союза, прославленный командир Группы «А» **Геннадий Николаевич Зайцев**, являвшийся официальным экспертом от ФСБ в комиссии по Беслану. — Так будет вернее. Штурм предполагает комплексное применение всех видов вооружений, а в Беслане этого, по понятным причинам, не происходило. Как не было и в Буденновске, где сотрудники «Альфы» и «Вымпела» шли на крупнокалиберные пулеметы и гранатометы с одним стрелковым оружием. Тем более что в Беслане операция носила спонтанный характер, никто не ожидал такого развития событий. И взрыва в спортивном зале Оперативный штаб не готовил, иначе бы сотрудники «Альфы» и «Вымпела», зная о часе «Х», находились бы на исходных позициях, изготовившись к началу боевых действий.

Азерасса Кусова:

— Находясь в зале в первый день после захвата, нам едва верилось в освобождение, но падать духом было непозволительно, — и я стала рассказывать сидящим рядом про передачу о спецназе, в которой рассказывали про группы «Альфа» и «Вымпел», про то, как они уже спасали заложников из плена. Но тогда они казались нереальными, вроде героев из мультфильмов.

Когда мы стали общаться с ветеранами спецназа и познакомились с офицерами, которые отозвались на наше горе, мы убедились, что это простые люди из плоти и крови. Только несгибаемая воля, сильный дух и благородство делают их неуязвимыми как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Они действительно не умирают, они переходят в вечность.

«Вечная память»... Нет, не вечна память, к сожалению. Но важен урок мужества, который они преподали нам всем. И это не только о тех, кто навсегда остался в том «Беслане злосчастного сентября», мне хочется вспомнить всех. И пусть мы не знаем вас в лицо, вы навсегда стали нам родными.

На памятных мероприятиях в первые сентябрьские три дня, знаю, вы всегда рядом, и поэтому пишу вас среди толпы, так хочется выразить вам свою признательность. Она, может, не утешит матерей, жен, детей тех, кто не вернулся тогда домой, но мы будем стараться оправдать ту цену, которая была заплачена за наше будущее.

...В Беслане старший оперуполномоченный 1-го отдела Управления «А» майор Маляров, действуя внутри школы, перекрыл направление обстрела, который велся четырьмя террористами по помещению, где находилось около ста пятидесяти заложников. Получив смертельное ранение, офицер «Альфы» продолжал вести бой, ранил двух бандитов и заставил их отступить.

В бой он шел без бронезилета. Так уж повелось у него с Афганистана. Говорил: «Не попадет — значит не моя пуля, а попадет, тогда и бронезилет не спасет». Ему единственному разрешалось действовать без защиты.

— Террористы забрасывали нас гранатами и поливали огнем, — говорит Герой России полковник Валерий Канакин. — Первый раненый — Стёпин. Ему разворотило ногу. Маляров вытащил Стёпина из-под огня, оказал первую помощь. А потом в числе первых вошел в помещение. Начали освобождать школу, и заложники буквально хлынули на нас. Вскоре стали подтягиваться соседние группы, теснить боевиков. При входе уничтожили трех бандитов, одна из них — «пахидка». Не успела взорваться или духу не хватило, не знаю.

Мы закончили освобождать основную часть здания и вышли в крыло. Встретили там сильное сопротивление террористов. Человека два-три вели интенсивный огонь. Вячеслав подполз, ответил огнем, и в это время его сразила пуля.

Кого любит народ, того любит и Бог

Командировка в Беслан должна была стать для Малярова последней — он собирался уволиться в запас и вернуться в Балаково. И родной город не забыл своего земляка. 15 ноября 2004 г. решением Совета депутатов ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Балакова».

11 января 2005 г. на фасаде общеобразовательной школы № 10, где когда-то учился будущий сотрудник «Альфы», появилась мемориальная доска. А ведь ее могло бы и не быть, как и самой школы.

Школа старая, на тот момент в ней училось всего сто шестьдесят человек. В этом же районе были построены два новых средних учебных заведения со всем необходимым оборудованием, — в них и перешла часть учащихся. По этой причине представители Комитета по образованию не исключали того, что старая школа будет все-таки закрыта — в целях экономии бюджетных средств. Попала, как говорится, под секвестр.

— С Анной Маляровой я познакомился четыре года назад на торжественной линейке в школе № 10. И сразу проникся всем сердцем к женщине, которая вырастила такого сына, — рассказывает Виктор Горшков, депутат городского собрания Балакова. — Я стал помогать ей по мере возможности. Подружился с товарищами Вячеслава из «Альфы». С их помощью нам удалось отстоять школу, в которой учился Маляров. Но это было непросто.

— Я прошел тогда все кабинеты, — вспоминает Виктор Всеволодович, — и везде получал один ответ: решение о закрытии школы обсуждению не подлежит. В сердцах я набрал телефон Совета Ассоциации ветеранов «Альфы», объяснил им суть дела. В ответ услышал то, чего и ожидать не мог: «Мы выезжаем немедленно!» Проблема с закрытием школы, в которой учился наш легендарный земляк, была решена в одночасье.

В мае 2008 г. они приехали все — в орденах и колодах. Трое ветеранов-«альфовцев» пробыли здесь два дня. Прямо с дороги вместе с Анной Петровной, приехавшей с ними, пошел по самым важным кабинетам. Везде разговаривали без лишних сантиментов: «Мы не позволим вам закрыть школу нашего товарища! Ни одна задача, поставленная перед «Альфой», не была провалена. А эту задачу мы поставили перед собой сами». Никому и в голову не пришло спорить с легендарными бойцами. Таким образом, герой Беслана еще раз прикрыл собой детей. На это раз силой и авторитетом своего имени, всего спецназа антитеррора.

— Каждый год 3 сентября у нас в школе проходит митинг, на котором мы вспоминаем Вячеслава, — говорит директор школы Тамара Терентьевна Павлова. — Рассказываем нашим ученикам, как Маляров спасал людей, вызволял заложников во время теракта на Дубровке, и, конечно, про Беслан...

Вторая мемориальная доска была торжественно открыта в октябре 2008 г. на здании детско-юношеской спортивной школы № 1. С идеей вторично увековечить память Малярова выступил **Геннадий Михайлович Русаков**, директор школы, мастер спорта по спортивной гимнастике.

21 мая 2010 г. в спорткомплексе «Форум» состоялось открытие турнира по мини-футболу, посвященного памяти Вячеслава Малярова. Инициатором проведения мероприятия выступил депутат городского Совета **Виктор Горшков**.

На турнир приехали боевые товарищи и Анна Петровна Малярова. На пресс-конференции глава города Кирилл Лаврентьев обратился к журналистам с просьбой быть максимально корректными в формулировке вопросов, не задавать «лишних». Сами гости попросили, чтобы фото- и видеосъемка с их участием не попали в Интернет. Дело в том, что двое — это действующие бойцы антитеррора. Такая осторожность вполне обоснованна: во время проведения спецопераций маски «кальфовцы» одевают отнюдь не «для красоты».

В том же 2010 г. по инициативе депутата городского Совета **Виктора Горшкова** и предпринимательского сообщества в 9-м микрорайоне Балаково была высажена **Аллея Славы**. Там же установлены стелы с изображением Вячеслава Малярова, Александра Перова и Олега Лоськова — и в память всех погибших сотрудников спецподразделения.

Высадке деревьев предшествовал всероссийский детско-юношеский турнир по борьбе, посвященный памяти Вячеслава Владимировича. Теперь он уже проводится ежегодно. Его организаторами выступают Всероссийское движение «ДРОЗД» и компания «ФосАгро».

Документальный фильм «Бессмертен» об уроженце Балаково завоевал в январе 2011 г. награду Федеральной службы безопасности. Он был снят студией «Отечество» и представлен на конкурс на лучшее произведение литературы и искусства о деятельности ФСБ.

В постановочных сценах роль Малярова исполнил актер местного драматического театра **Олег Романовский**, а роль осетинского мальчика Аслана — **Илья Мельников**.

Презентация картины прошла в Балаково. В основу киноленты легли воспоминания о Малярове его родных, одноклассников, друзей по детско-юношеской спортивной школе, боевых товарищей из «Альфы». В ленте использованы уникальные документальные кадры из архивов ФСБ, на которых запечатлен майор Маляров. К сожалению, жесткие рамки эфирного времени не позволили включить в фильм весь отснятый материал, пришлось многое «вырезать», оставив лишь самое ценное.

— Пожалуй, никогда не приходилось мне еще наблюдать настолько сильного душевного единения собравшихся вместе людей. После просмотра документального фильма буквально у всех на глазах были слезы.

Когда же мы, представители «Альфы», поднялись на сцену, чтобы сказать слова приветствия, зал встречал нас стоя, мы же долго не могли сказать ни слова — настолько сильными были наши эмоции, — поделился своими впечатлениями вице-президент Международной Ассоциации ветеранов спецподразделения «Альфа» **Владимир Елисеев**. По числу посещений Балаково Владимира Владимировича можно уже считать старожилым этого города.

Весной 2011 г. в городском музее состоялось знаменательное событие — передача личных вещей Вячеслава Малярова, которые привез депутат Виктор Горшков. Еще в прошлом году Анна Петровна передала в музей форму, в которой ее сын воевал в Афганистане, и прострелянный магазин от автомата. На этот раз экспозиция музея пополнилась новыми фотографиями Малярова и книгой журналиста **Мурата Кабоева** «Огненный пар». В ней описан весь ужас, испытанный заложниками, и рассказано об операции освобождения.

От Группы «А» балаковский музей получил боевую форму, шлем и чехол для специального военного фонаря, на котором сохранилась «гарь войны».

И вот — знак, который отметил всю деятельность, которая ведется в Балаково. 9 августа 2011 г. школа стала именной. «Нашего полку прибыло!» — воскликнула газета «Спецназ России». И там же, в Балаково, был открыт памятник всем сотрудникам спецназа ФСБ, погибшим в Беслане.

Торжественная церемония открытия памятника собрала многих неравнодушных людей. Среди них были градоначальник **Кирилл Лаврентьев**, депутат Виктор Горшков, учащиеся, педагог Ирина Никитина, горожане.

Кирилл Лаврентьев от имени президента Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» **Сергея Гончарова** вручил благодарственное письмо **Валентину Костикову** — человеку, который помог создать и установить памятник.

В этот день звучали слова благодарности тем, кто рискует своими жизнями, сражаясь с терроризмом. Ирина Никитина зачитала отрывок из сочинения выпускницы школы Анны Терехиной, которое она посвятила Вячеславу Малярову, где есть такие строчки: «...Нет, здесь его жизнь не оборвалась, наоборот, он просто плавно перешел в Веч-

ность — и на небе (я в этом абсолютно уверена!) загорелась еще одна яркая звезда под названием Пик Славы».

В заключение мероприятия Кирилл Лаврентьев и учащийся Вячеслав Лозгачев открыли памятник, до того момента прикрытый тканью. Как сказал Виктор Горшков, теперь есть место, куда можно прийти и почтить память героев «Альфы».

Азербасса Кусова:

— В коридоре новой школы № 1 висят фотографии спецназа, и дети на переменах заглядываются на них, обсуждают их экипировку и боевое снаряжение, олицетворяют себя с ними. Они тоже будут защищать родину, они тоже будут бороться за добро!

Слова ничего не стоят, слова пустые! Они не могут отразить той теплоты, понимания и признательности по отношению к вам. Мы можем только пронести эти чувства через всю свою жизнь, и, выбирая ваши дороги добра, воевать со злом. Эта война ведь, в большей степени, за души. И каков бы ни был исход очередной операции, если вы ЕСТЬ, значит, вы побеждаете! Значит, есть еще добро.

Фатима Кусова:

— С тяжелой черепно-мозговой и минно-взрывной травмой я была направлена на лечение в Москву, где в Республиканской детской больнице перенесла нейрохирургическую операцию. Помнила, что находилась клиника где-то в конце Ленинского проспекта, недалеко был аэропорт. И вот совсем недавно я узнала, что на территории этого больничного комплекса многие годы размещался головной офис ветеранов «Альфы». Я лежала в палате, а совсем рядом, оказывается, находились люди, причастные к нашему спасению! Что тут скажешь? Нет слов.

Ангел сегодня и завтра ангелом будет

В один из последних августовских дней рано утром в аэропорту Владикавказа приземлился самолет из Москвы. На его борту находились сотрудники Центра специального назначения ФСБ, вдовы и родители офицеров, погибших при освобождении заложников в школе № 1 г. Беслана.

Маршрут традиционный: аэропорт — кладбище — школа — аэропорт. На кладбище офицеры спецназа возложили венки и цветы к монументу погибшим заложникам и к «своему» памятнику, установленному моими земляками в благодарность за спасенные жизни.

— В прошлом году ребята затащили меня в школу через то самое окно, где Слава попал в здание, показали, где он был ранен, — тихо плакала Анна Петровна. — Он ведь сначала своего боевого товарища спас, ему ногу сильно повредило, сын его к стене оттащил, перевязал. А сам вот... От одной-единственной пули, дырочки в сердце, погиб. Командир говорил, он боролся до конца, из школы его еще живого увезли. Я все спрашивала, он в сознании был или нет, вдруг какое последнее слово передал. Нет, умер, не приходя в сознание.

Офицеры спецназа еще долго ходили по школе, вспоминали, рассказывали детали операции своим молодым коллегам. Вот здесь погибли Олег Ильин и Денис Пудовкин. Вот здесь лейтенант Управления «В» Андрей Туркин через проем в стене (БТР выдрал решетку на окне) заскочил в столовую. Оттуда навстречу — дети, боевик им вслед бросил гранату, которую своим телом и накрыл лейтенант.

В канун 35-летия Группы «Альфа» «Матери Беслана» направили поздравительную телеграмму ветеранам и сотрудникам спецподразделения «Альфа». «Итог Вашей службы — это сила, смелость, мужество, — говорилось в ней. — Это готовность пожертвовать собой во имя спасения чьей-то жизни. Это храбрость не безумная, а осознанная. 35 лет существования Вашей структуры дают чувство уверенности и защищенности гражданам страны, потому что они знают — Вам под силу любое дело. Была бы только правильная команда».

И еще строчка из этого обращения:

«Вы живете мыслью о Беслане, что это такая же Ваша боль, как и наша, а десять Ваших товарищей, закрывшие грудью детей, навсегда остались в самом сердце Беслана».

Пожалуй, к этому трудно что-либо прибавить...

А в сентябре 2012 г. у Кристины Маляровой, выпускницы Пограничного института ФСБ, родился сын, которого назвали **Вячеславом**. В честь деда!

КУСОВА Фатима Асланбековна,

(родилась 26 апреля 1990 г. в г. Беслане. В 1996 г. поступила в среднюю школу № 1. В 2004 г. вместе с двумя сестрами попала в заложники при захвате школы террористами.)

После реабилитационного периода продолжила обучение. Школу окончила с серебряной медалью. В 2007–2012 гг. получила высшее образование в Санкт-Петербургском Государственном инженерно-экономическом университете на факультете «Предпринимательство и финансы». В будущем планирует создать фонд поддержки детей-сирот и инвалидов.»

КАК ЭТО БЫЛО

Арктика в 40-х гг. XX в. была тем же самым, что и космос в 60-е годы того же века! Так случилось, что в конце 40-х годов прошлого века мне пришлось принять участие в очень интересном, но чрезвычайно засекреченном правительственном задании.

В 1946 г. мне присвоили звание капитана медицинской службы, и выпускная комиссия направила меня продолжать службу в ВДВ. Так я попал в Ефремов, в 351 десантный полк. Началась моя служба врачом десантного батальона.

В 1948 г. я оказался в Туле по делам службы и там, в медсанбате, я встретил удивительного человека – Павла Буренина. Это был тот самый человек, который первым совершил прыжок с парашютом в Арктике! Ему пришлось прыгать с парашютом на о. Бунге для спасения жизни тяжело раненого зимовщика. Я был искренне рад и удивлен смелостью Павла, и мог ли я тогда себе представить, что мне придется сделать то же самое, но не спасая чью-то жизнь, а выполняя особое задание страны! (Известно, что в ВДВ врач прыгает с парашютом вместе с солдатами. К тому моменту у меня уже было 74 прыжка.) Тогда Паша успел у меня спросить: «А само хотел бы в Арктике прыгать?». Я успел ответить: «Хочу!». На этом мы и расстались. С того момента моя жизнь перевернулась, но я еще об этом не знал.

Через некоторое время меня вызвали в Москву – в Главное Управление Северного морского пути! Там я узнал, что меня назначили врачом в совершенно секретную экспедицию в Центральный бассейн Арктики. Так я попал в Высокоширотную воздушную экспедицию «Север-4», где мы дрейфовали на льдине почти три месяца. Наша база находилась всего в 100 км от Северного полюса. Экспедиция уже подходила к концу, а тут меня вызывает Герой Советского Союза генерал Кузнецов (начальник Главсевморпути) и предлагает мне совершить прыжок на Северный полюс вместе с начальником парашютной службы Андреем Медведевым. Дата для прыжка была определена простая – 9 мая 1949 г.!

Через несколько часов прилетели в лагерь летчик Медлицкий. Именно с борта его самолета нам предстояло совершить исторический рекордный прыжок с парашютами. Командовал этой операцией начальник полярной авиации генерал Чибисов. (Спустя несколько лет мы поняли, что это была чистой воды авантюра. Но в тот момент мы об этом даже и не думали!) Прыжок в высоких широтах – задача со многими неизвестными. Мы даже не представляли, как поведут себя купола, и сможем ли мы управлять эти-

«Тогда мы четко ощутили, что Арктика – Наша!»

ми парашютами. А если что-то не выйдет – переломанные ноги, и это в лучшем случае... Настораживало только это. Но мы, конечно, согласились! Мы же десантники! Одна мысль о том, что мы будем «Первыми» на планете, кто прыгнет на Северный полюс с парашютом, увлекла нас полностью. Страха тогда даже не было! А ведь в то время еще не существовало управляемых парашютов, и мы как-будто бы согласились сыграть в «русскую рулетку» с Арктикой. И вот час настал. Мы летим! Взглянув в иллюминатор, ужаснулись – до горизонта черные реки в разломах льда! Повсюду видны сахарные кубики торосов, высокие острые глыбы перемолотого льда – полный ужас... Куда здесь прыгать?!

И вот, ровно в 13.00 по Москве мы ринулись с Медведевым в белую бездну с черными реками! Прыжок... купола раскрылись! Мы пытались хоть что-то рассмотреть внизу. Видно много трещин и полыньи. «Нет, этого

спускались с парашютом, но не было возможности все выкричать. Сейчас был наш час! Мы – «победители Полюса»! Мы – советские десантники! Что конкретно мы кричали – уже невозможно вспомнить. Но мы были самыми счастливыми в этот день!

Тут я вспомнил, что должен был увековечить данное событие и сам рекорд. Я извлек из внутреннего кармана старенький «Фэд», мы надели на себя подвесную систему и стали фотографировать друг друга. Медведев мне намекнул, что положено и Полюс «смазать». Я сразу все понял – достал из кармана флягу со спиртом и две медицинские мензурки для приема лекарств, нашел в кармане плитку шоколада. Медведев поставил друг на друга две льдины и получился импровизированный стол, я сразу же накрыл его полотенцем. Андрей достал откуда-то луковичку и сказал: «С Праздником Победы и с победой над Полюсом!» Затем мы опять обнялись по-братски,

нам не надо», – подумал я. Если мы прилетим в воду – совсем беда! Но все обошлось! Нам просто повезло! Я шлепнулся в кратер, заполненный снегом. Увяз в снегу и никак не мог оттуда вылезти. Смотрю – кто-то приближается ко мне... Слава Богу! Это полз мой напарник Медведев: «Вставай, лежебока! Радикулит схватишь!», – весело обратился ко мне Андрей. «Так это ж будет первый «полюсный радикулит»! – радостно ответил я на его остроту. «Таким и похвастаться в Москве будет не грешно» – добавил я, и мы рванули навстречу друг к другу. Мы обнялись, как обнимаются только в День Победы, а затем, как обезумевшие, стали прыгать и кричать в воздух все, что нам пришлось пережить, пока

переполненные чувством гордости за страну и за себя. Мы сумели сделать что-то впервые в мире, поверьте – это непередаваемые чувства! Затем, поднявшись на вершину ледяной глыбы, мы увидели незабываемое великолепное зрелище: по ледяному полю, присыпанному свежим чистым снегом, медленно катился могучий советский самолет, приближаясь к нам.

Это произошло 9 мая 1949 года! Тогда мы уже четко ощутили, что Арктика – Наша!
(Жаль, что в книгу рекордов Гиннеса наш рекорд так и не попал из-за секретности...)

**В.Г. Волович,
Ветеран Великой
Отечественной войны,
Почетный полярник**

С Командующим ВДВ, Президентом «Российской ассоциации Героев» Героем России В.А. Шамантовым

ПОЗДРАВЛЯЕМ

с 90 –летием:

Кузнецова Георгия Антоновича
02.10.1922 г.
Героя Советского Союза

с 85 –летием

Егорову Полину Федоровну
18.10.1927 г.
Героя Социалистического Труда
Пичугина Александра Васильевича
18.10.1927 г.

Героя Социалистического Труда
Бальмонта Бориса Владимировича
06.10.1927 г.
Героя Социалистического Труда

с 80 –летием

Барилевича Евгения Алексеевича
30.10.1932 г.
Героя Советского Союза

с 75 –летием

Тихонюк Ивана Ивановича
10.10.1937 г.
Полного кавалера ордена трудовой Славы

с 70 –летием

Кондаурова Владимира Николаевича
28.10.1942 г.
Героя Советского Союза

с 50 –летием

Пегешева Александра Игоревича
02.10.1962 г.
Героя Российской Федерации
Мялотица Игоря Александровича
21.10.1962 г.
Героя Российской Федерации

«МУЗЕЙ ГЕРОЕВ»

Москва, ул. Большая

Черемушкинская, дом 24, корпус 3

+7 499 124 1222; 02 22

РЕКВИЗИТЫ ГАЗЕТЫ

АНО «Редакция газеты
«Вестник Героев»

БАНК «СОФРИНО»
г. Москва

р/счет 4070381010000000027
Кор.счет 3010181080000000375

БИК 044525375
ИНН 7730182885
КПП 773001001

(РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель:

А.П. Содаунов — вице-президент Российской Ассоциации Героев, Герой Советского Союза;

Члены редакционного совета:

В.В. Сивко — вице-президент Российской Ассоциации Героев, Президент Фонда поддержки Героев Советского Союза и РФ им. генерала Е.Н. Кочешкова, Депутат Мосгордумы, Герой РФ;

А.С. Астапов — первый вице-президент Фонда поддержки Героев Советского Союза и РФ им. генерала Е.Н. Кочешкова, Герой РФ;

В.Н. Колябабинский — член Правления Клуба Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы Москвы и Московской обл., Герой РФ;

И.Н. Можайцев — начальник отдела государственного учреждения культуры города Москвы «Музей-панорама «Бородинская битва»;

Е.Н. Носовец — заместитель председателя правления общественной организации Героев Социалистического Труда и полных кавалеров ордена Трудовой Славы;

В.А. Востротин — Председатель «Союза де-

сантников России», председатель Совета Московского городского отделения ВОО «Боевое Братство», Герой Советского Союза, генерал-полковник;

Главный редактор: В. Кошлаков

Заместитель главн.ред.: И. Дружинин

Заместитель главн.ред.: В. Калинин

Ответственный секретарь: В. Мухин.

Спец-корреспондент: В. Гондусов

Спец-корреспондент: П. Чуйко

Верстальщик: А. Сардарян

Консультант: А. Зверев

Корректор: И. Астапкина

АНО «Редакция газеты «Вестник Героев Советского Союза, Героев России и Героев Социалистического Труда»».

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-30601 от 09.11.2007 г.

Главный редактор газеты

«**ВЕСТНИК ГЕРОЕВ**»,

Руководитель пресс-службы

«Российской Ассоциации Героев»,

Владимир Кошлаков

8 (903) 242-99-98

e-mail: vladimir_kosh@inbox.ru

